

НАСЛЕДИЕ ПРЕДКОВ

ЖУРНАЛ ПРАВОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

№3(20)/2004

В НОМЕРЕ:

Александр Абакумов
**ИНТЕЛЛЕКТУАЛ
КЛАССИЧЕСКОЙ РУСИ**

Дмитрий Гурьев
**ДРЕВНЕРУССКИЕ
СВЯЩЕННЫЕ РОЩИ**

Леонид Гурченко
УСНУВШИЕ БОГИ. ГЕРАКЛ

С. Пищеков
АДМИРАЛ МАКАРОВ

Игорь Иванов
**БЕЛЫЙ АРМЕЕЦ И
КРАСНЫЙ ГВАРДЕЕЦ**
Вольфганг Акунов
**КАЗАК ГЕЛЬМУТ ФОН
ПАННВИЦ**

Юрий Кравцов
ТЕРНИСТЫМ ПУТЕМ
Илья Бражников
ИСТОЧНИК ЗЛА

НАСЛЕДИЕ ПРЕДКОВ

ЖУРНАЛ ПРАВОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ №3(20) /2004

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОКИ

А. Абакумов. ИНТЕЛЛЕКТУАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ РУСИ 3

Д. Гурьев. ДРЕВНЕРУССКИЕ СВЯЩЕННЫЕ РОЩИ 5

РОДОЛЮБИЕ

Л. Гурченко. УСНУВШИЕ БОГИ. ГЕРАКЛ. 10

ПУБЛИКАЦИИ

С. Пищевков. АДМИРАЛ МАКАРОВ 14

И. Иванов. БЕЛЫЙ АРМЕЕЦ И КРАСНЫЙ ГВАРДЕЕЦ 18

В.Акунов. КАЗАК ГЕЛЬМУТ ФОН ПАННВИЦ — ТРАГЕДИЯ
ВЕРНОСТИ 24

НАШ СОВРЕМЕННОК

Ю. Кравцов. ТЕРНИСТЫМ ПУТЕМ... 29

ГЕОПОЛИТИКА

И.Бражников. ИСТОЧНИК ЗЛА 45

НАШИ КНИГИ 47

На обложке: Плакат Добровольческой Армии. 1920 г.

В Москве журнал можно купить в музее Маяковского на Лубянке (т.921-76-92), на площади Революции, в музее художника К.Васильева. м.Алтуфьево, ул. Череповецкая, д.3 б. тел. 517-50-65.

© НАСЛЕДИЕ ПРЕДКОВ

Всероссийский культурно-просветительский журнал. Регистрационный номер 013415 от 21 марта 1995 Комитета РФ по печати.

Издатель: ООО «РУСПЕЧАТЬ»

Учредитель и главный редактор:

Попов Владимир Юрьевич

Цена договорная.

Почтовый адрес редакции: 111558, г.Москва, до востребования, Попову В.Ю.

E-mail: nnpr1@mail.ru

Подписной индекс по Объединенному каталогу «Пресса России» 34171.

Подписано в печать 11.11.2004
Тираж 500 экз Тип.

Тел.: 507-61-35

Интеллектуал Классической Руси

Появление для широкого научно-го обихода в 1800 г. «Слова о полку Игореве» поставило, в качестве одного из самых интереснейших вопросов к данной ритмико-прозаической поэме, проблематику авторства сего лирико-публицистического памфлета. По тексту этого произведения стало известно (в связи с подчёркиванием автором «Слова...» отличия своей творческой манеры от лучшей из предшествующих ему традиционно-панегиристических!) имя древнерусского барда-дружинника 11 — нач. 12 вв., певца-импровизатора и гуслиря Бояна. Последний, судя по всему, жил примерно за столетие до событий, развернувшихся вокруг (и в ходе) битвы на Каяле. Общественности тогда были обнаружены: безымянный шедевр отечественной словесности и яркий поэт-панегирист, произведения которого (кроме ряда цитат в «Слове о полку Игореве») не сохранились.

Однако, по прошествии более чем полувека в разработках исследователей К. Н. Бестужева-Рюмина (1868 г.) и И. П. Хрущёва (десятилетие спустя) обозначилась подоснова для «отыскания» автора вершины древнерусской литературы. Точку над *i* в идентификации человека, написавшего «Слово о полку Игореве» поставил в 1959 — 1991 гг. Б. А. Рыбаков. Авторство древнерусского шедевра этим выдающимся московским исследователем было «закреплено» за конкретным историческим персонажем. Таковым оказался киевский боярин 12 в. — Петр Бориславич [»Поиск автора «Слова о полку Игореве». — М., 1991, с. 143 — 287].

Судя по наличию отчества и двукратным ответственным дипломатическим поручениям, которые давались ему великим князем и королем Венгрии, этот «сол» принадлежал к кругу высшего киевского боярства. С уверенностью можно говорить о том, что он был сыном киевского боярина Борислава. Данное же имя в русских исторических документах почти уникально. Оно встречается там лишь у двух лиц.

Двор Борислава как общеизвестный топографический ориентир ука-

зан в Киевской летописи. В конце апреля 1151 года великий князь Изяслав Мстиславич, обороняя Мать Городов Русских от Юрия Долгорукого, разместил полки по внешнему периметру «Ярославова города». Ориентирами для читателей летописи были указаны проездные башни, и только один раз был упомянут боярский двор: «... А Изяслав Давыдовичь ста межи Золотыми вороты и межи Жидовскими, противу Бориславлю двору...».

Данный терем находился в богатой, аристократической части Киева, в непосредственной близости от Софийского собора и митрополичьего двора. В древней Руси мальчика в три года сажали на коня («постриги»), в семь начинали учить грамоте, а в двенадцать уже брали в поход. Детство Петра падало на великое княжение Мстислава Великого (1125 — 1132), а юность — брата последнего — Ярополка (1132 — 1140), при котором велись лютые войны с Ольговичами, призывавшими по примеру своего отца, Олега Гориславича, в помощь себе многотысячные отряды половцев.

Петр Бориславич упоминается впервые в 1152 году уже как боярин, названный по отчеству. Он присутствовал на «снеме» князей с венгерским королем по поводу судьбы побежденного соперника Изяслава — князя Владимира Галицкого. Молодой дипломат был послан к этому «волостелину» в Перемышль совместно с венгерскими послами принимать присягу. Владимирко клятву вскоре нарушил, и на следующий год Петр Бориславич вторично был послан (уже в столицу «нарушителя» — Галич) объявить ему войну, «бросить ему крестные грамоты».

Перипетии сего посольства подробно изложены этим боярином в Киевской летописи, большую часть которой он (согласно тому же Борису Александровичу Рыбакову, как и ряду более ранних исследователей) частично написал сам, а отчасти «идейно вдохновлял». Авторство Петра Бориславича по отношению к «галицкому отчету», внесенному в исторические анналы, предположил И. П. Хрущев в 1878 г., и оно практически никем из исследователей не

оспаривалось.

Завершилась же данная миссия молодого киевского дипломата, в целом, успешно. Новый галицкий князь, Ярослав Осмомысл, принял киевские условия.

Первый раз «эффект присутствия» в летописи Петра Бориславича мы ощущаем в описании похода (1138 г.) Ярополка (в помощь прикарпатцам!) на Болеслава Кривоусого, расположившегося со своим войском «за Гlichem на луках между болоты и позади его горы». В походе участвовал и удельный князь Изяслав Мстиславич.

Только очевидец, непосредственный участник событий, мог рассказать о том, что в полночь с гор были видны костры польского лагеря. На рассвете был услышан шум отдалённой атаки галичан, после чего (для её поддержки!) в киевских полках затрубили сигнал к бою. Возможно, что именно тогда 18-20-летний сын боярина Борислава попал в поле зрения Изяслава Мстиславича Волынского, уже прославившего себя блестящей победой над полоцким князем в 1127 г. Во всяком случае, тот пункт, откуда будущий летописец разглядывал огни поляков, где он слушал допрос пленных самим великим князем Ярополком, был, очевидно, невдалеке от главной ставки.

Именно в эти годы молодой дружинник мог петь (согласно «татищевской редакции» Киевской летописи) на клиросе совместно с Игорем Ольговичем, приезжавшим из своего Дорогичина во Владимир Волынский, где до 1141 г. княжил Изяслав Мстиславич. Несомненно личное участие боярина-летописца в многочисленных княжеских съездах, походах и т. п.

Петр Бориславич вторично (после 1152 — 1153 гг.) фигурирует в политических событиях через 1,5 десятилетия. Одновременно с ним тогда упомянут его брат Нестор. Братья Бориславичи участвовали в общерусском походе 1168 г. против половцев, доведённом до Орели и Снепорода (сравнительно недалеко от места гибели Игоревы полка — спустя 17 лет).

События нач. 1169 г. являются иногда поводом для объявления Пет-

ра Бориславича, а тем самым и к отрицанию возможности видеть в нем автора «Слова о полку Игореве». Дело в том, что исследуемый нами персонаж содействовал входу войск Андрея Боголюбского и (гл. о.) его союзников в Киев. Петр Бориславич не был придворным ни одного из князей, которым он служил. Он был вассалом, сохранявшим право выбора. В 1149 году он жёстко осудил Изяслава Мстиславича за пренебрежение советом боярской думы. Он считал нужным не умолчать в своей летописи о суровом решении киевского боярства: «...поедита в свои волости!». В 1150 году киевляне вернули Изяслава, прогнав Юрия Долгорукого, а через несколько недель, учитывая новую ситуацию, киевское боярство во второй раз сказала своему волынскому любимцу. «Поеди, княже, прочь! И то рекше, кияне побегоша от него прочь». Это тоже попало на страницы этой боярской летописи. Во время же конфликта с Мстиславом Изяславичем, в 1168 — 1169 годах, против него было резко настроено боярство и все васальные князья.

Петр Бориславич к этому времени уже давно, как мы увидим ниже, не был «княжим мужем». Ещё до нач. 1169 г. он достиг самой вершины нетитулованного слоя феодалов — стал киевским тысяцким, то есть главой столичного боярства. Он не изменил Мстиславу, а вместе со многими князьями переменял ориентацию, отошел от него. Феодалные понятия тогда сильно отличались от позднейших. Петр Бориславич не был Андреем Курбским, бежавшим из Руси. Он, Петр, содействовал появлению в Киеве другого властителя вместо Мстислава. Это было желанием многих князей.

В рассматриваемом нами киевском боярском семействе известно и третье поколение — «сестричь» (племянник) Петра Бориславича — Фёдор, епископ Ростовский. Сей церковный иерарх (казнённый своими противниками в 1170 г.) был яркой, даровитой, волевой, энергичной, красноречивой и достаточно образованной личностью. Он известен как активный участник внутрицерковной (да и политической) борьбы тех лет.

После метаморфоз 1170-х гг. с Великим княжением, Пётр Бориславич сосредоточился на «курировании» (с небольшими перерывами) киевской летописи. Эта его деятельность (согласно Рыбакову) продолжалась довольно-таки долго — вплоть до осени 1196 г.

«Между делом» же летописания,

поражённый событиями печального похода Игоря и Всеволода Святославичей на половцев, Пётр Бориславич и сотворил знаменитый древнерусский шедевр.

Угадываемая биография киевского интеллектуала выглядит примерно так.

Пётр Бориславич родился около 1120 г. в знатной боярской семье в конце княжения Владимира Мономаха. О месте его рождения может косвенно свидетельствовать один из галицких топонимов (географических наименований). На юге Львовской области известен г. Борислав. Данный населённый пункт сложился в 19-м столетии из нескольких сёл и прилегающего к ним Бориславского монастыря. Последний письменно фиксируется с 1387 г. Земельный же участок данной обители вполне мог быть «дарственной» вотчинника в ещё более давние времена.

Совершая феодальный «отъезд» в Киев крупный галицкий боярин Борислав «заложил» свой «аллод» какому-то монастырю. Последующие же имущественные метаморфозы постепенно преобразовали данное «замковое хозяйство» в полную собственность «чёрного» духовенства. Этот монастырский «филиал» со временем стал самостоятельной обителью.

Другим свидетельством галицких родовых корней Петра Бориславича оказывается сам факт его 2-кратного посольства от имени Изяслава Мстиславича к Владимиру Володаревичу в 1152 — 1153 гг. Именно сына бывшего боярина отца правящего галицкого князя и направило киевское правительство (несмотря на молодость Петра) в столь ответственную миссию.

Третьим «прикарпатским фактором» автора «Слова о полку Игореве» являются подмеченные украинскими филологами нек. специфические (уже и для 12 в.!) лексические незначительные старогалицизмы. Складывается впечатление, что своё раннее детство Пётр Бориславич провёл где-то на Бойковщине.

Итак, родился будущий автор величайшего шедевра литературы Киевской Руси ок. 1120 г. в Перемышле или в вотчине своего отца. По боярско-княжескому бытовому укладу Пётр в трёхлетнем возрасте был, повторяю, посажен на коня («постриги»), а к 7 годам начал учиться грамоте. Именно в этот момент семья Борислава и переезжает (после того как отец семейства окончательно «оформился» в Киеве) в древнерусский мегаполис.

Сестра Петра и Нестора, судя по примерному возрасту к 1170 г. их племянника Фёдора (40 лет), родилась где-то не позже 1-й пол. 1110-х гг. и была среди детей боярина старшей. Борислав, повидимому, женился сразу же после перипетий победоносных общерусских походов на половцев нач. 12 в. Тогда и могли завязаться более (чем обычно) тесные знакомства «старших» дружинников различных владений. После смерти в 1113 г. великого князя Святослава Изяславича (и последовавшей затем массовой сменой различными Рюриковичами своих «столов») произошла, естественно, значительная ротация боярского и «отроческого» контингента между удельными волостями.

При таких обстоятельствах было вполне вероятным появление в Прикарпатье отдельных курских «старших» дружинников и их семей. У основателя (Ростислава Владимировича) галицкой ветви Рюриковичей, например, среди его бояр были даже новгородцы.

О северянских же своих родовых «истоках» Пётр Бориславич проговаривается в одном из мест «Слова о полку Игореве».

А куряне бойцы бывалые:
рождены под трубами,
взлеяны под шлемами,
с конца копья вскормлены;
им дороги ведомы,
все овраги знаемы,
луки их натянуты,
колчаны отворены,
сабли их отточены;
словно волки серые,
скачут они по полю,
ища себе чести,
а князю — славы!

Столь откровенная (хотя и обоснованная) похвала представителям конкретной волости тогда (в условиях доминирования этикета родовой и земляческой солидарности) может лишь свидетельствовать о какой-то близости рассматриваемого киевского боярина к дружинной среде одного из уделов Черниговского княжества. Патрилокальные галицко-перемышльские корни Петра Бориславича нами установлены. Родственники же жены традиционно (во всём виде Homo Sapiens!) не комплиментарны.

Остаётся допустить курское происхождение матери поэта-публициста. Вот откуда столь непосредственный пиитет Петра Бориславича к своим родственникам (и землякам последних) в дружине «буй тура» Всеволода!

Причиной же переезда перемышльского боярина Борислава в Киев вполне могла быть почти одновременная смерть галицких князей-соправителей братьев Ростиславичей (Володаря Перемышльского и Василька Теробовельского) в 1124 г. и перераспределение кадров их дружин. Через год же последовала и общерусская ротация боярства и «отроков», всвязи с кончиной в столице Владимира Мономаха. Бориславу в данной сумятице как-то удалось добиться расположения Мстислава Великого. Так что в школу для боярских детей маленький Пётр пошёл уже в Киеве.

1138 г. нами ранее отмечен уже наличием «эффекта присутствия» будущего дипломата-летописца-поэта-публициста при разгроме поляков киевлянами и галичанами. Именно тогда, повидимому, племянник (Изяслав Мстиславич) тогдашнего великого князя (Ярополка Владимировича) и взял в свою дружину сына боярина своего отца.

1142 — 1146 годы. Пётр со своим сюзереном в Переяславе-Русском. Здесь, при местном князем дворе и состоялась, повидимому, первая «проба пера» начинающего куратора летописи. Именно тогда, надзирая над составлением региональной «хроники» (которая, кстати, в своём первоначальном переяславском виде не сохранилась), Пётр Бориславич и сам порою брал на себя роль составителя текстов и даже, возможно, рисовальщика миниатюр. Созданная под его руководством иллюстрированная летопись имела и ретроспективную часть, доведённую до 1127 г. — поход Мстислава Великого, его братьев и сыновей (в т. ч. Изяслава), а также дружины союзных князей на Полоцк.

А это как раз и было первым крупным детским киевским ощущением (выход огромного войска, в составе которого был и его отец, из столицы) маленького Петра. Как раз вскоре после его переезда из Галичины! Другим (уже «тинейджерским») впечатлением будущего дипломата, летописца и поэта были дворцовые сплетни нач. 1130-х гг. о байстроукском происхождении младшего из сыновей Мстислава Великого — Владимира. Или Мачешича, как называли его старшие братья. Эти (и другие) свои детские воспоминания и изложил (среди прочих фактов) боярин-хронист в ретроспективной части переяславского этапа своего письменного творчества.

1146 — 1154 годы. Пётр Бориславич — великокняжеский летописец

Изяслава. Как и дипломат (2 поездки в Галичину)! Переяславскую свою хронику он «включает» (наряду со «свежими материалами») в киевское летописание. После смерти своего сюзерена Пётр входит в состав верха столичного «земского» боярства. Он становится одним из виднейших «киевских мужей».

Следующие 12 лет «большой» столичный боярин продолжает курировать летопись. Однако чувствуется, что Петру Бориславичу не всегда удаётся сосредоточиться на данном надзоре и в написании хроникальных заметок. Отвлекают другие обязанности «киевского мужа».

1167 — 1169 годы! Пётр Бориславич становится киевским тысяцким. В 1168 г. воспеваает в особой манере общерусский поход на половцев. По завершении же оно развёртывается конфликт вокруг великого князя Мстислава Изяславича. Данная «замятня» завершается его «вытеснением» с киевского «стола» и двухдневным «потоком» (разграблением) Матери Городов Русских.

Последующие 12 лет Петру Бориславичу удаются («между делом» перипетий великокняжеской чехарды в столице) лишь отдельные «кабинетные записки».

1181 год. Маститому киевскому боярину только что утвердившиеся (на великокняжеском «столе») «думвиры» (Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич) поручают сосредоточиться на курировании своего летописания.

В 1185 г. Пётр Бориславич создаёт «Слово о полку Игореве».

Примерно через 5 лет куратор-летописец созидает особый исторический труд. Пётр Бориславич включил, повидимому, в него как «Повесть временных лет», так и (охватывающую более чем полувековой период) свою (совместную с другими авторами) работу. В этот летописный свод им были включены и нек. иные хроники. Немалая часть данной синтезированной истории (и рисунков к ней) сохранилась до наших дней. В виде значительного числа фрагментов, переписанных в более поздних сводах.

1190 — 1196 годы. Последний этап летописного творчества Петра Бориславича. Сначала попрежнему на службе у «думвирата», а после 1194 г. лишь у одного из них. Единственным Киевским Великим князем тогда остался (после смерти соправителя) Рюрик Ростиславич. Последняя запись, которая может быть приписана Петру Бориславичу, датируется осенью 1196 года.

Как «Киевская летопись», так и «Слово о полку Игореве» обнаруживают поразительное сходство (с учётом жанровых различий) в идейно-политической направленности сути этих произведений. Общими, также, являются критерии социально-психологических оценок событий и персонажей описываемых в них событий.

Два важнейших политических принципа пронизывают и летопись, ведущую на протяжении многих лет, и поэтический памфлет, созданный автором за сравнительно короткий промежуток времени в его «серебряной седине»: мирное, без усобиц и свар, строение князьями своих волостей и совместная борьба с половецкими наездами. С ионосферной (как это не покажется необычным для реалий 12 века) высоты осуществляет свой геополитический обзор Русской Земли автор. И не только от имени одних киевских «лепших и смысленых мужей», а в качестве «гласного» всего нашего народа, всех воев и ратаев-пахарей Пётр Бориславич свою «держит речь» к князьям. Без униженности, без упования на провиденциализм христианского бога (что резко отличает нашего боярина-писателя от прочих тогдашних хронистов), но эпически спокойно (в летописной прозе) и взволнованно-величаво (в своей публицистической поэме) он обращается к русским «господам волостелинам». В т. ч. и самым могущественным из них!

Пётр Бориславич к ним «держит речь» то повествуя, то порицая, то призывая. Он всегда (в обоих своих произведениях) ставит на первое место не чьи-либо династические интересы, не выгоду отдельных лиц, как бы высоко они не стояли, а интересы всей Руси, всего нашего народа XII столетия.

Если Боян (наилучший поэт-сказитель эпохи Ярославичей и их сыновей) олицетворял собой позднюю архаику древнерусской цивилизации, то Пётр Бориславич (наряду с другим публицистом — Кириллом Туровским, философом Климентом Смолятичем, князьями Изяславом Мстиславичем и Романом Мстиславичем, архитектором Петром Милонегом и творцами шедевров Владимиро-Суздальской школы зодчества, как и др. яркими личностями той поры) воплотил в себе её классический «периклов» этап.

Дмитрий ГУРЬЕВ

Древнерусские святыя рощи

Каждый народ хранит память о своих предках до тех пор, пока думает о сохранении своего Рода. Со времен каменного века идет традиция почитания предков, прародители свято чтятся наравне с богами. Издревле у индоевропейцев в особо почитаемых местах размещались мощи святых, ранним примером служит святилище-обсерватория бронзового века Аркаим и Синташта, над расшифровкой космогонического смысла которых сегодня ломают голову археологи и астрономы. Традиция это сохранилась и передалась поколениям в средние века, когда на исторической арене появляются славяне. Русские славяне, что осталось от них? Столетие назад Коринфским А.А (Народная Русь., СПб.1901) писал: «Еще недавно можно было видеть уцелевшие от топора-истребителя и свято охранявшиеся населением старые одинокие дубы, позабытыми на поле битвы богатырями возвышавшиеся над равниною. Это — заповедные деревья, уцелевшие от истребленных священных рощ. Под ними время от времени устраивались мирские пирушки, игрища, играла-выговаривала балалайка.»

Сегодня от древнерусских свя-

тых рощ в густонаселенных районах Подмосковья мало что осталось.

В течении ряда лет группа родноверов проверяла состояние сохранности ряда древнерусских курганных могильников Подмосковья . Результаты были доложены на в Коломне на областной научно-практической конференции «История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания» (2003 год). Выводы неутешительны. Сравнение динамики двух кривых в зависимости от времени — числа сохранившихся памятников и количества научных трудов о язычестве древней Руси (статьи, диссертации. Монографии, лекции, доклады, и проч издания) приводит в выводу о том, что наука археология и история никак не влияет на сохранение языческих памятников., первая кривая катастрофически растет, а вторая непрерывно стремиться к нулю. Здесь следует признать, что ученые после уничтожения памятника оставляют о нем отчет и находки отдают в музей, хозяйственники же ничего не оставляют.

Лето 2003 года мы проводили разведку в районе крупнейших

средневековых волоков из реки Москвы в бассейн реки Клязьмы в районе современных районов Щелковского, Мытищинского, Пушкинского, где согласно данным археологии располагаются крупнейшие могильники Подмосковья. Не обнаружив этих памятников кроме как на бумаге в археологических отчетах, я обратился с запросом в Русский музей , исходя из убеждения, что заведение с таким названием должно в первую очередь заботиться о памяти русских предков. Запрос переадресовали в министерство культуры, культура запросила археологов, археологи соответственно задали вопрос заявителю «А что, действительно этих курганов нет?». Так я оказался над всей наукой археологией. Статистический анализ сохранившихся курганов на основании документов археологической карты давал довольно приглядную картину, реальность же сильно отличалась в худшую сторону. Языческие могильники в Щелковском районе уничтожались в 1991-2003 гг со средней скоростью более 1,5% в год. Эту цифру необходимо сравнить со средней цифрой в до-революционный период, оценка на основании данных археолога

А.А.Формозова (Следопыты земли Московской, Московский рабочий, 1988) дает цифру 0,1% в год.

Подход российских ученых к могилам предков выразил в 1837 году петербургский академик Петр Иванович Кеппен: «Сведения о курганах должны почитаться общественным имуществом, и оставлять их ненапечатанными почти столь же непрестительно, как и раскапывать могилы по бессовестной корысти или по одному легкомысленному любопытству. Как дни минувшие, так и самые могилы принадлежат истории, и только достойные ее служители вправе обследовать прах, некогда одушевленный». Вспомним, какой буйной критике подвергся известный антрополог А.П.Богданов, организатор многочисленных выставок, материалы которых легли в основу многих московских музеев, раскопавшего несколько курганов без ведения должной документации! Сравним эту ситуацию с началом 21 века, когда исчезновение сотен курганов не вызывает никакой реакции общественности (!?).

Святые рощи коренных народов России, например угро-финнов, хорошо известные этнографам, эти места и сегодня почитаются местным населением национальных республик России. Русские славяне же забыли о могилах своих предков, от того никто и не протестует против уничтожения русских святых рощ, которыми по сути и являются славянские курганные могильники. Мифы заменяют реальность и становятся для нового поколения самой реальностью, как миф о захоронениях на Красном Холме русских воинов, павших на Куликовом Поле. Нет никакого сомнения в том, что памятник погибшим воинам необходим, но он может быть поставлен где угодно, если место захоронения не известно. Как это сделано для могилы неизвестного солдата около кремлевской стены в Москве. Совершенно не допустимо уничтожение реальных памятников, почему же память о предках славных русских бойцов того же Поля Куликова осквернена? Их могилы разорены.

В советское время данные по расположению археологических памятников были засекречены, в настоящее время они опубликованы в открытой печати, состояние памятников от этого не улучшилось.

Какими причинами можно объяснить подобное состояние с охраной памятников истории и культуры, при котором в сердце России при несомненном росте религиозного сознания населения, веры в потусторонний мир и загробную жизнь исчезают древнерусские могилы? Объясняю это заилием чуждой идеологии. Разделим время, прошедшее с введения Пра-

вославия на Руси на три периода, характеризующиеся определенными духовными ценностями населения: религиозное православное сознание, атеистическое научное коммунистическое мировоззрение и современное капиталистическое. Для каждого периода можно определить физический показатель — скорость исчезновения курганных насыпей, показывающий отношение населения подмосковья к предкам русских.

Русский православный период с 10 века по начало 20 века известен официальным отрицательным отношением правящего класса к проявлениям язычества и сохранению языческих традиций на бытовом народном уровне. На память приходят слова ветхозаветного пророка Моисея, записанные в Библии на странице сразу после десяти всем известных заповедей: «Вот постановления и законы, которые вы должны стараться исполнить в земле, которую Господь, Бог отцов твоих, дает тебе во владение, во все дни, которые вы будете жить на той земле. Истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим, на высоких горах и на холмах, и под всяким ветвистым деревом, и разрушите жертвенники их, и сожгите огнем рощи их, и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от места того». Бог израильского народа устами пророка Моисея просит уничтожить саму память о языческих святилищах инородцев. И несмотря на то, что учение пророка канонизировано православием и церковь вела непрерывную борьбу с язычеством на протяжении тысячелетия, прах древнерусских предков не был потревожен, курганы сохранились в практически неизменном виде до конца XIX века. Сменив свою веру, русские предков не сменили. Оценка средней скорости уничтожения курганов научными раскопками для 19 века дает цифру 0,1% в год.

Советское время — эпоха бурного развития науки. Скорость исчезновения курганов составила приблизительно 0,5% в год. В 20 веке практика уничтожения курганов расширяется, наука только собирает информацию, практические же решения являются политическими. Могильники интенсивно изучаются, официальная политика советской власти направлена на сохранение курганов как памятников истории. Однако борьба с религиозными представлениями советского народа распространяется и на культовые объекты поклонения, уже нет ничего святого кроме идеалов коммунизма. Методом борьбы с грабительством могил является засекречивание археологических материалов, на реализацию международно признанного способа сохранения памятников истории, создание археологи-

ческого парка, у государства средств нет. Уничтожение курганов частично связано со значительным ростом плотности населения и интенсивной хозяйственной деятельностью, частично с научными раскопками традиционным методом на снос.

В период дикого капитализма в России начиная с 1991 года по настоящее время скорость исчезновения увеличилась и составила 1,65 % в год, количество грабежей возросло многократно.

Вчитаемся внимательно в святое писание, к какому народу обращался пророк Моисей, прося об уничтожении языческих святилищ, соблюдении заповедей и законов? «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, господь один есть; и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими» (Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. Пятая книга Моисея. Второзаконие. М., издание Московской Патриархии.— 1968.— стр.175.) Бог единственный народа Израиля устами пророка Моисея просит уничтожить саму память о языческих святилищах. Эта запись существует века, но ее действие в полной мере реализовалось последние десять лет. Простой народ просто не знает, кто лежит в курганах, не считает вятичей и кривичей своими предками, их могилы не признает святыми местами. К примеру жители Чашникова знают свои курганы как французские могилы, а в Болшево курганный могильник известен как кладбище староверов [26]. Уничтожена память русских. Верхи не хотят сохранять древнерусские могилы и видимо не считают славян своими предками, а низы не могут, так как нет денег и исторической памяти.

Я уважаю выбор веры, не могу не заметить, что Моисей — не предок русских и славян. Согласно научным представлениям компаративной лингвистики, ностратическая (в которую входит индоевропейская языковая семья) и семито-хамитская общности, образовались в результате распада некоторой праобщности вероятно еще до XXV тыс. до н.э. в позднем палеолите [27]. С пророком у нас может быть только далекий общий предок, Мы не знаем пророков своего отечества, поэтому принимаем чужих. Проблема реконструкции древнейших, еще раннепервобытных мифологических представлений разработана еще слабо, однако бесспорным представляется то, что одним из древнейших мифов человечества было предание об обретении огня. Особую роль оно играло в сознании ранних индоевропейцев, существовавших в суровых условиях ледникового периода. По выражению Ф.Ницше, «миф о Прометее, прикованном за это богами к горам Кавказа, ...исконная соб-

ственность всей семьи арийских (индоевропейских) народов... этот миф имеет для определения сущности всего арийского мира такое же характерное значение, как миф о грехопадении для всего семитского»

Если живы потомки славян, то нет никакого сомнения в том, что чувство родства, традиции почитательного отношения к своим предкам, прямое обращение к умершим в дни поминовения способны сохранить святыне места от осквернения и уничтожения. И если уж существует потусторонний мир предков, то я хочу почитать и общаться именно своих языческих, а не пророков Ветхого завета.

Национальные парки в России только начинают создаваться. Вопросы, описанные в данной статье также остро существуют и там, так же существуют проблемы с охраной и изучением культурного наследия. Посетив с целью изучения опыта ведущих заповедников России Национальный Парк «Угра» и природно-исторический заповедник Ясная Поляна, я нашел там такие же нерешенные проблемы. Примером незнания истории администрацией может служить забор, отделивший Ясную Поляну от окружающей местности, и идущий непосредственно по оборонному валу засечной черты, по памятнику археологии 16–17 века. Причем памятник оказался непосредственно за границей охраняемой территории, в пяти – десяти метрах от нее. Это валы, рвы и укрепления засечной линии с расположенными на ней реликтовыми дубами в два обхвата. Историкам известно, что само название Ясная Поляна впервые упоминается в писцовых книгах именно в связи с реконструкцией засечной черты – укрепленной границы Московского государства от набегов крымчаков [30]. Национальный парк в принципе способен изменить разрушительную тенденцию, охране и изучению подлежат все культурные и природные объекты в комплексе. В этом и состоит отличие и положительное свойство Национального Парка в котором памятник культуры охраняется вместе с прилегающей к нему территорией.

ФАКТЫ ПО НЕКОТОРЫМ ПАМЯТНИКАМ ПОДМОСКОВЬЯ

Поиску помогли местные краеведы, принимал участие профессиональный историк, сотрудник института истории РАН, он же одновременно и местный житель. Оказалось, что в КМ Осево-2 от 105 курганов сохранилось около 30. КМ Осево-1 (42 курган) не найден в ряду сплошной дачной застройки. От КМ Свердловский-2 (150 курганов) вообще ничего не осталось, хотя в археологической карте он значится и состоит на учете в Управле-

нии охраны памятников. От крупнейшего могильника Пушкинского района Черкизово-1 (состоял из 57 курганов; согласно АКР сохранилась 41 насыпь, девять из них нарушены ямами, одна – водонапорной башней, две почти полностью спланированы.) сегодня сохранилось 16 курганов поврежденных ямами из которых 13 имеют повреждения в виде ям. Территория могильника застроена хозяйственными объектами, стоящими прямо на курганах, памятник превращается в мусорную свалку. Коренные местные жители ничего не слышали о памятнике, сотрудники местного музея в том числе; памятник расположен в черте города. Крупнейший памятник Мытищинского района Коргашино состоял из более 50 насыпей. Сегодня сохранилась 34 насыпей нарушенных ямами. В рядах дачной застройки не найден крупнейший могильник Павлово-Посадского района Казанское, состоявший из 100 насыпей; не найден крупнейший могильник Раменского района Остовцы. Эти факты и общение со специалистами, все из которых подтверждают негативную тенденцию уничтожения, заставляют думать о том, что наш могильник Менделеево 2 сегодня является одним из крупнейших сохранившихся памятников Подмосковья. К сожалению, он также был недавно разграблен подонками.

Конкретные примеры уничтожения курганных групп в Солнечногорском районе:

1. Самый большой и богатый курганный могильник Солнечногорского района – Никольское -1. Дал богатый материал для исторической науки, коллекция хранится в Историческом музее в Москве и в Зеленоградском историко-краеведческом музее

«1258 (34), НИКОЛЬСКОЕ. КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК 1. Состоял из 83 курганов... Сохранилось 23 насыпи, поросших кустарником. Шесть из них имеют следы старых раскопок колодцем, две нарушены грабительскими ямами. Часть курганов разрушена при строительных работах....

Архив Института археологии.:N 4321.Л.12.» [1].

2002 год. Сохранилось 15 насыпей. Девять из них похожи на воронки и называться курганами не могут. Пять имеют грабительские ямы и следы механизированных и ручных земляных работ. Часть площади могильника является автостоянкой. Памятник постепенно зарастает хозяйственным мусором и кустарником.

2. В настоящее время крупнейший древнерусский могильник района »2789. МЕНДЕЛЕЕВО. КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК 2. Состоит из 36 компактно расположенных насыпей..., Три кургана нарушены погребями, девять – грабительскими ямами... [1].

2002 год. Могильник полностью

разграблен.

3. «1275(31) ЧАШНИКОВО. КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК . ... Насчитывал по разным источникам 27 или 32 кургана. К 1930-м гг. сохранилось 26 или 21 насыпь. Исследованы ... шесть курганов ... Коллекция в МОКМ. ...Розенфельдт Р.Л.1988.Л.929,930.» [1].

2002 год. Осталось три кургана с огромными грабительскими ямами. Всего на территории могильника шесть ям. Могильник с трех сторон окружен проселочной дорогой, а с четвертой стороны на территории могильника стоит опора линии электропередачи. Восточная сторона могильника загромождена бульдозерными отвалами и буграми проселочной дороги .

4. «1258.(34) НИКОЛЬСКОЕ. КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК 2. ...Состоял из 16 курганов... Сохранилось 13 насыпей, поросших деревьями и кустарником. Девять из них имеют следы старых раскопок колодцем, две нарушены ямами. Исследованы восемь курганов...

Арх.АИ N 4321 Л.12. ... » [1].

2002 год. Уничтожен огородным товариществом д/о «Морозовка» в 1990-х годах.

5. «БОЛКАШИНО. КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК 2... Насчитывал 17 насыпей высотой до 1.25 м. Исследованы два кургана, содержащие находки древнерусского времени. Коллекция не сохранилась [1].

2002 год. Все курганы имеют грабительские ямы, 5 насыпей представляют собой воронки, Рис.4.

6. « БОЛКАШЕНО. КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК 3. 10 насыпей, ... Розенфельдт Р.Л. 1988.Л.910,911.» [1].

2002 год. Рис.5. Сохранилось восемь насыпей, все насыпи имеют ямы. От одного кургана осталась только воронка.

7. «1270 (28) РАДОМЛЯ. КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК. ... Восемь насыпей... Один из курганов нарушен распашкой.

Арх.ИА: N 8116. Л.31.» [1].

Сентябрь 2002 год. На месте могильника хозяйственные ямы, кострища, мусорная свалка. Часть могильника распахана. Явно читается только одна невысокая насыпь, поросшая кустарником и деревьями.

Район скоро останется без древнерусских курганов.

Статистика для Московской области в соответствии с Археологической картой России следующая [1]:

Общее число курганных насыпей на 1917 г. – 9888

Общее число курганных могильников на 1917 год –928

Число сохранившихся курганов на 1991 год — 5960 (60,3%)

Число нарушенных насыпей на 1991 г. – 2789 (46,8% от оставшихся)

Число исследованных курганов на

1991 г. — 2111 (21,4% от общего числа)

Средняя скорость уничтожения курганов за 1917 — 1991 гг. — 53,1 кург/год (0,537 % в год).

Наибольшим разрушениям подверглись крупнейшие памятники. Возьмем могильники, по числу курганов сравнимые или большие могильника Менделеево-2, их всего 54, Таблица 2. Количество курганов в крупнейших памятниках на 1917 год составляет 3778 (38,2 % от общего числа в Подмоскowie). На 1991 год сохранилось 1349 насыпей согласно АКР. Скорость уничтожения за период 1917-1991 гг составила 32,8 кург/год (0,869 % в год), почти в два раза превышая средний уровень. Процент курганов с нарушениями на 1991 г. составил 81,3 %.

Могильные вору хватают только некоторые находки, разрушая и выбрасывая всю сопутствующую информацию.

ОТНОШЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Такое отношение к древнерусским святым роцам, какое мы видим на конкретных примерах, может быть понято, только если предположить, что в Подмоскowie русских нет вообще, а могилы предков являются только памятниками, охраняемыми отделом культуры администрации Московской области. Несомненно, что небольшой штат данного отдела не в состоянии хоть как-то заняться реальной охраной.

Вот отношение специалистов Государственного исторического музея к проблеме сохранения памятников: «В деле музеефикации археологических памятников Россия безнадежно отстала от многих стран, таких как Италия, Швеция, Франция, Кипр и др. Мы остановились на XIX веке в музеефикации археологических памятников и комплексов в природной среде. Обладая уникальными курганными комплексами, мы не имеем на территории России ни одного кургана-музея. Как определенный факт наследия советского периода надо признать отделение археологической науки от задач сохранения и своевременного использования археологического наследия.

Необходимо учитывать, что музеефикация исторического ландшафта — это наиболее надежная система сохранения археологических памятников.» [2]

Курганы в Древней Руси считались семейными святилищами [3], являлись святыми местами для русского человека. Территории многих языческих капищ позднее были использованы для постройки церквей. Религиозные обряды имели в жизни

язычников существенное значение, однако культовых памятников на славянских землях найдено и исследовано немного. Большинство культовых памятников не имеют никаких внешних признаков и часто были обнаружены случайно. Русские средневековые летописцы и церковные проповедники следовали традициям древнехристианских отцов церкви, которые бичевали и высмеивали славянское язычество, но не описывали его.

Отрицательное отношение к языческим святилищам славян особенно наглядно при сравнении с повсеместной реставрацией православных церквей. Известно, что в Древней Руси не было такого резкого противопоставления язычества и христианства в народе, существовало двоеверие и веротерпимость [4]. По этому поводу вспомним слова знаменитого русского историка Б.А.Рыбакова: «Резкое противопоставление язычества христианству ведет нас к церковной проповеднической литературе и не имеет ничего общего с истинным положением вещей..

Нет более туманного и неопределенного термина, чем «язычество»: возникнув в церковной среде, он первоначально означал все дохристианское и нехристианское; им покрывалась и ведическая гимнография Индии, и литературно обработанная мифология классической Греции, и годовой цикл славянских или кельтских аграрных обрядов, и шаманство сибирских охотников. Мы никак не можем разделять такого обособления и вычленения христианства из общей системы древних религиозных представлений и считать, что христианство с его верой в загробный мир, его магией молитв и обрядов, архаичным календарным циклом является антизой язычества.

Славянское язычество — часть огромного общечеловеческого комплекса первобытных воззрений, верований, обрядов, идущих из глубин тысячелетий и послуживших основой всех позднейших мировых религий.»[5]

Это хорошо прослеживается на примере символики древнерусских украшений, ярким примером могут служить этноопределяющие украшения — височные кольца [6]: «Семилопастные височные кольца, традиционно связываемые с вятичами, изучены достаточно детально. Височные семилопастные кольца с геометрическим орнаментом представляют собой очень компактную группу: орнамент размещается на лопастях.

В орнаментальных системах разных народов геометрический орнамент представляет древнейший пласт орнаментации. Это наблюдение, касающееся раннего этапа в истории орнамента, справедливо как для

больших сообществ и территорий, так и для малых, какой была для Киевской Руси XII в. далекая от главных центров страны «вятичская земля». Во всяком случае, височные кольца с геометрическим орнаментом на лопастях можно считать самыми ранними из орнаментированных

Основной элемент геометрического орнамента — ромб. Семантика этого знака связана с магией плодородия. Б. А. Рыбаков показал его всеместность и историческую глубину [5, с. 11—13; 11, с. 51, 52; 12, с. 45—50]. Ромбо-точечный узор как идеограмма засеянного поля объединился в сознании людей с всеобъемлющим образом матери-земли-растения [7].

Композиции с ромбом и солярными знаками, символизирующими солнце — мужское начало, дают кратчайшую идеограмму жизни. Оба эти важнейших элемента геометрического орнамента сохранились на вятичских кольцах. Они легко угадываются в композициях, состоящих из ромба и крестов по сторонам или внутри него. При этом кресты, крестообразные и свастические фигуры даются в сочетании ромбов как неразрывные части единой композиции.

Любопытно, что и при изображении крестообразных фигур — второго элемента геометрического орнамента — мастера славян-вятичей тоже совмещали несовместимое — христианский символ креста с вариантами древней свастической фигуры... Геометрическая орнаментация височных колец вятичей запечатлела стойкое сосуществование древней языческой символики с новой, христианской.»

«Идея зерна, семени как начала новой жизни пронизывает всю трипольскую пластику среднего и позднего периодов. Обилие женских статуэток давно уже получило истолкование как проявление культа божеств плодородия. Невольно возникает ассоциация с христианским божеством плодородия — богородицей, девой-матерью, изображаемой нередко так, что на ее животе показан не родившийся еще ребенок Иисус Христос. Мы знаем, что в древней Руси культ богородицы слился с местным культом рожениц — древних божеств плодородия, рождени «обилия». Трипольские статуэтки юных матерей были, по всей вероятности, одними из ранних предшественниц христианской богородицы, выразительницами идеи бессменного круговорота жизни, идеи рождающей силы зерна»[7, С.46]

Происхождение курганных культур В соответствии с Северопричерноморско-Северокаспийской концепцией праиндоевропейской прародины (выдвинутой в свое время британским ученым Г.Чайлдом и разработан-

ной в трудах советских и западных ученых [15 -20]), подкурганное захоронения впервые возникли у этих племен на степных просторах Восточной Европы в IV тысячелетии до н.э. практически одновременно в степях Украины и в низовьях Волги. Концепция в целом хорошо согласуется с данными лингвистических, археологических и антропологических исследований последних десятилетий. Первоначальной территорией обитания этих племен была область между Западным Причерноморьем, Кавказом и Южным Уралом. Праиндоевропейцы занимались скотоводством в сочетании с земледелием, первыми приручили коня и тем самым получили боевое преимущество над соседями. В практике сооружения курганных могильников нашли отражение развитые религиозные представления праиндоевропейцев. В последующий период на протяжении всего энеолита и особенно бронзового века происходят далекие переселения индоевропейских в этноязыковом отношении племенных групп — от Западной Европы до Индии и Китая.

В первой четверти 2 тыс. до н. э. возникают первые древнеарийские города на восточном склоне Южного Урала, «страна городов» — так называли археологи эту местность. Рассказывает руководитель уральской археологической экспедиции Г.Б.Зданович [21]: «Архитектура Аркаима ничуть не менее сложна, чем архитек-

тура Крита. Аркаим — это 18 век до н.э. ...И безусловно это индоевропейцы, одна из древнейших индоевропейских цивилизаций. Вероятно, более конкретно, — это одно из звеньев индоиранцев. И конечно это та среда, то мгновение, о котором говорят как об арийской культуре. Это арии, с их корнями, с их культурой. И это безусловно мир Авесты, мир Вед, то есть, это мир древнейших пластов индийских и иранских источников. Причем это очень глубокие пласты, самые — самые древние корни, т.е. это начало, это исток европейской философии и культуры». По утверждению астроархеолога К.К.Быструшкина исследовавшего Аркаим как астрономическую обсерваторию, это «изоцирально сложное» сооружение [22].

Недалеко от крепостей располагались курганные и грунтовые могильники. На территории Синташтинского могильника, самого богатого комплекса степной Евразии, было расположено **грандиозное погребальное ритуальное сооружение**. Погребены здесь были жрецы, воины и рядовые общинники. В центральных ямах вместе с воинами захоронены боевые колесницы и кони. По заключению известного филолога О.Трубачова «не существует возводимого к праиндоевропейской форме понятия «храм» [23]. Не существовало в «стране городов» и храмов в нашем современном понимании этого термина, существовало «ритуально размечен-

ное пространство в этой функции», и это было грандиозное погребальное сооружение по мнению археологов.

Все это время носители балто-славянских, а затем собственно праславянских диалектов, обитавшие в лесостепных и лесных областях восточной Европы находились в теснейшей взаимосвязи с индо-иранскими племенами. В раннем железном веке ираноязычный народ, скифы, создает в пределах Восточной Европы первое крупное государство, известное как Великая Скифия. Богатейшие крупнейшие скифские курганы известны как в низовьях Днепра, так и на территории Воронежской области. В раннем средневековье происходит продвижение славянских племен в приуралье на среднюю Волгу, позднее у славян появляются подкурганый похоронный обряд. Современные археологи точно не выявили, от кого именно славяне этот обряд переняли. Культурное образование в Верхнем Подонье в раннем средневековье не было однородно в этническом плане, «ведущая роль принадлежала потомкам среднедонской культуры скифского времени, ... которые после гибели Скифии и нашествия савроматов и сармат переселились на Верхний Дон и особенно в бассейн р.Воронеж. Это убедительно было доказано анализом лепной керамики.»[31]. Во второй половине 1 тыс. н.э. эта территория входит в состав Русского Каганата [32].

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта России. Московская область. М., Институт археологии, Ч.1 — 4, 1994 —1997 .
2. Современные концепции первобытной истории. Труды ГИМ. — М., 2000.
3. Русанова И.П. Культурные места и языческие святилища славян VI — XIII вв. Российская археология. — 1992.— с.50 —67.
4. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., Наука. -1988. — с.455 — 753.
5. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука.— 1994. — 608 с.
6. Макарова Т.И. Семилопастные височные кольца с орнаментом. Российская археология, 1992, с. 68-82 .
7. Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ (ромб с крючками). Советская археология.— 1965. -N 3. — с.21.
15. Брюсов А.Я. К вопросу об индоевропейской проблеме. СА.1958,№3.
16. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья . М.: Наука, 1974.
17. Даниленко И.Н. Энеолит Украины. К.: Наукова думка, 1974.
18. Gimbutas M., The Indo-Europeans, archaeological problems // American Anthropologist, 1963,№ 65.
19. Gimbutas M. Primary and Secondary of the Indo-Europeans// Journal of Indo-European Studies, 1985, №13.
20. Sulimirsky T. Prehistoric Russia.— London, 1970.
21. Зяблов М.. Великая тайна Аркаима., В мегалитическом альманахе «Мегалит-кафе» ,M,2003, с.141-157.)
22. К.К.Быструшкин. Феномен Аркаима. Космологическая архитектура и историческая геодезия. М., 2003.
23. Трубачев О.Н. Индоевропейские прародинны// Горький: Волго-Вятское изд.— 1989.
26. Очерки истории края. Прошлое земли Зеленоградской. М., Зеленоград, 1997. Статья А.Н.Неклюдова »Древнейшее прошлое земли Зеленоградской».
27. Starostin S.A. Nostratic and Sino-Caucasian// Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Часть 1. — М.: Наука.— 1989.
30. Чернай И.Л. Натурное и археологическое изучение оборонительных сооружений Тульских засек в 1984-1992 гг. Сб.Н.И.-Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула: Гос.музей-заповедник «Куликово поле».— 2002.-с.223-241.
- 31.Бирюков И.Е. Среднее течение р.Воронеж в первые века н.э. Верхнедонской археологический сборник. Вып.2., Липецк:, Успех-Инфо.— 2001.-с.89 — 108
- 32.В.В.Седов. Славяне. Историко-археологическое исследование. Языки славянской культуры, М., 2002.

Леонид ГУРЧЕНКО

УСНУВШИЕ БОГИ

1. ГЕРАКЛ — ПРАОТЕЦ СЛАВЯН

В эллинской легенде происхождения скифов события представлены Геродотом таким образом. Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в страну скифов, тогда ещё необитаемую. Причём, прибыл в повозке, запряжённой конями — это скифский признак, в греческом мифе о Геракле он «через многие степи Европы прошёл», но не «проехал». Там его застала непогода и холод, он выпряг коней, завернулся в свиную шкуру и заснул (свиная шкура — также местная деталь, у греков Геракл носил шкуру убитого им немейского льва). Пока он спал, его упряжные кони исчезли. В поисках коней он прибыл в землю по имени Гиляя, область в устье современного Днестра. На север от этой области жили скифы-землепашцы, по современным данным — славяне. Там в пещере он нашёл существо смешанной породы — полудеву, полузмею. Змея сказала, что кони у неё, но отдаст их после того как Геракл вступит с ней в любовную связь. Однако коней она отдала после того, как у неё родились три сына. Когда они выросли, Змея дала им имена — Агафирс, Гелон и Скиф. Затем по совету, оставленному Гераклом, она подвергла их испытанию: дала им натянуть его лук и опоясаться его поясом. С задачей справился только младший сын, Скиф. Агафирса и Гелона она изгнала из страны. От Скифа, сына Геракла, произошли все скифские цари (Herod. IV 8-10).

Среди этих рядов событий мы выделяем актуальное в данном случае событие — Геракл оставил в Скифии трёх сыновей, от которых произошли царские скифы, агафирсы-фракийцы (Нидерле, 2000. — С. 138) и гелоны, которых надёжнее считать будинами-славянами, так как в сообщении Геродота содержатся такие сведения: «гелоны издревле были эллинами», т.е. произошли не от Змея и Геракла (Л.Г.), «впрочем, эллины и будинов зовут гелонами, хотя и неправильно». — Будины, по его словам, коренные жители страны, большое и многочисленное племя. Места их жительства были, следуя выводам Л.Нидерле и Б.Н.Гракова, где-то на Десне и в близлежащих к ней районах Подонья (Нидер-

Геракл на отдыхе. Лувр. Бронза

ле, 2000. — С.27; Граков, 1971. — С. 14, карта). Тогда Геракл и Змея -родоначальники фракийцев, славян и скифов.

Языковая принадлежность совпадает с самосознанием этноса. И если в речи племён, входивших в состав Скифии, содержалось имя Геракла, то они сознавали своё родство.

На основании палеантропологического материала по скифам исследователями второй половины XX в. сделан этногенетический вывод о том, что скифы не появились в южнорусских степях с юго-востока (из иранского мира), не появились они и с юго-запада (из греко-фракийского мира), они связаны генетически с населением эпохи бронзы, проживавшим на той же территории, сложились на том же месте, где их застаёт история (Алексеев, 1989. — С. 177). Кроме того, одно из славян-

ских племён, киевские поляне, генетически связаны с поздними скифами (Кондукторова, 1979. — С.68).

В этой ситуации заслуживает внимания хронографический рассказ о Словене и Русе и городе Словенске, который отмечает, что правнук Иафета Скиф «вселился во Евксинопонте», в Северном Причерноморье. Его потомки, «князи скифские Словен и Рус... с роды своими отлучишася от Евксинопонта... 14 лет пустые страны обождаху... яко острокрылаты орли прелетаху сквозе пустыня многи». Затем вселились на берегу озера Ильмень. С того времени «новопришельцы скифстии начаху именоватися словене и русы» (ПСРЛ, 1977. -С.139, 140).

Ситуация эллинского варианта генетической легенды является действительной, т.е. она на самом деле существовала в системе сознания людей, населявших в древности Северное Причерноморье, так как тип ситуации в хронографическом рассказе о Словене и Русе говорит, какие объекты (скифы и славяне), в каких отношениях (родства) находились в данной области пространства-времени, и является частью того, что действительно имело место в местах расселения эллинов, фракийцев, славян и скифов.

Ситуация отношений указанных этносов характеризуется также событием, о котором сообщает Лев Диакон (X в.): «Говорят, что скифы (росы) почитают таинства эллинов ... научившись этому то ли у своих философов Анахарсиса (скиф) и Замолксиса (фракиец-гет), то ли у соратников Ахилла. Ведь Ахилл был скифом и происходил из города под названием Мирмикион» (к северу от современной Керчи) (Диакон. IX, 6).

Такой взгляд на значение эллинской и русской генеалогических легенд, а также на сообщение Льва Диакона, требует, чтобы уделено было внимание образу Геракла в религиях соответствующих этносов — эллинов, скифов, фракийцев и славян. Образ Геракла присутствует в религиях всех перечисленных народов. Он пользовался наиболее широкой известностью по всей Греции, — сначала как герой-предок арис-

тократического рода Гераклидов, затем появился миф о вознесении его на небо и превращении в одного из богов. Культ Геракла был распространён и в греческих колониях Северного Причерноморья в течение всего периода их существования. А в последние века их истории к этому культу были приобщены и представители местных племён, число которых постоянно увеличивалось в составе населения этих колоний.

У скифов, по информации Геродота, почитание Геракла входило в местный обычай. При этом правомерен подход, рассматривающий почитание Геракла как общий обычай племён, входивших в состав Скифии, в том числе предков славян. Геродот поясняет, что обряды жертвоприношений всем богам и на всех праздниках у скифов были одинаковые.

Информацию о почитании Геракла фракийцами передаёт нам нумизматический материал, — на аверсе некоторых типов монет присутствует изображение Геракла (Златковская, 1971. — С.240). Во Фракии также имеются названия городов, включающих имя Геракла (Ягич, 1881.-Т.5.С. 6,7).

Трудности возникают в связи с культом Геракла у славян, хотя в принципе они разрешимы. Имеются факты, которые приводят нас к предположению о том, что мы действительно обладаем сведениями о почитании славянами «Тримрачного, зверовидного, в львиной шкуре ходящего Геракла» (Творогов, 1979. — С.24), — в Киевской Руси. Решение этого вопроса зависит от расшифровки имени одного из божеств в пантеоне Владимира (X в.) — Семаргла (Перун, Хорс, Дажьдбог, Стрибог, Семаргл, Мокошь. — ПВЛ. 980 г.; в других текстах Сим Рьгл, Сим и Рьгл).

Общепринятым считается наивно реалистическое истолкование имени и образа Семаргла как иранское заимствование, восходящее к мифической птице (или крылатой собаке) Сэнмурву, в то же время оно наиболее спорное (В.Иванов, В.Топоров, 1988. — С. 424, 425). Мы не обладаем сведениями о том, что в пантеонах божеств арийских народов присутствовало «собакообразное божество», пусть даже крылатое.

В.Ягич считает аксиомой, что из обозначения в самых старших текстах русской летописи Simargla или S mar gla, Semar gla могло возникнуть, уже как обычное, Sima Rgla, Sema Rgla, но не как обозначение двух божеств, а как одно имя или

двойное имя. Он не возражает, что в некоторых славянских текстах действительно читалось «i v Sima i ve Rgla» или «i Simu i Rglu». Однако эти свидетельства были подвергнуты критике. Исходя из сказанного, он не исключает, что в традиционном выражении «Semargla» содержится греко-египетской Sem Hraxlhs (Святой Геракл), и что Геракл находился в числе божеств пантеона Владимира как югославянский элемент.

В этой связи он с интересом отмечает, что в Македонии Геракл считался главным, наиболее почитаемым божеством, и что во Фракии и Македонии имеются названия городов, включающих имя Геракла (Ягич, 1881.-Т.5.С.6,7).

Такой взгляд на значение этого имени и образа сразу включает славянский культ Геракла в ряд событий почитания этого божества у соседних со славянами, ранее перечисленных племён, и делает культ Геракла актуальным для славянской мифологии не менее, чем культ Змееды. Изображения праматери Змееды обнаружены мной на предметах украшения из Киевского клада на территории Михайловского монастыря и в орнаменте заглавных букв Академического евангелия. Однако тема Змееды требует отдельного изложения.

В судьбе Геракла, после его побед над чудовищами, следует выделить военные походы и взятие городов, в том числе Илиона с войском добровольцев, после чего сподвижник Геракла Теламон воздвиг алтарь Гераклу-Каллинику (греч. Xallivixos) (Apollod. 11 б, 4)

Теперь можно продвинуться ещё на один шаг. В числе атрибутов богатыря Каллиника-Геракла была палица, — «палицу имуща». Былинные богатыри — Свято гор, Илья, Добрыня, Алёша, — вооружены «палицами булатными». Но дело обстоит, по-видимому, ещё серьёзней. И как бы это не показалось вопреки, однако эпитет Геракла «Каллиник» существует в русских былинах в качестве очевидного собственного имени Калин-царя, — «Илья Муромец и Калин-царь». К богатырям, которые стояли «за веру, за Отечество, за Киев-град, за церкви за соборные», от Геракла перешла «палица булатная», а вот имя Каллиник перешло к врагу-победителю, безбожному «собаке Калин-царю» «царства татарского». Создатели были и сказаний о борьбе с татарами относились враждебно к объектам поклонения язычников. Поэтому переносили от-

ношения своих язычников к объектам их поклонения — Перуну, Хорсу, Гераклу (искажённое — Семарглу) и др. божествам, — на врагов язычников. В связи с этим можно реконструировать ситуацию, когда имя языческого божества Геракла — Каллиника было перенесено на победителя-врага «собаку Калин-царя». Попытка В.Ф.Миллера предложить этимологию имени «Калин» из имени тюркского богатыря Колуна успеха не имела (Азбелев, 1982. — С. 175).

Отравной точкой смысловой стороны ситуации, при которой эпитет Геракла «Каллиник» был перенесён на врага-победителя, язычника Калин-царя, является борьба с татаро-монголами. Кроме былины «Илья Муромец и Калин-царь» существуют былины «Изгнание Батыя» и «Мамаево побоище», являющихся вариантами первой былины.

Теперь приведём текст из рукописи «Сказания о Мамаевом побоище» из собрания Государственного Исторического музея в Москве, по тексту относящейся к Основной редакции, где мы находим убедительный пример поворота значения имён языческих божеств из одной мифологии в другую, из русской — в татарскую. «Царь Мамай... нача призывать к себе на помощь боги свои Пероуна Ираклия Салава Хоурса и великого своего пособника Махмета и не бысть емоу» (Сказание..., 1980. — л.76 об.).

Прежде всего важно, что эта рукопись не следует установленному правилу летописи, и каждое новое божество вводит не союзом «и», а бессоюзным присоединением последующего божества к предыдущему. И только Мухамеда она вводит союзом «и», но не божество, а пророка. Поэтому в тексте читается не «и Раклия», а «Ираклия». Как видим, в перечне присутствует главный персонаж нашей темы — Геракл (Ираклий). Поэтому представленный перечень, за исключением Салава и Махмета, т.е. Перун, Ираклий (Геракл), Хурс (Хорс), — создаёт концепцию положения дела: Геракл существовал среди почитаемых на Руси языческих божеств. Вариант его имени в других списках Сказания — Раклий. Но иногда рядом с ним упоминается Мокошь, однако с учётом сказанного о праотце Геракле и праматери Змееды, мы должны допустить, что Мокошь — это праматерь Змееды.

В средневековых русских памятниках, направленных против языче-

ства, вместо Ираклия ставится искажённое Семаргл и даже Сим и Регл, но, по предположению В.Ягича, не как обозначение двух божеств, а как одно имя или двойное имя. Не исключено, что в Сказании имя «Ираклий» в структурном плане является народно-этимологическим «восстановлением» первоначального — Геракл из Семаргла. Но почему этот факт так долго оставался незамеченным? Хотя ещё в последней четверти XIX в. В.Ягич придал не «собакообразный» смысл имени Семаргла в пантеоне Владимира, а «гераклообразный». Возможно, причина в том, что смыслом большинства исследований по русской дохристианской религии и культуре была мысль: Геракла не могло быть на русской почве до византийского влияния после X века, когда в искусстве стала проявляться «спаянность» бывших языческих образов с новыми, спиритуалистическими» (Г.К.Вагнер).

Неразличимость типов иконографии Геракла, Самсона и Давида, связанных с сюжетом борьбы героя со львом, дала повод некоторым исследователям занять позицию содержательного утверждения, что на лаврской плите XI в., оказавшейся вмурованной в стену типографии Киево-Печерской лавры, изображающей борьбу героя со львом, представлен Геракл, разрывающий пасть льву, — а не Самсон. В числе этих авторов В.П.Даркевич, А.Н.Грабарь, В.Г.Пуцко, С.Радойчич (Архипова, 1990. — С.95, № 3-4; рис.1), а также Р.Багдасаров, который представил ценные сведения о традиции изображения Геракла на печатях русских князей (Багдасаров, 1998. — С.298 и след.). Другой вариант этой позиции — альтернативная семантика рельефа: в поединке со львом изображён Самсон или Геракл, — авторы А.И.Некрасов, Б.А.Рыбаков, В.Н.Лазарев, Ю.С.Асеев (Архипова, там же. — С.95; содержанием суждения самой Е.И.Архиповой об этом рельефе является утверждение, что изображён не Геракл, а Самсон).

Дело в том, что существует очевидное сходство мотивов борьбы со львом Самсона, Давида и Геракла. Самсон, «когда подходил с отцом своим и матерью своею к виноградникам Финафским, молодой лев, рыкая, вышел навстречу ему. И сошёл на него Дух Господень, и он растерзал льва как козлёнка; а в руке у него

ничего не было» (Суд. 14, 5-6). Итак, Самсон не разрывал пасть льву, он разорвал его как козлёнка. Однако иконография образа Самсона сформировалась в четырёх вариантах, отклоняясь от библейского: 1. Самсон с длинными волосами в виде двух кос противостоит льву в единоборстве и руками разрывает ему пасть. 2. Самсон с длинными волосами в виде двух кос верхом на льве раз-

Геракл убивающий гидру

рывает ему пасть. 3. Самсон с короткими волосами противостоит льву в единоборстве и разрывает ему пасть (византийская чаша из собрания А.П.Базилевского). 4. Самсон с короткими волосами верхом на льве разрывает ему пасть (Архипова, там же. — Рис.2, 3, 4).

Другим христианским львоборцем, а точнее — звероборцем, был Давид. Перед тем, как выйти против Филистимлянина, он, обнадёживая Саула благополучным исходом борьбы, сказал, что он, пася овец, неоднократно вступал в единоборство со львом и медведем, похищавшими овец из стада, и отнимал из пасти; а если тот бросался на него, то он брал зверя за космы (за гриву) и поражал его и умерщвлял его (1 Цар. 17,34-35).

По В.П.Даркевичу в византийской иконографии сложилось три типа

изображений борьбы Давида со львом: 1. Давид левой рукой схватился за гриву льва, а правой замахнулся палицей, готовясь нанести удар (X в.). 2. Давид, поставив колено на спину льва, разрывает ему пасть (нач.VII в.). 3. Лев стоит на задних лапах напротив Давида, он, схватив его за челюсть, разрывает пасть (XI и XII вв.) (Архипова, там же. — С.98). Имеется, следовательно, только один тип изображения, совпадающий с библейским: Давид, схватив льва за гриву, поражает его палицей. Однако этот мотив полностью соответствует изображению первого подвига Геракла в античном искусстве — убийству немейского льва. Так, например, в склепе 1975 г. II-III в. н.э. в Горгиппии (современная Анапа) на боковых стенах погребальной камеры размещался фриз, иллюстрирующий двенадцать подвигов Геракла. Первый подвиг: Геракл левой рукой уцепился за гриву льва, а правой замахнулся палицей, готовясь нанести удар (Алексеева, 1984. — С. 83, 140, № 4; рис.5). Геракл сначала оглушил льва, а потом задушил его. Нет изображений Геракла, раздирающего львиную пасть. Но не можем мы опереться и на библейские сюжеты — Самсон и Давид тоже не раздирали львиную пасть. Суть этого замечания относится к тому, что в изобразительном искусстве возникла «спаянность» образов

Геракла, Самсона и Давида. Единственным признаком Геракла, однако не безусловным, который отличает его от Самсона и Давида в сцене единоборства со львом — это присутствие ещё одного персонажа или изображение дерева. На чёрнофигурной амфоре Псиакса (ок.540 до н.э.) Геракл навалился на холку льва, тот припал на передние лапы. Сзади Геракла ещё один персонаж, а слева дерево, на котором висит плащ и колчан Геракла (МНМ, 1987. — С.279). На лаврской плите плащ героя, вырвавшись вихрем из-под правой руки, повис сзади на дереве в спокойном положении. На гребне из слоновой кости из Саркела-Белой Вежи (XI в.) изображение относится к тому же иконографическому типу — герой разрывает пасть льву, его плащ, развеваясь, виснет на дереве сзади. С другой стороны дерева персонаж с

мечом и щитом, однако это не сцена охоты, на наш взгляд, а мифологический сюжет, связанный с единоборством Геракла с немейским львом (Архипова, там же. — Рис.6).

Не лишен значения в теме культа Геракла в Древней Руси такой факт, как распространённость в княжеско-боярской среде амулетов-змеевиков, исходным мотивом для которых мог послужить второй подвиг Геракла, «победителя сатаны», — убийство им лернейской гидры. Дочь Тифона, отцом которого был Тартар, а сам он с сотней драконьих голов, часть туловища человеческая, а ниже бёдер — извивающиеся кольца змей, — лернейская гидра, «выросшая в болотах Лерны, ходила на равнину, похищая скот и опустошая окрестные земли. У неё было огромное туловище и девять (змеиных) голов, из которых восемь были смертными, а средняя, девятая, — бессмертной» (Apolod. II 5,2) Геракл сразился с гидрой и палицей съёл ей головы. В изображении подвигов Геракла гидра не имеет человеческих частей тела. Но известен случай, относящийся ко II-III вв. н.э., когда гидра изображена в женском образе демонического существа в окружении змеиных голов — это упомянутый фриз, иллюстрирующий двенадцать подвигов Геракла в погребальной камере 1975 г. в Горгиппии. Тип изображе-

ния гидры значим в том отношении, что он полностью совпадает с оборотной стороной золотой «черниговской гривны» Владимира Мономаха — женская голова, окружённая змеями и есть то самое демоническое существо, которое противостоит Гераклу на фризе из Горгиппии. На лицевой стороне гривны изображён архангел Михаил, надпись, по мнению исследователей, указывает на победу архангела над змеем (Николаева, 1985. — С.346).

В этом случае легко предположить, что архангел Михаил стал заместителем змееборца Геракла. Убедительным доказательством утверждения, что святые змееборцы на амулетах-змеевиках становились заместителями Геракла, являются змеевики с Феодором Стратилатом (конец XII — первая треть XIII в.). В его жизни рассказывается, как он убил громадного змея, который жил в пропасти в окрестностях города Евхаита, родины Феодора Стратилата. «Змей пожирал множество людей и животных, держа в страхе всю округу» (ср. в мифе о Геракле: гидра ходила на равнину, похищая скот и опустошая окрестные земли). За этот подвиг Феодор был назначен военачальником (стратилатом) в городе имени Геракла — в Гераклее Понтийской, на южном берегу Чёрного моря.

Змеевикам придавалась особая роль оберегов от многоликого беса, наводившего на человека различные болезни (Т.В.Николаева). Архангел Михаил и Феодор Стратилат иногда замещаются на лицевой стороне образами Богоматери Умиления и Феодора Тирона, на оборотной — то же самое изображение женской головы, окружённой змеями. Однако, как замечает Т.В.Николаева, «несомненно одно, что змеевики с разными изображениями святых имели разное функциональное назначение» (Николаева, там же. — С.353).

Подведём итоги. В княжеско-боярской и жреческой среде древнерусского общества, а с принятием христианства и в среде национального духовенства, также из господствующего класса, существовал миф об эпическом герое Геракле, который обуздывал чудовищ и совершал военные подвиги. Поэтому такие события, как включение обожествлённого первопредка Геракла (искажённое Семаргла) в пантеон Владимира, создание произведений искусства с изображением борьбы героя со львом, отображение на гривнах-змеевиках второго подвига Геракла, а также традиция изображения Геракла на печатях русских князей, — события эти являются элементами национального сознания князей, бояр и определённой части духовенства.

Литература

1. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М: Наука, 1989. — С.177.
2. Алексеева Е.М. Горгиппия // Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1988.-С.83; 140, №4.
3. Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л.: Наука, 1982. — С. 175.
4. Архипова Е.Л. Про сюжети рельефі в XI-XII ст. Києво-Печерського монастиря // «Археологія», 1, 1990. — С.95.
5. Багдасаров Р.В. Неуместные боги // «Волшебная гора». VII. М.: РИЦ «ПИЛИГРИМ», 1998. -С.298 и след.
6. Граков Б.Н. Скифы. Моск. Университет, 1971. — С.14.
7. Златковская Т.Д. Возникновение государства у фракийцев. М.: Наука, 1971. — С.240.
8. Иванов В., Топоров В. Семаргл // Мифы народов мира. Т.2. М.: Советская Энциклопедия, 1988. — С.424, 425.
9. Кондукторова Т.С. Физический тип людей Нижнего Приднепровья. М.: Наука, 1979. — С.68.
10. Мифы народов мира. Т.1. М.: Советская Энциклопедия, 1987. — С.279.
11. Нидерле Л. Славянские древности. М.: «АЛТЕЙА», 2000. — С.138.
12. Николаева Т.В. Змеевики с изображениями Феодора Стратилата как филиактерии преимущественно для воинов // «Слово о полку Игореве» и его время. М.: Наука, 1985. — С.346, 353.
13. Полное собрание русских летописей. Т.33. Холмогорская летопись. Двинский летописец. Л.: Наука, 1971. — С.240.
14. Сказание о Мамаевом побоище. Лицевая рукопись XVII века из собрания Государственного Исторического музея. М.: Советская Россия, 1980. — Л.76 об.
15. Творогов О.В. Античные мифы в древнерусской литературе XI-XVI вв. // Труды отдела древнерусской литературы. XXXIII. Л.: Наука, 1979. — 24.
16. Archiv fur slavische Philologie, begruhdet von. V. Jagic. Bd.5. Berlin, 1881.

С.И.ПИЩЕКОВ

АДМИРАЛ С.О.МАКАРОВ

Говоря о флотоводческой деятельности вице-адмирала Степана Осиповича Макарова, нельзя не остановиться на его военно-теоретических работах в области военноморского дела, тактики ведения морского боя и его взглядах на воспитание офицеров флота и матросов. Наиболее крупными научными трудами Макарова по военноморским вопросам являются: «Разбор элементов, составляющих боевую силу судов» (1894 г.) и «Рассуждение по вопросам морской тактики» (1897 г.).

Работа Макарова «Рассуждение по вопросам морской тактики» явилась первым капитальным трудом по морской тактике парового флота, принесшим автору заслуженную славу ученого. В эту работу Макаров вложил весь свой богатый опыт и знания. Многие его взгляды на тактику морского боя не потеряли значения и в наши дни.

Макаров впервые определил, что «морская тактика есть наука о морском бое. Она исследует элементы, составляющие боевую силу судов, и способы наивыгоднейшего их употребления в различных случаях на войне».

Большое место в рассмотренном труде отведено разбору нравственного элемента, которому Макаров всегда придавал особо важное значение. «...Бодрость духа на кораблях по преимуществу находится в руках строевых чинов, а потому изучение способов, как достигнуть успеха в этом направлении, составляет их прямую обязанность». Макаров дальше писал: «...люди так различны по складу своего ума и характера, что один и тот же совет не годится для двух различных лиц». Он требовал поощрять инициативу.

Много ценных советов высказано Макаровым по вопросам педагогики, самообразования, самовоспитания и обучения личного состава в плавании... «Плавание в мирное время есть школа для войны», — писал Макаров и требовал, чтобы учеба в море организовывалась исходя из того, что и как придется делать личному составу в боях.

Не менее интересны мысли адмирала Макарова, выраженные им в статье «В защиту старых броненосцев и новых усовершенствований», помещенной в журнале «Морской сборник» №2,3 за 1886 год. Они также характеризуют Макарова как носителя идеи активных дей-

ствий, творца наступательной тактики и одного из продолжателей славных традиций Суворова, Нахимова, Ушакова. В указанной статье Макаров писал: «Мое правило: если вы встретите слабейшее судно — нападайте, если равное себе — нападайте, и если сильнее себя — тоже нападайте... Не гонитесь за неприятелем, который далеко, если перед вами находится другой близко».

В другой своей статье «Броненосцы или безбронные суда», помещенной в №4 того же журнала за 1903 год Макаров дал замеча-

тельный прогноз развития подводного флота, боевых возможностей подводных лодок вплоть до участия в морском бою и создания так называемых «возимых малых подводных лодок». «Полагаю, — писал Макаров, — что не представит больших затруднений разработать 12 т лодку, которая могла бы подыматься на боканцы. Таких лодок большие корабли могут иметь по две, и, следовательно, надо предусматривать, что со временем подводные лодки могут принимать участие даже в сражениях на открытом море». Это писалось тогда, когда в России только еще начинались первые опыты с подводными лодками, и их рассматривали лишь с точки зрения использования для нужд береговой обороны. Прогноз Макарова в последующем полностью оправдался.

Расуждая по вопросу о «принципах» в войне, он писал: «Заговорив о принципах вообще, позволю себе сказать еще раз, что к ним надо относиться осмотрительно. Колумб и Мэхэн проповедуют, что раньше, чем предпринимать десантную экспедицию, нужно уничто-

жить военный флот противника. Руководствуясь этими принципами, японский адмирал Ито должен был сначала уничтожить китайский флот, а потом уже приняться за содействие армии фельдмаршала Ямагато... но обстоятельства заставляли Ито поступить иначе... Об общих принципах можно сказать, что их нужно изучать, но для войны важнее всего глазомер, т.е. уметь ясно представлять себе все обстоятельства и в зависимости от них выбрать должное решение, руководствуясь главной идеей — разбить неприятеля и опираясь, прежде всего на свой собственный здравый смысл».

Поскольку труды Макарова являлись выражением его оперативно-тактических взглядов, ставших достоянием наших офицеров, необходимо указать и на ошибочные основные суждения Макарова и попытаться найти их корни.

Адмирал Макаров видел то новое, что несла с собой техника парового флота, часто давал правильные, четкие прогнозы на будущее. Однако в ряде случаев он выступал как представитель парусного флота, окончательно не отошедший от особенностей той эпохи. Отсюда неверным было его утверждение, что «у армии сухопутной есть слабая сторона — тыл, а у эскадры его нет». А ведь именно в период жизни Макарова быстро развивалась зависимость флота от состояния баз и расположения их на театре военных действий. В наши дни, как мы знаем, эта зависимость стала настолько решающей, что базы флота (тыла) стали объектами для действий против них с суши с тем, чтобы с захватом баз вынудить уйти из этого района и флот.

Ошибочными были взгляды Макарова и на роль резервов в бою, когда он утверждал, что резервы в бою не нужны. Макаров видел в выделении резервов предоставление возможности противнику бить нашу эскадру по частям. Это упрощенное понимание сущности резервов совершенно неверно как для наших дней, так и для той эпохи, когда высказывались эти мысли.

Макаров придерживался также ошибочной точки зрения в отношении типа боевого корабля. Он писал: «...я бы составил флот исключительно из безбронных малых боевых судов с сильной артиллерией», и далее уточнял: «флот дол-

жен состоять из судов в 3000 т с броневой палубой. Артиллерия должна быть поставлена исключительно на верхней палубе». Макаров рекомендовал скорость хода для таких кораблей в 20 узлов, что на 2 узла превышало бы ход броненосцев того времени, и ставить на кораблях артиллерию калибра 6-8 дюймов. Оригинально было и обоснование такой точки зрения, Макаров писал: «...прежде размер определял силу, и чем больше корабль, тем он был сильнее. Теперь размер не определяет силы, ибо маленькая миноноска может утопить большой корабль, а потому к кораблям больших размеров должно быть больше недоверия теперь, чем прежде...».

В этих взглядах Макарова сказались влияние успеха, одержанного минными катерами на Черном море в русско-турецкую войну. Но это было заблуждением. Появление не только миноносцев, но в дальнейшем также подводных лодок и авиации лишь обосновало необходимость создания специальных видов обеспечения действий броненосцев (ныне линкоров), их прикрытия, но не сняло вовсе вопроса о необходимости иметь в составе флота мощные артиллерийские корабли. Желание обеспечить активный наступательный характер действий, стремление быть «хозяйном» в районе боя, держать инициативу боя в своих руках привела Макарова к выводу о необходимости иметь, прежде всего, быстроходные, хотя бы и слабо бронированные, корабли. Хорошая по существу идея в своей реализации пошла, однако, по неправильному пути. Исходя в основном из этих же соображений, а также считая малый корабль как малую цель менее уязвимым от неприятельских снарядов, Макаров предлагал и командующему флотом в бою держать свой флаг на малом корабле, забывая при этом, что для управления нужны развитые средства связи, что боем управляет не один адмирал, но и штаб, требующий своего размещения. Для действий против береговых укреплений (крепостей) Макаров также предлагал использовать безбронные корабли. «Так как большие корабли не обеспечены от повреждений, *то не лучше ли отказать от брони даже и для судов, бомбардирующих крепости?*» — писал он. Ошибочность такого взгляда очевидна, ибо вести борьбу с береговыми укреплениями могут только хорошо бронированные корабли, имеющие мощное артиллерийское вооружение.

Критически воспринимая прак-

тическое и теоретическое наследие Макарова и отмечая его прогрессивную роль в истории развития русского флота, мы указываем и на те ошибки и неправильные выводы, к которым он приходил. Но они не заслоняют мужественной фигуры видного представителя русского флота последней четверти XIX и начала XX века.

Последний этап жизни и боевой деятельности вице-адмирала Степана Осиповича Макарова связан с русско-японской войной 1904-1905 годов. Еще когда он был главным командиром кронштадтского порта и не имел непосредственной связи с боевой деятельностью Тихоокеанского флота, он весьма внимательно следил за событиями, назревавшими на Дальнем Востоке. Занимаясь административной деятельностью, он продолжал работать над тактическими и оперативными вопросами, а также уделял внимание и общим вопросам обороны государства. В этом отношении большой интерес представляет его записка о программе судостроения на двадцатилетие (1903-1923 гг.) и особенно данная им в связи с предлагаемой программой оценки военно-политической обстановки, в которой излагается замечательный прогноз развития событий на Дальнем Востоке.

Макаров считал, что Россия должна иметь три флота: на Балтике, на Черном море и на Дальнем Востоке. В записке рассматриваются возможные операции на этих театрах и намечаются необходимые мероприятия по обеспечению от внезапных нападений. Говоря о возможных действиях Японии, Макаров писал: «Недоразумения с Японией будут из-за Кореи или Китая... Нужно... быть готовым к военным действиям во всякую минуту. Разрыв последует со стороны Японии, а не с нашей...» Но эти слова не дошли до сознания косных руководителей царского правительства: русский флот оказался малоподготовленным к войне с сильным противником на море.

По мере назревания событий на Дальнем Востоке Макаров не мог довольствоваться административной деятельностью в качестве генерал-губернатора Кронштадта и командира кронштадтского порта. Он считал, что его место там, на Востоке. «Меня пошлют туда, когда дела наши станут совсем плохи, а наше положение там незавидное», — говорил он с горечью.

Как патриот своей Родины и глубоко принципиальный человек, он все же решил перед самой войной обратиться в морское министерство с письмом.

«Из разговоров с людьми, вернувшимися недавно с Дальнего Востока, я понял, что флот предполагает держать не во внутреннем бассейне Порт-Артура, а на наружном рейде... Пребывание судов на открытом рейде дает неприятелю возможность производить ночные атаки. Никакая бдительность не может воспрепятствовать энергичному неприятелю в ночное время обрушиться на флот с большим числом миноносцев и даже паровых катеров. Результат такой атаки будет для нас очень тяжел, ибо сетевое ограждение не прикрывает всего борта, и, кроме того, у многих наших судов совсем нет сетей... Японцы не пропустят такого бесподобного случая нанести нам вред... Если мы не поставим теперь же во внутренний бассейн флота, то мы принуждены будем это сделать после первой ночной атаки, заплатив за ошибку».

Письмо Макарова было доложено «вверх по начальству», но ответ был следующий: «Макаров известный алармист — никакой войны не будет». Но не успели высохнуть чернила этой резолюции, как японцы неожиданно и вероломно напали на нашу страну, атаковали эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура, и вывели из строя два броненосца и крейсер.

Положение Тихоокеанского флота сразу же стало тяжелым, Макарова действительно послали на Дальний Восток. 1 февраля 1904 г. он был назначен командующим Тихоокеанским флотом, в тот же день добился экстренного совещания в морском министерстве для решения ряда поставленных им вопросов и уже 4 февраля убыл в Порт-Артур.

Казалось бы, Главный морской штаб должен был, прежде всего, ознакомить нового командующего флотом с планом военных действий на море, однако такого плана вообще не оказалось. План военных действий на море на случай войны с Японией был разработан без какого-либо влияния на его содержание со стороны Главного морского штаба. Больше того, Макаров и его штаб не были также ознакомлены Главным морским штабом с выводами по стратегическим военным играм на тему войны с Японией, проведенным в 1902-1903 гг. в Военно-морской академии. Не было также разработано единого плана действий сухопутных армий и флота.

Вице-адмирал Макаров учитывал это. Он знал, что флот с первых дней войны уже сильно ослаблен. Свою творческую и организационную работу, направленную на

решение задач, вставших перед ним, он начал еще в пути. Все сопровождавшие вице-адмирала офицеры его штаба получили задания, обязанности между ними были четко распределены. Еще с пути, в телеграммах и донесениях, он поставил перед морским министерством ряд неотложных вопросов, относившихся к усилению русского флота в Порт-Артуре. Макаров еще в пути намечал оперативные планы, составлял инструкции и собирал необходимые сведения.

Однако уже на первом этапе своей деятельности, не получая должной помощи в решении поставленных вопросов, он вошел в конфликт со своим начальством. Макаров требовал срочной помощи в Порт-Артур миноносцев с Балтики, настаивал на их отправке по железной дороге в разборном виде, но в этом «по техническим причинам» ему было отказано. Макаров продолжал настаивать, но ему вновь отказывали. Затем он просил заказать и срочно доставить на Дальний Восток 40 малых миноносцев, но решение и этого вопроса так затянулось, что миноноски были готовы лишь после войны. Наконец, Макаров дважды просил, чтобы отряд кораблей, вышедший из Балтики на Дальний Восток еще до начала войны в составе броненосца, двух крейсеров и семи миноносцев, не возвращался обратно, а шел на усиление флота в Порт-Артур. Эта просьба командующего флотом также не была удовлетворена.

В начале марта Макаров прибыл в Порт-Артур. Имя вице-адмирала Макарова было настолько хорошо известно во флоте, что уже самый факт его прибытия давал личному составу надежду на то, что флот окрепнет и перейдет к активным действиям. Обстановка в Порт-Артуре к моменту прибытия туда Макарова была крайне тяжелая. Некоторые корабли оказались уже выведенными из строя. Местное командование от первых неудач явно растерялось. Учитывая это, Макаров в первые же дни посетил все корабли, беседовал с офицерами, матросами и портовыми рабочими, всячески стараясь вселить в них бодрость духа и веру в силу своего оружия и флота.

Верный принципу активных действий, Макаров уже через день по прибытии в Порт-Артур выслал в море на разведку два миноносца, выход которых закончился встречей с японскими миноносцами и гибелью миноносца «Стерегущий». Узнав о тяжелом положении миноносца, Макаров немедленно перешел на быстроходный крейсер «Новик» и вместе с крейсером

«Баян» направился на выручку «Стерегущего» и заставил японцев отступить. Смелый выход командующего флотом на слабо бронированном легком крейсере для выручки погибающего корабля произвел исключительно сильное впечатление на весь личный состав. Один из участников войны писал по этому поводу в своих воспоминаниях: «Это было больше, чем какая-нибудь победа в бою, это было завоевание. Отныне адмирал мог говорить: «моя эскадра». Отныне все эти люди принадлежали ему и душой и телом». Так началась боевая служба вице-адмирала Макарова в Порт-Артуре.

Готовясь к предстоящим боям с японским флотом, Макаров решил выйти в море всей эскадрой с тем, чтобы использовать выход для отработки маневрирования эскадры, осмотреть ближайший к крепости район и в случае встречи с противником вступить в бой. При этом он лично разработал инструкцию для одновременного выхода эскадры из гавани, чего раньше никогда не делалось. Этот выход способствовал сколачиванию эскадры и поднятию боевого духа ее личного состава. Он показал Макарову все слабые стороны боевой подготовки эскадры и те ограниченные боевые возможности флота, с которыми должен был считаться командующий. После окончания похода Макаров представил рапорт главнокомандующему армиями и флотом на дальнем Востоке, в котором с присущей ему прямою указывал на все обнаруженные недочеты и давал оценку эскадре. Свой рапорт он закончил словами: «Несмотря на всякие несовершенства и недостаток в исправных миноносцах, я нахожу, что мы могли бы рискнуть теперь же попробовать взять море в свои руки и, преднаметив, постепенно увеличивать район действий эскадры, я предусматриваю генеральное сражение, хотя благоразумие подсказывает, что теперь еще рано ставить все на карту, а в обладании морем полумеры невозможны».

В этих словах, по существу, выразилась основная идея плана боевых действий на море, разработанная вице-адмиралом Макаровым. При каждом случае появления в районе Порт-Артура противника Макаров немедленно выходил со своей эскадрой в море, чего раньше не делалось. Миноносцы днем и ночью регулярно высылались в разведку. На подходах к базе была организована дозорная служба; проведены специальные мероприятия по защите рейда от прорыва миноносцев противника в

районах, посещаемых японской эскадрой; были выставлены минные заграждения; кораблями проводились практические стрельбы; было организовано систематическое траление фарватеров и рейдов перед выходом эскадры. Большой заслугой Макарова явилась организация перекидной стрельбы с внутреннего рейда через мыс Ляотешан по японским кораблям при их приближении к крепости, а также установка дополнительных морских батарей при входе в гавань. Все эти весьма важные мероприятия проводились под личным руководством вице-адмирала Макарова. Он сам разработал таблицу боевых однофлажных сигналов, инструкцию для действия миноносцев в разведке и в атаке, инструкцию для боя эскадры, инструкцию по управлению огнем в бою на ходу.

Проведенные мероприятия сразу же дали свой эффект. Так, уже в конце марта японская эскадра, подошедшая к Порт-Артуру для очередной его бомбардировки, была встречена метким огнем наших кораблей из гавани, а после выхода нашей эскадры японцы вынуждены были отойти.

Во всей боевой деятельности, в руководстве личным составом, в доверии, которое Макаров завоевал в первые же дни, он находил свое полное удовлетворение. Иное положение создалось в отношениях Макарова с высшим командованием: они продолжали оставаться до последних дней ненормальными. В официальной истории русско-японской войны сказано: «...нельзя обойти молчанием тех затруднений, с которыми пришлось бороться Командующему флотом в отстаивании тех мер, которые он находил нужными для пользы дела и службы. Твердость адмирала Макарова в этой борьбе доходила до того, что он даже ставил не раз вопрос об оставлении им должности Командующего флотом».

Первый, довольно крупный конфликт с морским министерством возник из-за отказа в просьбе Макарова как можно скорее издать и выслать в Порт-Артур его книгу «Рассуждения по вопросам морской тактики». На неоднократные просьбы Макарова об издании его книги он получал отказ от морского министерства. Так как в те времена никакого боевого устава или учебника по тактике не было, труд Макарова, безусловно, был на флоте необходим. В самые горячие боевые дни эскадры 31 марта Макаров послал телеграмму, в которой писал: «Просил бы теперь же напечатать мою книгу «Рассуждения по вопросам морской такти-

ки»... Книга нужна *теперь*, а не в будущем году; не допускаю мысли, что Министерство не может теперь же найти 500 р., и отказ в напечатании понимаю как *неодобрение моих взглядов на ведение войны*, а посему, если моя книга не может быть напечатана теперь, то прошу заменить меня другим адмиралом, который пользуется доверием высшего начальства».

Не лучше были отношения Макарова и с главнокомандующим армиями и флотом на Дальнем Востоке адмиралом Алексеевым, находившимся в Мукдене. Макаров ценил и поощрял дельных, смелых, энергичных офицеров и решительно не терпел безынициативных, трусливых. После нескольких выходов в море он отстранил от высших должностей некоторых командиров кораблей, заменив их более способными. Главнокомандующий не согласился с этим решением и настаивал на его отмене или замене части офицеров офицерами по его представлению. Макаров вновь не согласился и просил освободить в таком случае его от командования флотом. Только после этого главнокомандующий утвердил все требования Макарова, но все же поднял вопрос в министерстве об ограничении прав командующего флотом. Так, высшее командование, никогда не любившее Макарова, практически «помогло» ему в работе, начиная с первых дней его командования флотом.

Приближалось трагическое 13 апреля (31 марта) 1904 года. Накануне вице-адмирал Макаров послал миноносцы в ночной поиск к о.Эллиот с задачей атаковать обнаруженные корабли противника. Лично инструктируя командиров отрядов миноносцев, командующий флотом потребовал, чтобы во всех случаях возвращаясь в Порт-Артур миноносцы не подходили в темное время к крепости, а входили бы в гавань лишь с рассветом. По намеченному плану для обеспечения их возвращения на рассвете навстречу миноносцам должен был выйти из Порт-Артура крейсер «Баян». Выслав миноносцы в море, Макаров в ночь на 13 апреля перешел на дежурный крейсер «Диана», стоявший на внешнем рейде. Командующий флотом опасался повторения попытки японцев закупорить брандерами вход в порт и по примеру прошлых многих ночей решил лично быть в центре отражения возможной атаки. Ночь была тревожной; с крейсера и береговых постов не один раз наблюдались какие-то силуэты судов

и огни, державшиеся почти на одном месте. Когда у Макарова спросили разрешение открыть огонь, он категорически запретил, высказав предположение, что это были огни наших миноносцев, возвращавшихся в Порт-Артур из-за плохой погоды. В 4 часа 30 мин. Макаров перешел на «Петропавловск». Как было установлено позже, обнаруженные этой ночью силуэты принадлежали кораблям противника, ставившим мины на путях обычного движения нашей эскадры при ее выходах. Когда с рассветом из Порт-Артура вышел крейсер «Баян» и командующий флотом получил сведения о подходе эскадры противника, он приказал трем крейсерам выходить для поддержки миноносцев, сам же в 7 часов утра вышел, как всегда, навстречу противнику на броненосце «Петропавловск» с эскадрой. Узнав уже на рейде, что миноносец «Страшный» погиб в бою, и обнаружив на горизонте всю японскую эскадру, Макаров решил отойти на внешний рейд, подтянуть все свои броненосцы и под прикрытием батарей вступить в бой с противником. Траления на выходах из базы и на внешнем рейде проведено не было.

Во время этого маневра 13 апреля в 9 часов 30 минут в двух милях от маяка на Тигровом полуострове броненосец «Петропавловск» подорвался на минах, поставленных минувшей ночью японскими кораблями, и затонул. Вместе с ним и большей частью экипажа погиб и вице-адмирал Макаров.

Русский флот в лице Макарова понес тяжелую утрату. За короткое время (36 дней) командования Тихоокеанской эскадрой он сумел сделать очень многое. Прежде всего, он привел эскадру в надлежащее боевое состояние, поднял дух личного состава и подготовил флот к активным боевым действиям, организовал регулярную разведку. Макаров принял активные меры для ускорения ввода в строй поврежденных кораблей, усилил оборону крепости с моря, создал систему обороны внешнего рейда. Он лично руководил отражением атак японских миноносцев, выходами своей эскадры навстречу противнику, не допускал безнаказанного обстрела флота и крепости, заставлял японцев каждый раз уклоняться от боя с русской эскадрой.

Вице-адмирал Макаров вошел в историю развития морского флота прежде всего как выразитель прогрессивных традиций русского флота на рубеже XIX-XX вв., как

талантливый ученик тактической школы адмирала Бутакова, воспринявший от своего учителя наступательную тактику морского боя и развивший ее в своих военно-теоретических работах.

Макарова считают прежде всего тактиком, но это определение далеко не достаточное и не полное. Его взгляды перерастали рамки тактических суждений и свидетельствуют о Макарове как об адмирале с широким оперативно-стратегическим размахом. В его труде «Рассуждения по вопросам морской тактики» встречается ряд глубоких оперативных суждений. Так, его критика «вечных принципов» Мэхэна и Колумба и «теории владения морем» говорит о готовности Макарова отойти от господствовавших тогда в военнаучных трудах взглядов на ведение боевых действий на море.

Макаров был человеком большой эрудиции. Он проявлял себя ученым-географом, новатором и изобретателем в артиллерийском и минно-торпедном оружии и кораблестроении, создателем основ теории живучести и непотопляемости кораблей.

Что бы ни начинал делать Макаров, он всегда доводил дело до конца, обобщая полученный опыт и завершая все это созданием научных трудов, основные из которых стали достоянием всей мировой научной мысли.

Макаров был искусным воспитателем высокого боевого духа личного состава. Его любимый девиз — «Помни войну» — ясен нам потому, что Макаров понимал его как необходимость постоянно учить личный состав тому, что требуется на войне, настаивал, чтобы корабли строились и оборудовались, исходя из требований войны. Придавая особое значение моральному фактору в войне, Макаров всегда и в своих теоретических работах и особенно в практической деятельности писал и заботился о поднятии морального духа личного состава. Будучи строгим и требовательным, он умело сочетал это с постоянной заботой о нуждах матросов и офицеров, поощрял инициативу и хорошую службу, нетерпимо относился к формализму и бездеятельности.

Однако прогрессивные стремления вице-адмирала С.О.Макарова не могли найти широкого практического применения в русском флоте в суровую эпоху царской реакции.

Игорь ИВАНОВ

Белый армеец и красный гвардеец

Будущий лейб-гвардеец и красный маршал М. Н. Тухачевский родился в 1893 году в фамильном имении в Смоленской губернии. Есть версия, что он был внебрачным сыном, впоследствии «узаконенным». Мальчик рос «больно шустрым», настолько, что для него держали отдельно другую няню в отличие от остальных детей.

В гимназии он увлекся популярной тогда французской борьбой, уже там была замечена амбициозность характера юного Миши. Из нее он переходит в последний класс 1-го Московского Кадетского Корпуса в 1911 году. Корпус окончил отличником и в следующем году поступил в Александровское Военное Училище (тоже московское). Он становится портупей-юнкером, фельдфеблем. По воспоминаниям сослуживцев, Тухачевский был очень строгим, большим формалистом, суровым и жестоким. Из-за него трое юнкеров Училища покончили жизнь самоубийством. Уже тогда Миша решил что будет великим полководцем. А великие на мелочи не размениваются! Уже тогда он усвоил, что жизнь человека во имя «великой» цели ничего не значит. Юнец был жесток и расчётлив. Он заканчивает Училище первым с занесением его имени на мраморную доску вышеуказанного учебного заведения и, по собственному выбору, выходит в Лейб-Гвардии Семеновский полк подпоручиком. Этот выпуск состоялся досрочно летом 1914 года.

Внешность новоиспеченный гвардеец имел (несмотря на неплохие, в целом, общефизические данные) типично вырожденческую, как то: мутные глаза навывкате, оттопыренные губы и прочие признаки либо дворянских деградантов, либо местечковых выходцев. Впрочем, это неудивительно: петровский сподвижник Шафилов (Шапило) выдавал своих дочерей за представителей самой родовой знати, а пресловутый «железный Феликс» был внебрачным сыном польской дворянки и еврея, получившим фамилию матери.

Потомственный дворянин подпоручик Лейб-Гвардии Семеновского полка Тухачевский мог, как выражались тогда, жить и служить «по средствам». Полк, в который он вышел, считался одним из самых дорогих в гвардейской пехоте. Выпускникам Военных Училищ, с отличием их за-

кончившим, но не имевшим вышеупомянутых «средств», путь в эти полки был закрыт. У бравого подпоручика денег хватало. Но он бредил войной, хотел войны, мечтал отичиться на ней, стать впоследствии генералом, великим полководцем, а там... кто знает?

В те времена это было неудивительным: находились придурки-офицеры из юных корнетов-гвардейцев, изрекавшие: «Только бы проклятые дипломаты не договорились о мире!» Вот и этот был таким... таким, да не совсем! Он не собирался прозябать до 50 лет в чине поручика или капитана, периодически навещая рестораны, бордели и венерологическую клинику. О нём весь мир заговорит!

Вскоре начинается фатальная для Европы Первая мировая война. Храбрый гвардеец спешит на фронт вместе со своим полком. Увы! Не став даже ротным командиром, он попадает в германский плен летом 1915 года. Да ещё и не в бою, а... во сне, захваченный врасплох. Ротный командир при этом был убит и сам Тухачевский также объявлен убитым, но через два месяца родственниками было получено от него письмо из лагеря для военнопленных через Красный Крест. В плену он находился вместе с молодым французским офицером Ш. де-Голлем. Данный факт поклонниками бравого гвардейца ставится ему в заслугу. Будущие красный маршал и президент Французской Республики подружались, ибо франкофил и считавший себя потомком французской аристократии Тухачевский прекрасно владел родным языком де-Голля; беседовали, играли в шахматы. Условия содержания пленных были хорошими. Их отпускали погулять в город на следующих условиях: если отпущенный нижний чин совершит побег, то небольшое число его товарищей по плену будут заключены в карцер на несколько суток. Офицеров же отпускали под честное слово, что они вернутся. Подпоручик Лейб-Гвардии Семёновского полка Тухачевский такое слово дал и нарушил его, совершив побег из плена. А как же: слово же дано немцам, а их такие субъекты за людей не считали. Мерзавец добрался в сентябре 1917 года до границы со Швейцарией. Затем перебрался во Францию и явился к Военному Атташе России в этой

стране Генерального Штаба генерал-майору графу А. А. Игнатьеву, впоследствии перебежавшему к большевикам. Какое там впечатление произвел он на последнего неизвестно, но граф весьма расщедрился материально и отправил Тухачевского в Лондон к генералу Ермолову, своему коллеге в Соединённом Королевстве. Этот также выдал беглецу сумму денежную и отправил доблестного гвардейца в Швецию, откуда он поездом прибыл в Петроград 15 октября 1917 года. Здесь он был принят на прежнюю должность в запасном батальоне Гвардейского Семёновского полка, но вскоре отправляется в отпуск в одно из своих имений. В его служебной биографии есть небольшая путаница: каков же был его последний чин. Подпоручик или поручик? Мнения расходятся. Большевицкий переворот застаёт его всё в том же поместье. Ещё несколько месяцев он «отдыхает», затем приезжает в Москву. Там он встречается и беседует с братьями Куйбышевыми и после 3-х дней «уговора» добровольно вступает в Красную армию в марте 1918 года. Гвардейский поручик (или все же подпоручик) быстро сообразил что новая власть остро нуждается в нём, а он в ней. Вот где надо делать карьеру! На зависть другим «военспецам», в том числе и в больших чинах, Тухачевский уже в мае становится «членом РКП(б)». Начинает со штабных должностей (не имея академического образования), командует армией на Восточном фронте, затем командует Северо-Кавказским и, наконец, Западным фронтом. Вот это взлет! Он становится любимцем всесильного Лейбы Бронштейна и, в дальнейшем, до расстрельного подвала будет горячим его сторонником. «Демон революции» назвал его «демоном гражданской войны». Это надо было заслужить! И он старался всю. Путь полководца сопровождался многочисленными кровавыми акциями. Бонапартик вошёл во вкус! Его приказы и речи пестрят революционными лозунгами и преступными резолюциями.

В 1920 году большевицкие вожди решили, что момент для победы мировой революции настал. Пора сокрушать буржуазную Европу! «Через труп белой Польши вперёд к мировой революции!» «Даёшь Варшаву, дай Берлин!» распевали крас-

М.Тухачевский

ные конники. Ну а «любимец партии» Бухарин со страниц «Правды» с размахом: «непосредственно к стенам Парижа и Лондона!» Вот это возможность отличиться! И бравый поручик, красный «комфронт» Тухачевский рванул вперёд. А как же! Впереди такая слава — полководца с мировым именем! «Армады» (хотя, по правде говоря, уже не столь уж и многочисленные, как например солдаты Самсонова и Реннекампа в 1914 р.) красноармейцев дошли до самой Варшавы. Германия, разорённая войной, униженная, почти без армии (что для «пламенных интернационалистов» — стотысячный Reichswehr). Благородная Франция алчно сосёт из неё кровь. Завоевали бы её с лёгкостью! Но тут до «милых» французов дошло наконец, что так большевики смогут и им нанести визит. Испугались. Срочно отправляют пану Пилсудскому своих офицеров, вооружение, снаряжение, обмундирование, технику. И тут произошло «чудо на Висле». Тухачевский, утверждавший, что стратегические резервы не нужны, был разбит. Уже упомянутый Ю. Пилсудский в своей книге «1920 год» писал: «...многие события в операциях 1920 года происходили так, а не иначе именно из-за склонности пана Тухачевского к управлению армией... абстрактным методом». Стратег был просто не способен изложить свои гениальные мысли ни устно, ни письменно. Потому и был бит. В числе его противников был и бывший товарищ по плечу и шахматный партнёр майор Ш.-де-Голль. Вину свою за поражение Тухачевский сваливал на других, будучи совершенно неспособным к самокритике. Вот если бы ему не мешали... ух он тогда бы! Коммунодемократы утверждали, что виноват в его поражении... конечно же Джугашвили-Сталин! А кто же ещё? Впрочем, Красная армия всё же попала на территорию Германии — в Восточную Пруссию, спасаясь от

разъярённых поляков. Там солдат «мировой революции» разоружили и интернировали. Тем не менее Генерального Штаба полковник и красный военспец С. С. Каменев в телефонном разговоре похвалил Тухачевского.

Новые геройские подвиги совершил бравый гвардеец в Кронштадте. Здесь против большевиков восстали «краса и гордость революции» — матросы Балтийского флота. Голодный гарнизон города (в том числе и сухопутный) перестал подчиняться антинародной власти. Их поддержали рабочие Петрограда, которых красные каратели расстреливали прямо на улицах города. Матросы выдвинули лозунги «долой продрозвёрстку» и «советы без коммунистов», арестовали местных активных большевиков, многие стали покидать «ряды ВКП(б)». Приехавший их уговаривать будущий «всесоюзный староста» (тогда всего лишь «всероссийский») Калинин убрался ни с чем. Ах так! Тогда карать! «Вождь» требует самых беспощадных мер. Но тут опять заминка. Рядовые красноармейцы отказываются выступать. Таких погонят в наступление, подбадривая «пулемётными очередями в спину. Большевики бросают на оставших красных командиров, делегатов X партийного съезда, сводную дивизию из коммунистов-преступников (даже по мерке советской власти) во главе с изувером Дыбенкой, красных курсантов. Тут собрался весь «цвет» революции: Бронштейн, Ворошилов и его холуй Рафаил Хмельницкий, будущий красный генерал армии Тюленев, Фабрициус, Путна, Федько, всякие прочие багрицкие и фадеевы. Ну и конечно же Тухачевский! Как справедливо заметил В. Б. Резун (Виктор Суворов), «читаем биографию любого стратега и почти наверняка находим его в числе кронштадтских героев». Восставшие проявили удивительную мягкость, даже не расстреляв никого из арестованных большевиков. Плохо вооружённые, они все же отбили попытку взять крепость. Но, подгоняемые «заградительным огнём» каратели наконец ворвались в город. Часть гарнизона Кронштадта ушла по льду в Финляндию, остальные сдались. «Пролетарский суд» тут же вынес 2103 смертных приговора. Это официально. А сколько на самом деле было убитых? Ну что же, Тухачевскому награда, Хмельницкому орден, Дыбенке орден и последующее восстановление в рядах ВКП(б); много тогда роздали орденов «красного знамени» с перевёрнутой пентаграммой. Сфотографировались на память с «любимыми вождями». Сам Ильич посредине, а рядом Лейба Бронштейн. Красота! Вскоре вышеупомянутый Ильич помутился рас-

судком, был удалён в Горки, где окончательно деградировал. Там ему и конец пришёл.

Новые карательные подвиги красного гвардейца. Восстали крестьяне на Тамбовщине под водительством Антонова. И здесь во всей своей красе раскрылся талант садиста и убийцы Тухачевского. Архивы России сохранили многочисленные приказы изуверов из «полномочной комиссии ВЦИК» №130, 171, 116 и проч. Вот выдержки из последнего: «По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60 — 100 наиболее видных лиц в качестве заложников и вводится осадное положение... жителям дается два часа на выдачу бандитов и оружия (а так же бандитских семей), а население ставится в известность, что в случае отказа дать упомянутые сведения заложники будут расстреляны через 2 часа. Если население бандитов и оружия не указало по истечении двухчасового срока, сход собирается вторично и взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники... В случае упорства проводятся новые расстрелы и т. д.... Настоящее Полномочная Комиссия ВЦИК приказывает принять к неуклонному исполнению.

Председатель Полномочной Комиссии

Антонов-Овсеенко

Командующий войсками
Тухачевский

Этот злобный документ вышел в Тамбове 23 июня 1921 года. Вот ещё один:

«Начальнику штаба войск Какурину для дачи на подпись Предуполиткомиссий 1,2,3,4,5 и 6-го участков. 8 июля 1921 года.

... 1. Немедленно взять из населения деревень, вблизи которых расположены важные мосты, не менее пяти заложников, коих в случае порчи моста надлежит немедленно расстреливать.

... 3. Настоящий приказ широко распространить по всем деревням и сёлам.

Командующий войсками
Тухачевский»

Красный гвардеец сжигал деревни, убивал заложников и не только их, вешал, порол шомполами. Травил газами в лесах и специальных машинах. В 1992 году на Российском телевидении один полковник КГБ в форме с васильковыми петлицами назвал еврейскую фамилию изверга-изобретателя этих средств. К сожалению, она забылась. Но важно то, что это было сказано официально, с телеэкрана и скрыть им теперь ничего не удастся. В своих трудах и приказах, публичных выступлениях и

высказываниях Л.-Гв. поручик и красный командир Тухачевский заявляет об атрофировании у него национального чувства, говорит об оккупации Русских земель красными, полностью подтверждая свою анти-русскую сущность вкупе со своими поделниками типа подпоручика и красного карателя Иеронима Уборевича. Вместе с ними набирались опыта и будущие «великие полководцы» Второй мировой войны. Славо махал шашкой по головам русских мужиков краском Георгий Жуков, работавший на подавлении Тамбовского восстания свой самый первый орден «красного знамени».

А Тухачевский продолжает расти. Он становится начальником «Главного штаба РККА», обойдя (к их чёрной зависти!) ренегатов-генералов и обольшевиевшихся полковников. Пишет многочисленные труды с крикливыми лозунгами комиссара-политрука о мировой революции, укреплении классового сознания, расширении агитации и пропаганды с музыкой и плакатами и проч., и проч. Потомственный дворянин и гвардеец из кожи вон лез, доказывая свою партийность. Обнаглед настолько, что вызвал неприязнь «наркома обороны» Ворошилова, бывшего «профессиональным» политработником и «старым большевиком». Вот типичные образчики изречений великого стртега: «Мы будем расширяться в социалистическую коалицию, когда будут вспыхивать новые социалистические революции или когда нам придётся занимать тот или иной район, находящийся под владычеством капитала». Это из «Вопросов современной стратегии». «Надо только дать широкий простор для движения и широко назначать комиссаров на командные должности» [М. Н. Тухачевский. «Избранные произведения»]. «Мало быть только честным коммунистом. Надо ещё быть втянутым в политическую жизнь части, надо иметь опыт в политработе и быть достаточно подготовленным марксистом». Из циркуляра Тухачевского РВС Западного фронта февраль 1922 г. Великий «гений» путался в цифрах, написав сущий бред о протяжении фронтов в Первую мировую войну. В 1927 году он загорелся идеей произвести в течение следующего года 50-100 тысяч танков МС-1 с мощностью двигателя 35 лс, противупульной бронёй на заклёпках и скоростью 16 км\ч. и самолётов с фанерными деталями тоже в большом числе. Стратег и не подумал о том где это всё хранмть, насколько нужно увеличить численный состав войск. Ну не интересовало это гения! О полном крахе экономики он тоже не думал, как и о том, что через несколько лет всё это устареет и будет непригодно для

Г.Орджоникидзе, М.Тухачевский, И.Смилга — члены Революционного военного совета Кавказского фронта. 1920 г.

ведения войны. Да и не достоин эта рухлядь на открытом воздухе, заржавеет и развалится, а фанера сгниет. Но, главное, цифра поражает: 100.000! Прямо помешательство у него на цифрах со многими нулями.

Новый вождь, постепенно прибирающий к рукам власть, уже начинает понимать непомерные амбиции, подлость, жестокость и глупость Тухачевского. А тут ещё и восходящая звезда красной военной мысли В. К. Триандафиллов не оставил, как говорит, камня на камне, раскриковав «talанты» гвардейского поручика с его таранной стратегией оскандалившегося под Варшавой. Он потом разбился в авиакатастрофе насмерть, которую его начальник Тухачевский ему же и устроил. Даже в своей среде он не терпел никаких возражений и других мнений. Много ещё «талантиливого» предлагал бравый гвардеец. Поначалу И. В. Джугашвили разъяснял стратега его «ошибочки», затем снял его с должности и отправил командовать «ленинградским» военным округом. Потом, правда, снисходительно сделал его «заместителем Наркома Обороны». А «полководец» не унимается: он задумал старый-новый союз с Францией против Германии, причём

по ходу войны Франция обороняется, а СССР наступает и сокрушает Германию, пожимая после победы руку на Рейне доблестным французам. Так сказать, реанимированная Антанта. Тот самый союз, что привёл к гибели Российскую Империю. В Совдепию зачастили «благородные» французские офицеры, замескали их мундиры в расположениях красных дивизий и корпусов. Всякие там «делегаты», «стажёры». «Червонный казак» местечкового происхождения Дубинский описывает французского стажера Луи Легуэста, с которым он мечтает встретиться именно на Рейне после разгрома Германии. В 1935 году Джугашвили-Сталин вводит в своей армии «персональные воинские звания». Тухачевский становится «Маршалом Советского Союза». В быту он всё тот же большой барин: «рабоче-крестьянский» маршал живёт в роскошных особняках и квартирах, изысканная еда и выпивка, женщины, автомобили, бассейны, лошади. Собственное семейство также не бедствует. К тому же он ещё и музыкант! Рыдающие в конце 80-х годов минувшего столетия по «невинной жертве сталинских репрессий» демократы завывали с придыханием с телеэкра-

нов: «после него больше ни один маршал не играл на скрипке...». Какая потеря! Ну, пусть утешаются тем, что его верный ученик «товарищ Жюков» любил иногда помучить баян. Не всё же подчинённых! Он, кстати, тоже слегка всплакнул в «своих» мемуарах, записанных некоей Миркиной со товарищи, о «загубленном полководце». Что же касается тухачевского плана войны в Европе, то из него следует, что замыслы Сталина по отношению к послед-

ней он так и не понял или не хотел понимать. Кстати именно это опровергает усиленно навязываемую версию рядом современных главпуровских и чекистских историков о германофильстве Тухачевского. Эта антинемецкая мерзость продолжается уже долго, и красно-россиянские фальсификаторы с радостью приняли эту эстафету от офранцуженной российско-ордынской аристократии. Сам Тухачевский высказывался против Германии в оскорбительной форме неоднократно и страстно желал с ней победоносной войны. А перед Францией всегда преклонялся. Вот то, что он и всякие уборевичи, якиры, фельдманы, эйдеманы, примакоры были сторонниками «демона революции» Бронштейна не подлежит никакому сомнению. Ибо вскормлены были им и при нём же возвысились. Не были они нужны товарищу Сталину. Опасны они были и для него и для его планов. Кстати, кроме убийства Триандафиллова, при непосредственном руководстве Тухачевского в 1931 году была проведена операция «Весна» по отстрелу офицеров-ренегатов. Затем Джугашвили-Сталин начал отстрел «ленинской гвардии». Теперь наступила очередь и Тухачевского с командой. Поначалу арестовывали его подельников: Путну, Примакова и проч. Наконец, взят был «боярин Михайло» и под белы ручки и препровождён в известное учреждение. На допросах и суде они старательно оговаривали друг друга, вымаливая свои жизни у вождя. Бесполезно!

Финал карьеры Тухачевского — подвал следственного изолятора и пуля в затылок. Конец? Ещё нет! В 50-х годах, «разоблачая культ личности Сталина», Хрущёв, сам перемазанный кровью до ушей, снова поднял на щит всех этих негодяев. Жалобный вой раздался со страниц книжек и периодических изданий недобитых «тухачевцев». Фильмы появились. В том числе и художественные. Чуть не дошло до памятника Тухачевскому. Но правда всё равно станет известна, как бы её не пытались скрыть. После второй, но уже более слабой волны жалобных завываний во времена «перестройки», всё в конце-концов стало на свои места.

Таким образом, красный гвардеец Тухачевский останется в нашей истории как одна из самых одиозных фигур революции, сожравшей наконец «собственных детей». Говорят, что не задолго перед арестом Тухачевский побывал в Париже и встречался там со своими сослуживцами по Л-Гв. Семёновскому полку. Хороши же гвардейские офицеры, подавшие ему руку и беседовавшие с ним!

* * *

Анатолий Николаевич Пепеляев родился 3 (15) августа 1891 года в городе Томске в семье офицера. Известно, что он окончил Павловское Военное Училище в 1910 году. Служил в 42-м Сибирском стрелко-

Анатолий Николаевич Пепеляев

вом полку, с ним он и участвовал в Первой мировой войне. Был начальником команды полковых разведчиков, а к концу 1917 года командовал батальоном в том же полку. Отмечен боевыми наградами, в том числе орденом Св.Георгия 4 степени и Св.Владимира той же степени с мечами и бантом. К февралю 1917 года был в чине капитана, а при Временном правительстве производится в подполковники. Ему всего двадцать шесть лет, в таком возрасте армейскому офицеру очень редко удавалось получить штаб-офицерский чин и только в военное время. После захвата власти большевиками и полного развала фронта он возвращается в родной Томск. Весной 1918 года он вместе с другими офицерами создает подпольную офицерскую организацию. К маю она насчитывает до 900 человек и ещё 1000 резерва. При помощи чехословацкого корпуса начавшееся восстание имеет успех и 29 июня 1918 года город был очищен от большевиков. Начинается формирование Сибирской армии, в которой подполковник А.Н.Пепеля-

ев принимает активное участие. Впоследствии он командует новым Средне-Сибирским корпусом, ведёт успешное наступление на Пермь, завершившееся взятием города и разгромом большевистского фронта, несмотря на превосходство противника в живой силе и вооружении. В отличие от других (например генералов с Юга России Туркула, Скоблина и др.) Анатолий Николаевич никогда не производился через чин и более. Став на путь борьбы с красными в чине подполковника, как уже упоминалось, он последовательно производится сначала в полковники, а затем в генерал-майоры и генерал-лейтенанты. За успешные боевые действия он был награждён орденом Св.Георгия 3 степени. С фотографии, сделанной в 1918 году, которая наиболее часто встречается в современных изданиях, на вас смотрит неунывающий молодой офицер в несолько сдвинутой на затылок фуражке с загнутой на прусский образец тульей и бело-зелёной ленточкой на околыше. Лицо у него доброе, открытое, истинно русское, совсем непохожее на надменно-пренебрежительные физиономии иных придворных гвардейцев. Его любили солдаты, а этим далеко не каждый может похвастаться. Они говорили, несколько коверкая его фамилию, «это Попеляев братцы, не то что те!» Он был «строг к себе, внимателен к подчинённым», а не наоборот, что наблюдается сплошь и рядом и по сей день. На другом снимке 1919 года Анатолий Николаевич уже с «Георгием» на шее и погонами генерал-лейтенанта. Надменности нет и в помине! Всё тот же тёплый и искренний взгляд. Он уже командует 1-й Армией у адм. А. В. Колчака. Что же касается политических убеждений молодого генерала, то здесь мнения различных историков расходятся. Кто-то, в том числе и советские, считает, что «он был близок к эсрам». Но их опровергает военный историк-эмигрант Б.Б.Филимонов, который, описывая события в Сибири в 1918 году, не находит у А. Н. Пепеляева ничего эсэровского. Скорее всего, влияние на него мог иметь старший брат Виктор Николаевич, в прошлом депутат Государственной Думы, имевший умеренно-демократические взгляды. Впрочем, он был участником выступления генерала Корнилова летом 1917 года, а затем поправел, как и многие его единомышленники в Сибири. Он станет последним Председателем Правительства у адмирала Колчака и будет убит вместе с ним чекистом Самуилом Чудновским и его командой. Ясно одно — Анатолий Николаевич был прекрасным офицером, очень любил простой русский народ и был ярким его представителем.

Ещё долго будут спорить о причинах, вызвавших, вызвавших развал Восточного фронта. Много будет высказано мнений, предположений, правильных и неправильных. Но беда Белого Движения на Востоке была ещё и в том, что возле адмирала, пользуясь тем, что он плохо разбирался в делах сухопутной армии, вились всевозможные интриганы и подлецы типа генералов Будберга и Филатьева. А. П. Будберг, бывший гвардеец, надменный и подлый, много сделал для развала Восточного фронта в Сибири. Сам же, будучи ни на что неспособным, кроме как ссорить и клеветать, он несколько месяцев 1919 года обретался в глубоком тылу на должности Военного Министра, и, поработав на поражение стал «заболевать», после чего поспешно отбыл за границу, оказавшись в конце своего пути в Северо-Американских Соединённых Штатах. Там он стал членом РОВСа и даже возглавил его местное отделение. В эмиграции издал свой «дневник», где в свойственной ему клеветнической и оскорбительной форме оскорблял генерал-лейтенанта Атамана Григория Михайловича Семёнова, генерал-лейтенантов Романа Фёдоровича Унгерна-Штернберга фон-Пильхау, Р. Гайду и многих других, в том числе и Анатолия Николаевича, считая его «выскачкой», генералом из поручиков. Бездарность явно завидовала таланту. Клеветники не унимались, в ход пошла даже внешность генерала. Он де без «шарма», простонароден, «парень-генерал» в защитной рубашке с полевыми погонями. У него в поезде обстановка не изысканная. Гвардейско-дворянские интриганы никак не могли успокоиться. Невольно возникает вопрос: а что вообще эти господа делали в Белой Сибири, на кого работали? Чтобы избежать нареканий, оговариваюсь: речь идёт не о всех вообще гвардейцах и дворянах, а о подлецах и бездарностях из их среды, коих, как видим, было не мало в истории нашего Отечества.

Восточный фронт отступал. «Ряды Первой армии так поределели, что когда красные повели наступление на армию ген. Пепеляева, ему некого было выслать; он бросился в бой сам, вместе со штабом, и отбросил противника». Это из воспоминаний Г. К. Гинса, в прошлом активного сподвижника адм. Колчака. Эти строчки ещё раз опровергают клевету всяких будбергов. Из них никто на такое способен не был. Клеветнический «дневник» в скором времени был напечатан в соведении. Итак, на чью мельницу воду льёте господа-товарищи? Не генерал Пепеляев в ответе за развал фронта, как они лгали в своих мемуарах. А ничтоже-ства в генеральских мундирах, око-

На знамени 3-го батальона 1-й Сибирской Штурмовой бригады Пепеляева черепа изображены с обеих сторон. На лицевой стороне череп внутри нарукавного шеврона. В углах полотнища на месте, где раньше помещались вензеля императора четыре буквы «П» (Пепеляев).

павшиеся в тылу и словно червеобразные паразиты разъедавшие тело Белой Сибири.

В конце 1919 года армии стремительно отступали, в тылу распозвалось «партизанское» движение. В этих условиях генерал Пепеляев, считая виноватым в поражениях Командующего Фронтом генерала К. В. Сахарова, арестовывает его. Что это? Нет, это не измена, это шаг отчаяния, попытка остановить катастрофу, как он думал. Братья Пепеляевы обращаются к Колчаку, настаивают на реформах и уступках, искренне считая, что это способно остановить нашествие большевиков. Новым Командующим стал талантливейший генерал и прекрасный человек Владимир Оскарович Каппель, пользующийся всеобщим уважением среди коллег в Сибири. Но, к ужасу, всё рушилось. Преданные союзниками, особенно французским генералом Жаненом, убиты бывший Верховный Правитель России адмирал А. В. Колчак и его последний Глава Правительства В. Н. Пепеляев. Но, невзирая на интриги господ будбергов, вся полнота власти на территории Российской Восточной Краины была передана адмиралом Колчаком генерал-лейтенанту Атаману Семёнову. Умер при переходе к нему в Забайкалье раненный и обмороженный Владимир Оскарович Каппель. 1-я Армия перестала существовать. Генерал-лейтенант А. Н. Пепеляев лежал больной тифом, только чудом избежав тогда большевицкой расправы.

В Забайкалье остатки Армии привёл генерал С. Н. Войцеховский. Они соединились с войсками Атамана Г. М. Семёнова. Но «будберговцы» и здесь не успокоились. Поначалу они предпринимали попытки диктовать свою волю Григорию Михайловичу, нагло требуя удаления генера-

ла Р. Ф. Унгерна-Штернберга. Когда из этого ничего не получилось, они прибегли к старому: начали ссорить Семёновцев и Каппелевцев, перед лицом наступающих большевиков, а затем пошли на ещё более отвратительную гнусность: генералы Вержбицкий и Смолин договорились захватить и передать Атамана Г. М. Семёнова в руки красных. К счастью, Семёновской контрразведке это удалось вовремя раскрыть и пресечь. Впоследствии негодяи всё-же добились удаления из Армии Григория Михайловича. А в Монголии такие же предали Унгерна.

«Вожди», будь они прокляты! Генерал-лейтенант Атаман Г. М. Семёнов был захвачен в 1945 году в Манчжурии красными, вывезен и убит, а его дети, бывшие с ним, прошли через советские тюрьмы и психушку. Сейчас две его дочери живут в Новороссийске. Дай им Бог всего хорошего, а главное — здоровья!

Анатолий Николаевич оказался в эмиграции в Манчжурии. Решает устраивать мирную жизнь. У него молодая жена и ребёнок. Он мастер на все руки, не боится физического труда, не кланчит денег, как иные генералы у Премьер-Министров и Королей стран Европы. Но ему ещё предстоит последний поход. В Якутске в 1921 году вспыхивает восстание против большевиков. Им руководят капитан Яныгин, корнет Коробейников, войсковой старшина Бочкарёв. Прибывший на подмогу. На побережье Охотского моря и на Камчатке ещё держатся небольшие Белые отряды генерал-майора Полякова, полковника Бирича и других. К середине 1922 года у Белых остаётся только южная часть Приморья во главе с «Земским Воеводой» генерал-лейтенантом М. К. Дитерихсом, одним из Ко-

мандующих в прошлом Восточным фронтом. Встретившись с делегацией из Якутска, генерал А. Н. Пепеляев решается на возобновление борьбы. Главное помочь, а там, может быть, удастся поднять Сибирь, уже восставшую в ответ на кровавые акции «чоновцев». Начинается формирование Милиции, впоследствии получившей название «Сибирская Добровольческая Дружина». С ним генералы Ракитин и Вишневецкий, полковники Леонов, Рененгарт, Андерс, Степанов, Сивков, другие офицеры и солдаты. Все добровольцы. Их совсем немного: всего около 750 человек. В сентябре 1922 года десант из Белого Владивостока прибыл в Аян. Здесь он соединился с другими небольшими отрядами Коробейникова (150 чел) и остальными. Якутск снова захватили большевики. В январе-марте 1923 года Дружина предприняла отчаянный рывок на Якутск через хребет Джугджур в страшный мороз, сметая красные отряды. В обращении к чинам, ему подчинённым, генерал Пепеляев призывал к хорошему обращению с местным населением, он запретил реквизиции, за всё расплачивались. Может это покажется наивным, но считая, что мы, Белые освободители, а не завоеватели (вспомните Тухачевского! — И. И.). Анатолий Николаевич отпускал на свободу пленных красноармейцев под честное слово, что они больше никогда не будут воевать за большевиков. Он был слишком добрым и верил в людскую порядочность в то отвратительное время. Это не помешало красным историкам вылить на него потоки клеветы, обвинив в «зверском уничтожении рабочих и крестьян». Дальше населённого пункта Амга пройти не удалось. Силы иссякали. Потери были невосполнимы, заканчивались боеприпасы. Дружина начала отступление к побережью Охотского моря. Погиб генерал Ракитин. К июню 1923 года в Аяне часть Дружины вместе с генералом Пепеляевым была окружена превосходящими силами противника под командой краскома Вострецова. Генерал и его соратники попали в плен. Некто Субботовский в своей книжке о Белой Сибири, эсэро-большевицкого толка, поместил фотогра-

фию пленного генерала Пепеляева с издевательской подписью: «...сдавшийся на милость большевиков». Анатолий Николаевич видимо не знал, что его снимают. Лицо его с густой бородой, худое, измученное. Глаза усталые. Это конец? Нет!

Пока под Москвой катали на инвалидной коляске лишившегося рассудка от последствий сифилиса «вождя мирового пролетариата» с бессмысленным взглядом, здесь готовили судилище. Если генерал мечтал сохранить жизнь подчинённым, то это было напрасным. Их всех убили в течении небольшого времени.

Оставшаяся часть Сибирской Добровольческой Дружины всё же спаслась, попав в эмиграцию. Уцелевший генерал-майор Е.К. Вишневецкий позднее напишет об этом очень хорошую книгу. Называется она «Аргонавты Белой мечты» и в России до сих пор не переиздавалась.

«Суд», естественно, «приговорил» генерала А.Н. Пепеляева к «смертной казни». Но позднее, по всей вероятности после смерти обезумевшего прогрессивного паралитика в Горках, наступила амнистия. «Приговор» был заменён на 10 лет заключения в лагере. Вот здесь снова начинаются всякие «загадки». Чекисты большие мастера на всевозможные фальсификации и провокации. И появляются публикации в периодике 90-х годов о «лояльности» генерала к советской власти («после выхода из заключения») и более того о «сотрудничестве» с «органами» с провокационной целью для заманивания в Совдепию русских эмигрантов. Этакий новый «трест». А до этого всякие обращения «призывом прекратить борьбу», «письма» к жене Нине и ребёнку «с призывом выехать в СССР». При этом получается, будто все угодившие в лапы большевиков тут же «раскаивались», самооговаривались, а на «суде» вымаливали себе жизнь, причём все в практически одинаковых выражениях. Это ложь! А с генералом Пепеляевым лубянские мудрецы противоречат сами себе: сначала де, «раскакаялся, восхищался достижениями социализма», а затем «возглавил подпольную Белогвардейскую организацию для борьбы с советской

властью» с провокационной целью. Универсальная попытка использовать его имя. Перемудрили!

Красные лагеря не санаторий. Фраза, конечно, избитая. Особенно для Белых. Человека там можно было пропустить через такие условия, что он может быть сломлен и умственно и физически. Применительно ли это к А. Н. Пепеляеву? У меня один ответ: эта власть всегда убивала тех, кого боялась, тех кто мог быть действительно опасным для её существования. Вспомните генералов А. И. Дутова, Р. Ф. Унгерна-Штернберга фон-Пильхау, Б. В. Анненкова, А. П. Кутепова, Е. К. Миллера, Г. М. Семёнова, П. Н. Краснова, А. Г. Шкуро, Б. В. Каминского, Г. фон-Панвица и многих других.

Зато никто не покушался на жизнь Будберга! Не был похищен и генерал Деникин, хоть он и утверждал, что мол, такие попытки делались.

Поскольку Анатолия Николаевича большевики снова провели через «суд» и убили 1 (14) января 1938 года, значит он был для них опасен. Я не верю в его сотрудничество с ними. Ему, потерявшему от их рук родного брата и воевавшему с ними на окраине Русской Земли в 1923 (!) году не быть с врагами Родины.

В 1996 году «приговор» 1938 года был отменён судебными властями РФ. А приговор 1923-го, получается, оставлен «в силе». Вот Так!

Белый армеец и красный гвардеец. Сын скромного офицера и сын богатого помещика. Человек скромный, честный, бескорыстный, добрый, лишённый всякого чванства, прекрасный офицер; и бесчестный, подлый, беспринципный, жестокий убийца, карьерист и интриган. Получивший от этой власти насильно лагерный барак и занявший высокие посты, имевший все материальные и прочие блага красного маршала. Можно ли их сравнивать? Только как белое и чёрное, не иначе. Не имевший никаких материальных благ А. Н. Пепеляев, боровшийся с большевизмом и сын дворянина-землевладельца Тухачевский, ревностно служивший тем, кто «боролся против помещиков и капиталистов». Это всё.

Вольфганг АКУНОВ

КАЗАК ГЕЛЬМУТ ФОН ПАННВИЦ — ТРАГЕДИЯ ВЕРНОСТИ

Портрет прусского иоаннита в контексте эпохи

Кто в смертной битве пал за свободу,
Не умирает! По нем рыдают
Земля и небо, зверь и природа,
И люди песни о нем слагают.

Имя немецкого генерала Гельмута фон Паннвица, последнего походного атамана всех казачьих войск, боровшихся против большевизма во II мировую войну, ставшую для них продолжением войны гражданской, в последние годы нередко упоминалось в связи с трагической историей его выдачи вместе с белыми атаманами и казаками англичанами на расправу сталинским карательным органам в 1945 г., его посмертной реабилитацией военной прокуратурой Российской Федерации в 1996 г. и беспрецедентной в истории мировой юриспруденции недавней отменой этой реабилитации той же самой прокуратурой, как бы публично признавшей тем самым в своей полной правовой некомпетентности. Менее известен факт его членства в «Прусском Ордене иоаннитов» («Бранденбургском бальяже Рыцарского Ордена Святого Иоанна Иерусалимского Госпиталя»).

Бренные останки Атамана покоятся среди т.н. «невостребованных прахов» жертв политических репрессий советских карательных органов в некрополе московского Донского монастыря, где рядом с мощами Святого Стратотерца Патриарха Тихона хранится величайшая казачья святыня — чудотворная икона Божьей Матери Донской, по преданию поднесенной Великому князю Московскому Димитрию Ивановичу донскими казаками перед Куликовской битвой. Каждый год 1 июня им приходят поклониться немногие уцелевшие ветераны, потомки павших жертвой красного террора казаков и — что особенно отрадно! — представители сегодняшнего движения по возрождению казачества — слабого, рыхлого, разобщенного, раздираемого групповщиной, а зачастую и мелкими амбициями «атаманов» (которых, как иногда кажется со стороны, больше, чем рядовых казаков!), но все-таки существующего, вопреки всему, и служа-

щего живым доказательством того, что, невзирая на все «расказачивания», казачьему роду нет и не будет перевода. И перед мысленным взором приходящих поклониться праху мучеников порой встает видение посмертного парада Казачьего Кавалерийского Корпуса у гроба Всеказачьего Атамана и его верных соратников. Лучи яркого июньского солнца озаряют своим живительным светом пробудившуюся от подобного смерти зимнего сна природу и как бы погружают с море золота место, где покоится Походный Атаман. В конном строю застыли лейб-конвойцы в темно-синих черкесках с алыми башлыками, донские, кубанские, терские и сибирские казаки с красными, синими и желтыми лампасами, со знаками Ледяного похода, с Георгиевскими и Железными крестами, золотыми, серебряными и бронзовыми знаками за храбрость на груди, заслуженными отнюдь не за «участие в карательных акциях», а за отвагу в боях с большевизмом, в лихо сдвинутых набекрень папахах и кубанках, с развевающимися на теплом летнем ветру чубами, обнаженными шашками салютуют праху своих атаманов. Трепещут эскадронные значки и казачьи знамена — сине-красно-желтые донские, сине-красные кубанские, черно-голубые терские, желто-синие сибирские а впереди — значок командующего, черное «баклановское» знамя¹ с «адамовой головой» — белым черепом, скрещенными костями и заключительными словами Православного Символа Веры: «ЧАЮ ВОСКРЕСЕНИЯ МЕРТВЫХ И ЖИЗНИ БУДУЩЕГО ВЕКА. АМИНЬ». Глухо рокочут литавры, поют фанфары. Пританцовывают кони, прядают ушами, втягивают раздутыми ноздрями теплый летний воздух. Вот они казаки, наши последние рыцари! Вечно скачут они встречь солнцу, и мрак их не поглотит, по слову Священного Писания: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его!»

Гельмут фон Паннвиц родился 14 октября 1898 г. в прусском королевском имении («домене») Боцановиц

(округ Розенберг, Восточная Силезия). Он был вторым сыном королевского судебного советника и лейтенанта в отставке XIV прусского гусарского полка Вильгельма фон Паннвица и его супруги Герты, урожденной фон Риттер.

Силезия, входящая в настоящее время в состав Польши, древняя западнославянская земля, принадлежавшая попеременно польскому государству, Чехии, «Священной Римской Империи германской нации» (позднее — Австрии) и закрепленная в середине XVIII в., в результате т.н. Силезских войн и Семилетней войны, за прусской короной.

Фамилия фон Паннвиц, как и многие схожие фамилии других представителей прусского служилого дворянства из Силезии (фон Зейдлиц, фон Тирпиц, фон Клаузевиц, фон Бассевиц, фон Бласковиц, фон Стауниц, фон Хольтиц, фон Стрелиц, фон Штайниц, фон Штудниц, Бюлов фон Денневиц, фон Ястжембский-Фалькенхорст, фон Левинский-Манштейн и др.) совершенно недвусмысленно указывает на изначально славянское происхождение основателей рода. Озарившая весь его жизненный путь — светлый, как клинок казачьей шашки — беззаветная любовь Гельмута к казачеству, несомненно, объяснялась глубоким душевным родством, опиравшимся, и на эти родовые, исконные корни.

Род фон Паннвицев весьма древний — первое письменное упоминание о нем (в дарственной грамоте на владение участком земли, полученной от одного из фон Паннвицев небольшим монастырем в Баутцене, в нынешней Саксонии), датируется 1276 годом. Фон Паннвицы имели владения в нижне- и верхнеелужичских землях (Бранденбург/Пруссия) и в Силезии; одна из ветвей рода переселилась в начале XIV в. в Восточную Пруссию. На протяжении нескольких столетий род фон Паннвицев дал Пруссии более дюжины одних только генералов и великое множество офицеров. Только при Фридрихе Великом 5 фон Паннвицев были командирами полков в прусской королевской армии и доб-

¹ Feld-Ataman (нем.)

² «Из русских частей, употреблявших символику смерти-бессмертия, следует отметить также Баклановский полк, официально получивший право на изображение черепа и костей в начале XX века. История флага генерала Бакланова такова — по легенде, монахи одного из монастырей (по некоторым сведениям — Новоисерусалимского) прислали генералу Бакланову в подарок черный шелковый значок, на котором серебром были вышиты Адамова голова и текст из Символа Веры — «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь». Сочетание устрашающей внешности самого Бакланова с подобным значком наводило ужас на северных горцев Кавказа. (Т.Н. Шевяков. «Символика смерти и бессмертия в армиях Европы», «Гербовед» №57/3 за 2002 г., Москва).

лестно сражались как в Силезских войнах, так и в Семилетней войне. Между прочим, после выхода в отставку знаменитого прусского кавалерийского генерала Фридриха фон Зейдлица его сменил в должности генерал-лейтенант Максимилиан фон Паннвиц.

Женщины из рода фон Паннвицев тоже служили — придворными дамами у прусских королей. Наибольшую известность среди них снискала София фон Паннвиц (в замужестве — графиня фон Фосс), прослужившая 69 (!) лет фрейлиной при прусских королевах, в том числе обер-гофмейстериной при королеве Луизе, супруге короля Фридриха-Вильгельма III, и присутствовавшая в ее свите на переговорах в Тильзите в 1807 г. и при ее встречах с Наполеоном и Александром I. В 1808 г. она, в свите прусской королевской четы, по приглашению Императора Александра отправилась в Санкт-Петербург, где и оставалась до 1809 г. Позднее ей выпала честь нести на руках крестить в Берлинский кафедральный собор пребывавшего еще в младенческом возрасте будущего «картечного принца» и первого германского Императора из рода Гогенцоллернов — Вильгельма I. Кроме того, ей было доверено воспитание принцессы Шарлотты Прусской, будущей российской Императрицы Александры Феодоровны, супруги Императора Николая I.

Еще одна представительница этого древнего силезского рода, Ульрика фон Паннвиц (прабабка генерала Гельмута фон Паннвица), была матерью известного немецкого драматурга, поэта, прозаика и страстного борца с наполеоновской деспотией — Генриха фон Клейста.

Прямо под окнами родительской усадьбы фон Паннвица протекала пограничная речушка Лисварт, за которой начиналась территория великой, необозримой российской Империи. С детских лет будущему казачьему Походному атаману запомнились незабываемые встречи с казаками расположенной на русском берегу пограничной заставы. Он был навеки покорен высоким казачьим искусством джигитовки, владения шашкой и пикой и меткой казачьей стрельбы.

В 1910 г. Гельмут фон Паннвиц в возрасте 12 лет был зачислен в Вальштатский кадетский корпус в Нижней Силезии, а весной 1914 г. переведен в Главный кадетский корпус в Лихтерфельде под Берлином. С началом I мировой войны подросток добился от отца разрешения идти в армию добровольцем.

В день своего 16-летия Гельмут был зачислен фанен-юнкером (кандидатом на первый офицерский чин) в запасной эскадрон I (Западнопрусского) Его Величества Императора Все-

российского Александра III уланского полка в Любене — в отличие от стран Антанты, в Германской Империи полки из «патриотических» соображений не переименовывали. В России это, к сожалению, имело место — по инициативе «прогрессивной демократической общественности», не знавшей как ей лучше подольститься к «западным союзникам», втихомолку обвинявшей Царицу, а порой и самого Царя в «германофильстве» и кончившей государственной изменой в феврале 1917 г. Впрочем, не лучше вели себя и другие страны Антанты. Так, в Англии перестали публично исполнять произведения Бетховена и Вагнера, а британский Королевский Дом вдруг счел свое родовое имя фон Саксен-Кобург-Гота «звучащим слишком по-немецки» и стал именоваться, по одному из английских королевских замков «Виндзорской династией». Узнав об этом, германский Император Вильгельм II, обладавший чувством юмора, велел играть в немецких театрах комедию Шекспира «Виндзорские насмешницы» под названием «Саксен-Кобург-Готские насмешницы».

Полк Гельмута фон Паннвица был расквартирован под Лигницей, где в 1241 г. объединенное польско-германское войско силезского герцога Генриха Благочестивого, рыцарей Ордена иоаннитов и Тевтонского Ордена в кровопролитном сражении остановило движение на Запад орд хана Батыя. У нас об этом сражении мало кто знает, между тем как в германских учебниках истории ему уделяется не меньше места, чем в наших — битвах на Калке и Сити. Считается, что эта неудачная для христианских рыцарей, но подорвавшая силы татарского войска битва отрицательно сказалась и на судьбах крестоносных государств в Святой Земле. Когда в середине XIII в. другое татаро-монгольское войско во главе с военачальником-христианином Китбугой, в союзе с крестоносцами выступило против египетских и сирийских мусульман, ему в тыл ударили сирийские тамплиеры и иоанниты, снабемые жадной местной за своих собратьев, убитых монголами при Лигнице, что сорвало успешно начавшийся «желтый крестовый поход» и в конечном итоге привело к победе мусульман.

За проявленную в бою выдающуюся храбрость фенрих (корнет) фон Паннвиц уже в марте 1915 г., в возрасте всего 16 лет, был произведен в лейтенанты. 16 сентября 1915 г. он был представлен к Железному кресту II степени. За доблесть в боях летом 1916 и 1917 гг. в Карпатах Гельмут фон Паннвиц был награжден Железным крестом I степени.

По окончании I мировой войны он защищал восточные границы Герма-

нии от большевиков и польских интервентов в рядах «добровольческих корпусов». Ветеран XV Казачьего Кавалерийского Корпуса Гельмут Меллер позднее рассказывал автору этого очерка:

«Как казаки дрались вместе с нами плечом к плечу против красных, так и наши отцы в 1918-1923 гг. в рядах «добровольческих корпусов» дрались против спартаковцев и спасли нас от установления коммунистической диктатуры. Они дрались не за гитлеровский режим, а против большевистской системы. Они хотели быть свободными гражданами свободной страны».

Наши отцы были солдатами I мировой. Гельмут фон Паннвиц воевал в рядах «бригады Эрхардта» в Берлине и Верхней Силезии, а мой отец — в рядах «Стального Шлема» Франца Зельдте. Своей героической борьбой они не допустили, чтобы Германия, подобно России, пала жертвой Красной Армии и мировой революции. Плечом к плечу с рейхсвером они восстановили порядок к 1923 г. и тем самым спасли будущее демократии...».

Последнее абсолютно верно, хотя чисто субъективно многие бойцы «добровольческих корпусов» косо смотрели на воцарившуюся в Германии с их помощью демократию и придерживались монархических взглядов, предпочитая новому черно-красно-золотому флагу Веймарской республики старый черно-бело-красный кайзеровский флаг. Любопытно, что и герб фон Паннвицев представляет собой черно-бело-красный щит!

Из-за тяжелого ранения в марте 1920 г. (после так называемого «Капповского путча») фон Паннвицу пришлось уйти в отставку, тем более, что на членов Ордена иоаннитов, слишком тесно, по мнению «новых людей» послевоенной Германии, связанного с отстраненной от власти династией Гогенцоллернов, в Веймарской Республике смотрели косо. Казалось, офицерская карьера завершилась раз и навсегда. Несколькими годами позже фон Паннвиц служил в Польше управляющим имением у княгини Радзивилл. Но любовь к военному ремеслу все-таки заставила его вернуться в Германию летом 1933 г.

Поначалу он обучал резервистов в 7-м кавалерийском полку в Бреслау (Бреславле, ныне — Вроцлав), а в 1935 г. был зачислен во 2-й Кавалерийский полк в Ангербурге (Восточная Пруссия) командиром эскадрона в чине ротмистра. 9 апреля 1938 г. он женился в Кенигсберге на Ингеборг Нойланд (от этого брака родились дочь и два сына).

Уже в чине майора Гельмут фон Паннвиц был в 1938 г. после так называемого «аншлюса» (присоединения

³ Это прозвище он получил за крутые меры, принятые им в марте 1848 г. против берлинских революционеров

Австрии к Германии) переведен в только что сформированный 11-й кавалерийский полк в Штокерау, близ Вены.

С началом II мировой войны он, в качестве командира разведывательного отряда 45-й дивизии вермахта, участвовал в польской, а затем во французской кампании, был награжден пристежками-репликами к Железным крестам за I мировую (23 сентября 1939 г. — пристежкой к Железному кресту II, а 5 октября 1939 г. — к кресту I степени).

С самого начала войны против СССР силезский иоаннит не раз подтверждал свою репутацию храброго и осмотрительного командира. Уже 4 сентября 1941 г. подполковник фон Паннвиц, командир 45-го разведотряда 45-й пехотной дивизии вермахта, входившей во 2-ю армию группы армий «Центр», был награжден Рыцарским крестом Железного креста. 8 июля фон Паннвиц в районе Давидгородок-Туров под Ольшанами столкнулся с превосходящими силами красных. Молниеносно осознав тяжелое положение, в которое попали германские части, оперировавшие восточнее Ольшанского канала, не только спас эти части, прорвавшись во главе ослабленного самокатного взвода в горящее село и взяв его штурмом, но и восстановил существовавшее до боя положение, создав предпосылку для последующего успешного наступления дивизии.

Он всегда стремился к максимально возможному успеху при минимальных потерях — воевал не по-жукос-

ки («Война все спишет!», а по-суворовски («Бей врага не числом, а умением!»).

В январе 1941 г., после тяжелой простуды, осложненной пневмонией и ишиасом, фон Паннвиц был вынужден покинуть фронт. В начале 1942 г. его перевели в Верховное Командование Сухопутных Войск, для разработки инструкций мобильным (подвижным) войскам.

Отведенное ему время Гельмут фон Паннвиц, произведенный в апреле 1942 г. в полковники, использовал для осуществления своей заветной мечты — создания самостоятельных казачьих воинских частей. Он знал, что казаки со времени гражданской войны в России всегда оставались ядром всех антибольшевицких формирований, за что после победы коммунистов были лишены не только своих заслуженных потом и кровью на протяжении многих поколений беззаветной службы Царю и Отечеству привилегий, но и элементарных гражданских прав, неоднократно подвергаясь репрессиям. Знал он и то, что вступление германских войск на казачьи земли по Дону, Кубани и Тереку приветствовалось немалой частью населения как приход освободителей, и что немало казаков (да и не только казаков) были готовы к продолжению вооруженной борьбы с большевиками.

С детства научившийся понимать и любить казаков, фон Паннвиц ясно видел перспективы казачьего возрождения, его важность в борьбе с большевизмом. Вопреки яростному сопротивлению секретаря Гитлера

Мартин Бормана (ведшего свою, так до конца и не разгаданную игру) и рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера (фанатичного расиста, не допускавшего и мысли о казачестве как полноправном союзнике стран «оси»), Гельмуту фон Паннвицу, при поддержке генералов Кестринга, Цейтцлера, фон Клейста и полковника Клауса Шенка графа фон Штауффенберга (того самого, что чуть было не ликвидировал Гитлера 20 июля 1944 г. — а ведь в случае успеха покушения исход войны, судьбы казачества и всей России могли бы сложиться иначе!) удалось получить в сентябре 1942 г. все необходимые полномочия на формирование крупных добровольческих частей в казачьих областях. Любопытно, что все вышеперечисленные генералы были рыцарями Прусского Ордена иоаннитов. Этот факт часто ускользает от внимания исследователей, поскольку крайне отрицательно относившийся к Ордену иоаннитов рейхсмаршал Герман Геринг добился запрещения ношения иоаннитскими знаками принадлежности к Ордену на германской военной форме.⁴ Полковник Штауффенберг сам лично иоаннитом не был, но происходил из рода, теснейшим образом связанного с Орденом Святого Иоанна на протяжении последних 500 лет.⁵ Его вдова, графиня Штауффенберг, после войны восстановила сестринскую службу Ордена иоаннитов в ФРГ.

Вопреки инсинуациям современных борзописцев, Гельмут фон Паннвиц никогда не числился в «любимчиках» у Гимmlера.⁶ На предложение

⁴ Прусский Орден иоаннитов как таковой никогда не принимал участия в деятельности правых экстремистов. Его глава («герренмейстер») Принц Оскар Прусский, сменивший на этом посту в 1927 г. своего брата Эйтеля-Фридриха, в этом отношении держал свой орден под строжайшим контролем. Положение не изменилось и после прихода к власти Гитлера 30.1.1933 г. Пока рейхспрезидентом Германии оставался почетный командор Ордена иоаннитов — фельдмаршал Пауль фон Гинденбург — Ордену ничто не угрожало. Старый иоаннит как бы держал Орден под своей неофициальной, но от того не менее действенной защитой. В книге Андоеаса Дорпалена «Гинденбург и история Веймарской Республики» об отношении фельдмаршала к Ордену сказано следующее: «Во время заседания кабинета в мае 1934 г. Геринг поставил вопрос о целесообразности дальнейшего существования Ордена иоаннитов. У него самого были большие сомнения на этот счет, ибо Орден, доступ в который был открыт только аристократам, казался ему несоместимым с общенародным характером национал-социалистического государства. Однако статс-секретарь Мейснер, до этого месяца молчавший на заседаниях Кабинета, внезапно взял слово и настоятельно потребовал отложить всякое решение по данному вопросу до момента, пока он обсудит его с рейхспрезидентом». Заседание Кабинета от 15 мая 1934 г. Документы Рейхсканцелярии, P.43 1/469».

После кончины Гинденбурга летом 1934 г. Орден иоаннитов лишился всякой защиты. Нацистское руководство во главе с Гитлером незамедлительно запретило традиционное проведение посвящения в рыцари Ордена иоаннитов в замке Зонненбург, хотя данная инвеститура до этого проводилась ежегодно с незапамятных времен. Вслед за тем был издан запрет для служивших в армии иоаннитов носить знаки своего Ордена на германской военной форме. Тем с большим рвением рыцари стали посвящать себя первоначальной орденской задаче — уходу за больными в клиниках и госпиталях. Именно в 30-е гг. XX в. многие рыцари завещали Ордену иоаннитов недвижимость в Восточной и Западной Пруссии, чтобы укрепить пошатнувшееся материальное положение Ордена. (Christoph Freiherr von Imhoff. Der Johanniterorden im 19. Und 20. Jahrhundert, in: Wienand Adam, Der Johanniterorden/Der Malteserorden, Koeln 1988, S.520).

⁵ По окончании II мировой войны не раз поднимался вопрос, почему же рыцари столь нелюбимого Гитлером и его нацистским окружением Ордена иоаннитов, тем не менее, и в эпоху «третьего рейха» продолжали служить государству, почему иоанниты, находившиеся в ту пору на военной и на гражданской службе, присягали на верность «фюреру и рейхсканцлеру», хотя безраздельно властвовавшая в Германии нацистская партия указом «заместителя фюрера» Рудольфа Гесса от 7.9.1938 г. поставила членов Ордена иоаннитов перед альтернативой: выйти либо из Ордена, либо из партии. Одновременное членство в обеих организациях было строжайше запрещено. Тем не менее, лишь небольшое число рыцарей Ордена перебежало в стан нацистов. Большинство рыцарей сохранило верность Ордену. Солужба в армии являлась для большинства иоаннитов, принадлежавших к традиционному прусскому военному сословию, бегством от партийного рабства. Во многих случаях поставленные перед дилеммой рыцари обращались за советом к своему «герренмейстеру» Принцу Оскару. Был найден следующий выход. Рыцари приостанавливали свое формальное членство в Ордене и не носили на мундире иоаннитский крест, однако втайне продолжали делать взносы в Орденскую кассу. (Ibid., S.521).

⁶ Насколько серьезно высшие нацистские чины рассматривали вопрос окончательного упразднения Ордена иоаннитов, явствует из ряда документов, переданных в 1963 г. из Государственного архива США в германский Федеральный Архив в Кобленце. Так, Мартин Борман, шеф партийной канцелярии нацистов и заклятый враг идеи формирования русских и казачьих антибольшевицких частей в составе вермахта, писал начальнику Службы безопасности (СД) группенфюреру СС Гейдриху:

«В качестве приложения Вам для ознакомления фотокопию бюллетеня №4 Ордена иоаннитов за этот год. Очень жаль, что нам до сих пор не удалось распустить этот Орден. Полагаю, что все иоанниты относятся к бывшему Императору так же, как и их «герренмейстер»; между тем сейчас, во время войны, большое число иоаннитов находится в рядах вермахта». Письмо было написано в штаб-квартире фюрера 7.7.1941 г. и касалось некролога, посвященного Герренмейстером иоаннитов, Принцем Оскаром,

Гимmlера перейти из вермахта в войска СС фон Паннвиц ответил решительным отказом, подчеркнув, что он служит в армии с 15 лет и счел бы уход из нее дезертирством. Ветеран XV Казачьего Кавалерийского Корпуса Эрнст Вальтер фон Мосснер вспоминал, как генерал фон Паннвиц спас его от ареста гестапо после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. Отец фон Мосснера, заслуженный германский генерал, но противник нацистского режима (и, между прочим, иоаннит!) погиб в декабре 1944 г. в Бухенвальде. Его сын — командир казачьего кавалерийского эскадрона — попал в «сферу пристального внимания» гестапо, искавшего «повод избавиться от подозрительного офицера» (о, святая простота германских спецслужб! — представьте себе, для сравнения, советский НКВД, вынужденный «искать повод» избавиться от «подозрительно-го» советского командира после ликвидации его отца, опального советского генерала в сталинском ГУЛАГ-е!). Вскоре гестаповцы нашли необходимый «повод». Фон Мосснер-младший, как джентльмен, пригласил захваченного казаками командира титовской «Народно-Освободительной Армии Югославии» отобедать со своими офицерами на командном пункте, прежде чем отправить его в штаб для допроса. В аграмском (загребском) гестапо поступок фон Мосснера был истолкован в чисто нацистском духе. Но, когда за фон Мосснером явились гестаповцы, казаки Лейб-конвоя генерал-лейтенанта фон Паннвица по его приказу отказались выдать офицера. Под угрозой применения оружия «бойцам невидимого фронта» пришлось убраться несолоно хлебавши...

Во время инспекционной поездки фон Паннвица на Кавказ советские войска прорвались в Калмыцкую степь. Свободных германских войск, способных противостоять прорыву,

под рукой не оказалось. Фон Паннвиц получил приказ закрыть брешь тыловыми частями и всем, что имелось в наличии. «Боевая группа фон Паннвица», в которую входили конные и пешие казачьи подразделения, танковый отряд, румынская кавалерийская бри-

сту (№ 167) и высший румынский военный орден Михая Храброго.

С началом германского отступления зимой 1943 г. на Запад потянулись с семьями и тысячи казаков, спасавшихся от неизбежных репрессий НКВД. И только тут (хотя благоприятный момент был давно упущен!) германское руководство решилось, наконец, дать «добро» на формирование конной казачьей дивизии.

В марте 1943 г. в Милау (Млаве) из многочисленных, но сравнительно небольших по составу казачьих подразделений, приданных германским военным частям (казачьих полков фон Рентельна, фон Юнгшульца, фон Безелагера — между прочим, рыцаря католического Мальтийского Ордена!, Ярослава Котулинского, Ивана Кононова, 1-го Синегорского Атаманского и проч.), была сформирована 1-я Казачья Кавалерийская дивизия — первое крупное «белоказачье» соединение во II мировой войне. Возглавил эту дивизию (послужившую ядром будущего XV Казачьего Кавалерийского Корпуса) прусский иоаннит Гельмут фон Паннвиц, произведенный в июне 1943 г. в генерал-майоры вермахта.

Казаки рвались на Восточный фронт — у каждого были свои счеты с большевиками. Однако осенью 1943 г. казачья дивизия была переброшена в Хорватию для борьбы с титовскими партизанами. Казаки фон Паннвица в течение всего лишь 4 месяцев успешно справились с поставленной задачей — и это в центре Балкан, вечной «пороховой бочки Европы» (где даже в наши дни всевозможные «миротворцы» не могли остановить кровопролитие в течение целого десятилетия!).

В январе 1945 г. повышенный в звании до генерал-лейтенанта Гельмут фон Паннвиц был единогласно избран Всеказачьим Кругом в Вировитице «Верховным Походным Атаманом всех Казачьих войск». Он воспринял свое избрание как огромную ответ-

Генерал-лейтенант фон Паннвиц, Походный атаман всех Казачьих войск

гада, румынская же батарея моторизованной тяжелой артиллерии, отдельные тыловые и обозные части и несколько зенитных орудий, начиная с 15 ноября 1942 г. уничтожила северо-восточнее Котельникова прорвавшую фронт 61-ю советскую дивизию, затем 81-ю советскую кавалерийскую дивизию под Котельниками, и, наконец, советскую стрелковую дивизию (под Пименом Черным/Небыковым). За эту операцию Гельмут фон Паннвиц 23 декабря 1942 г. получил «Дубовые листья» к Рыцарскому кре-

памяти своего умершего 4.6.1941 г. отца последнего германского кайзера Вильгельма II Гогенцоллерна, являвшегося Протектором Ордена на протяжении многих лет. Это письмо положило начало обсуждению вопроса упразднения Ордена иоаннитов партийной канцелярией НСДАП, рейхсфюрером СС, начальниками полиции безопасности и СД, и, наконец, Главного Имперского Управления Безопасности (РСХА), продолжавшемуся до ноября 1944 г. Поводом к требованию запретить Орден все время служила верность Орденового правительства памяти последнего германского Императора. Сдерживающим фактором служили, несомненно, опасения нацистов обострить донельзя отношения с представителями традиционно входивших в Орден древних аристократических родов, позиция которых по отношению к гитлеровскому режиму и без того проявилась достаточно ясно в ходе событий 20.7.1944 г., что могло бы дополнительно осложнить положение на фронтах. Но в случае успешного для Гитлера исхода войны он непременно уничтожил бы не только Орден иоаннитов, но и самую память о нем. В качестве дополнительного подтверждения изначальной враждебности национал-социалистов Ордену Святого Иоанна Иерусалимского Госпитала можно привести и следующую выдержку из письма РСХА в «Персональный Штаб Рейхсфюрера СС» от 24.11.1944 г.: «...Совершенно очевидно, что Орден иоаннитов стремился добиться подтверждения своих старинных, дарованных ему королевскими привилегиями прав в Вартегау (часть оккупированной гитлеровской Германией территории Польши, не вошедшей в т.н. «Генерал-губернаторство Варшавское» и присоединенная непосредственно к «Третьему рейху», как земли, входившие в состав Германской Империи до 1918 г. — В.А.). Партийная канцелярия придерживается мнения, что старинные королевские привилегии (дарованные Ордену иоаннитов — В.А.) утратили свою силу не позднее 1939 г. По договоренности с Партийной канцелярией мы исходим из того, что приобретение (Орденом иоаннитов — В.А.) статуса юридического лица (на территории Вартегау — В.А.) на основании внесения его в реестр зарегистрированных организаций представляется нежелательным, ибо Орден иоаннитов в случае регистрации приобрел бы новую, четкую организационную форму...Партийная канцелярия предложила на время отложить решение данного вопроса и принять окончательное решение после окончания войны». (Christoph Freiherr von Imhoff. Der Johanniterorden im 19. und 20. Jahrhundert. 1988- Wienand-Verlag Koeln, S.520-521.).

ственность и высочайшую честь. Ибо знал, что с 1835 г. звание Верховного Атамана Казачьих Войск носил Наследник Российского Императорского Престола (и Святой Мученик Царевич Алексей был, таким образом, непосредственным Предшественником на этом посту Гельмута фон Паннвица — которому вскоре и самому суждено было претерпеть мученическую кончину от тех же самых рук). Факт избрания германского генерала Всеказачьим Атаманом говорил о высочайшем доверии казаков к своему командиру, неустанно заботившемуся о своих казаках и о сохранении казачьих традиций, начиная с восстановления исторических атрибутов казачества — папах, кубанок и лампасов, и кончая казачьим фольклором. Будучи избран Советом стариков почетным казаком Донского, Кубанского, Терского и Сибирского казачьих войск, он сам предпочитал носить казачью форму и на молебнах первым преклонял колена перед корпусной иконой Божией Матери Казанской. «Батька Паннвиц» уделял огромное внимание духовному окормлению своих казаков, многие из которых, особенно молодые, выросли в советской атмосфере «безбожных пятилеток», и тем не менее, вернулись в лоно святоотеческого Православия. Здесь следует упомянуть, что и в суровую пору военной страды он заботился не только о казаках корпуса, но и о будущем казачества. Так, по его инициативе при корпусе была создана Школа юных казаков (на правах юнкерского училища), в первую очередь для осиротевших казачат. Сам генерал усыновил «сына полка», юного казака Бориса Набокова, определив его в эту школу.

С 1 февраля 1945 г. «батька Паннвиц» имел под командованием находившийся в стадии формирования XV Казачий Кавалерийский Корпус (в составе двух казачьих кавалерийских дивизий и одной пластуной бригады). К концу войны Корпус численностью более 20 000 штыков и сабель занимал позиции на южном берегу р. Дравы. Фон Паннвиц понимал, какая судьба уготована его казакам в случае захвата их советскими войсками, и решил пробиваться в Каринтию — часть Австрии, входившую в британскую оккупационную зону.⁷

9 мая 1945 г. казачьи части вошли в Каринтию в сопровождении с британской 11-й танковой дивизией. Два дня спустя «батька Паннвиц» в пос-

ледний раз, уже в присутствии британских офицеров, принял парад Донского казачьего полка, после чего казаки сложили оружие, поверив честному слову британских «джентльменов» ни при каких условиях не выдавать их большевикам палачам. В последующие дни фон Паннвиц посещал один казачий лагерь за другим в целях моральной поддержки своих казаков и защиты их интересов перед британскими военными властями. 24 мая от англичан было получено повторное торжественное заверение, что никто из казаков выдан красным не будет. Между тем, еще 23 мая между британцами и большевиками была достигнута договоренность о «репатриации» казаков...

После насильственной изоляции и выдачи казачьих генералов к офицеров в Шпитале английские солдаты 27 мая начали окружать лагерь за лагерь, вывозя казахов в Грац, где казаки с применением жесточайшего насилия передавались в лагерь большевиков. Одновременно пед Лиенцем в Южном Тироле были выданы большевикам около 20 000 казаков резервных частей (т.н. Казачьего Стана) и почти столько же гражданских лиц, бежавших в Тироль из мест своего поселения в Северной Италии. Разыгравшиеся при этом душераздирающие сцены, включая массовые самоубийства целых казачьих семей, не желавших возвращаться в большевицкий «рай» уже многократно описаны. Британской армии никогда не смыть со своего мундира этого позорного пятна!

Генерал фон Паннвиц, как германский гражданин, выдаче не подлежал. Британцы предложили ему укрыться в своем лагере для германских военнопленных — хотя и не подумали предоставить такого выбора другим казачьим генералам, офицерам и казакам, также никогда не являвшимся советскими гражданами (а генерал Шкуро, как кавалер высшего британского военного Ордена Бани, даже являлся пэрмом Британской Империи!). Как бы то ни было, «батька Паннвиц», как вспоминал ветеран корпуса Филипп фон Шеллер, собрал своих германских офицеров и заявил, что делил с казаками хорошее и намерен разделить с ними и плохое, быть с ними до конца.

В знак готовности разделить судьбу своих казаков Гельмут фон Паннвиц спорол с фуражки и мундира германских орлов со свастикой — та-

ким он и запечатлен на последних фотографиях перед выдачей. Германским офицерам он предложил «самим промышлять о своей голове». К чести последних, они последовали примеру своего командира и отправились вместе с казаками по этапу в Сибирь, откуда живыми вернулись немногие.

«Батька Паннвиц» был доставлен в Москву, где Военная Коллегия Верховного Суда СССР признала его и пять генералов — атаманов Казачьего Стана (Петра Краснова, Андрея Шкуро, Султан Клыч-Гирея, Семена Краснова и Тимофея Доманова) виновными в шпионаже, контрреволюционно-белогвардейской и диверсионно-террористической деятельности против Советского Союза, приговорив к смертной казни через повешение. Приговор несправедливого суда был приведен в исполнение 16 января 1947 г. «Черт побери! Да есть ли что на свете, чего бы побоялся козак?»⁸

Так оборвалась жизнь последнего Верховного атамана всех казачьих войск, почетного кубанского, терского, донского и сибирского казака, храброго офицера и стойкого антикоммуниста. Всю свою жизнь он был верен древнему девизу рыцарей-иоаннитов, засвидетельствованному средневековым хронистом: «Когда же настанет наш час, умрем, как подобает рыцарям, ради братии нашей, дабы не было порухи нашей чести». Что, кстати, полностью соответствует повторенному командором Государственного Ордена Святого Иоанна Иерусалимского генералиссимусом Суворовым казачьему правилу: «Сам погибай, а товарища выручай!» и завету князя Святослава Игоревича: «Мертвые сраму не имут!».

Благодаря редкостным свойствам характера Гельмут фон Паннвиц завоевал сердца своих станичников, сохранив им верность до гроба. «Ибо нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». Подружившись с казаками-пограничниками в самом начале своей жизни, он принес себя в жертву германо-казацкому братству по оружию, запечатлев его навечно ценой собственной жизни. И никакие «реабилитации» не нужны тому, чье доброе имя осталось навеки незапятнанным, кто прожил свою жизнь, как рыцарь без страха и упрека. А суд...Что ж, два тысячелетия тому назад к позорной смерти («проклят всяк повешенный на древе») приговорили и Христа?

⁷ Erich Kern. General van Pannwitz und seme Kosaken. Neckargemuend. Kurt Vowinckel Verlag.1963.S. 183.

⁸ Н.В. Гоголь, Тарас Бульба (редакция «Миргорода» 1835 г.), М 1959 г., Собр. соч., т. 2, с.319.

ЮРИЙ КРАВЦОВ

ТЕРНИСТЫМ ПУТЕМ...

*(записки урядника)***ЧАСТЬ I. ВОЙНА****ВВЕДЕНИЕ**

Я написал эти воспоминания. Зачем?

На этот простой вопрос нет простого ответа. Многие подумают: кому могут быть интересны события, даже не совсем банальные, жизни одного человека во время самой кровопролитной в истории человечества войны, в которой было убито 50 миллионов человек, а многие миллионы были превращены в инвалидов. Сколько же было искалечено человеческих судеб, сколько было разрушено семей, сколько простых человеческих чувств, радостей и удовольствий было уничтожено и превращено в пыль страданий, об этом никакая статистика не знает. Что такое один человек?

Это — с одной стороны.

А с другой — в 1991 году рухнул Советский Союз и рухнул коммунизм. А рухнул ли?

Если действительно коммунистическая власть и коммунистическая идеология признаны безмерно жестокими и античеловеческими, подвергнуты всяческому осуждению и не подлежат реставрации в каком бы то ни было виде, то почему многие борцы против коммунизма до сих пор скрывают свое антикоммунистическое прошлое?

Я не говорю о диссидентах брежневских времен. Они боролись против мирового коммунизма своими методами и сыграли свою роль в ослаблении советской власти и в конечном счете в ее ликвидации. И тот почет, которым они сейчас окружены, ими заслужен.

А как же быть с теми антикоммунистами, которые шестьдесят лет назад выступили против советской власти с оружием в руках и которых теперь после дикой расправы сталинского режима над ними, остались считанные единицы? Они до сих пор считаются негодьями и предателями и не подлежат никаким реабилитациям, так как они участвовали в войне как союзники (не наймиты, подчеркиваю, не слуги) Германии, которая напала на Советский Союз и несла немало бед советскому (в том числе, русскому) народу?

А какого другого союзника могли найти в той войне антикоммунистически настроенные люди из граждан СССР? Таких же людей историки насчитывают мил-

лион, то есть, цифру, достаточную для того, чтобы считать вторую мировую войну для СССР войной гражданской.

Война закончилась, победители наказали побежденных или, правильнее сказать, уничтожили их. А на оставшихся в живых до сих пор висят позорные ярлыки.

Я — антикоммунист и живу до сих пор в подполье. Нет, я не ношу парика, не приклеиваю усов и не сижу ночами, переделывая документы. У меня свои, абсолютно белые и в небольшом количестве, волосы, у меня настоящий советский паспорт с подлинной фотографией, и я не боюсь проверки документов на улицах.

Но я скрываю свое прошлое. От ВСЕХ!

Я прожил с женой 47 лет с полным взаимным уважением и доверием. Она знала, что я отсидел в ГУЛАГе много лет в самое страшное для советских заключенных время — сороковые годы, но так и не узнала, за какие мои действия, за какие мысли.

А теперь мои дети и мои внуки не знают и этого, хотя я до сих пор удивляюсь, каким же это чудом меня не похоронили где-нибудь в вечной мерзлоте. Я не рассказываю своим внукам о своей извилистой жизненной дороге не потому что стыжусь, а потому, что не знаю, как это будет воспринято ими на фоне существующих доселе позорных ярлыков и отсутствия подлинной информации о событиях второй мировой войны, в которых участвовали сотни тысяч советских людей разных национальностей.

Но должны же люди знать, что «были люди в наше время, не то, что нынешнее племя». Вот я и описал, как смог, свою жизнь в те грозные годы. Много, конечно, уже исчезло из памяти, но главное, чего я старался придерживаться, это — избегать вранья, ибо в большинстве книг о прошедшей войне, изданных в СССР, ложь — главная часть содержания.

Так пусть эта книга будет хотя бы маленьким лавровым листочком в терновом венце мучеников — борцов против коммунизма.

Приношу искреннюю благодарность Ивану Григорьевичу Федоренко и Николаю Семеновичу Тимофееву за помощь в поисках необходимой информации и, что го-

раздо более важно, за моральную поддержку при написании этой книги.

1. КУРСАНТСКИЙ БАТАЛЬОН

«Минометная рота, подъем! Подъем!»

И сразу — всеобщее шевеление, покашливание, вздохи, чихание — наша минометная рота просыпается. Тут начинается нечто невообразимое — ведь известно, что солдат после команды «Подъем» начинает одеваться, мы же, наоборот, начинаем раздеваться. Потому что спим мы одетые, в шинелях, и обутые, то есть только те, которые действительно обутые. Нас обмундировали всего неделю назад, а ботинки всем выдали английские, все малого размера, по этой причине половина нашей роты ходит на занятия босиком, а ботинки — в вещмешке. Мне удалось в этом деле немножко схитрить, как и моему лучшему другу и однокласснику Витьке Каретникову. Когда нас мыли в бане перед выдачей обмундирования, всю вольную одежду и обувь отбирали, и куда она девалась, мы не знаем. Мы же с Витькой ухитрились припрятать свои домашние сапоги; английские ботинки были нам малы, и мы щеголяли в сапогах (а они были армейского образца), удивляя тем самым весь батальон, так как в сапогах ходило только начальство и на весь батальон было всего человек пять командиров (это не считая нас с Витькой), которые были в сапогах. Даже половина лейтенантов носила обмотки и ботинки.

Нам же, случалось, даже козыряли.

Обмундирование в бане старшина выдавал нам, ничего не подбирая, не говоря уж о примерке. Дескать, там сами разберетесь и обменяетесь, если кому понадобится. С брюками мне повезло, а гимнастерка мне попала до колен, а шинель — волочилась по земле, ибо росту я невеликого. Дня три я проходил в таком клоунском одеянии, а потом мне обменщик попался в одной из стрелковых рот. И я стал нормальный лихой курсант.

Наша минометная рота после всего этого выглядела аристократами. Все обмундирование: гимна-

стерки, брюки и обмотки нам выдали хаки, а на стрелковые роты невозможно было поначалу смотреть без смеха: стоят в строю, у одного курсанта гимнастерка синяя, брюки белые, обмотки красные, а у другого рядом — все наоборот, и вся рота, не рота, а цветочная клумба. Только пилотки у всех одинаковые. Потом попривыкли.

Наш батальон, учебный батальон 319 стрелковой дивизии, размещается на небольшом треугольном участке, с двух сторон ограниченным небольшими, но бурными горными речками, а с третьей — метров через двести, дома аула Маджалис. Аул небольшой, километрах в двадцати от Каспийского моря. С местным населением — дагестанцами мы никак не общаемся, нам это строжайше запрещается, за малейший контакт грозят штрафным батальоном. Объясняют это враждебным отношением местного населения к Красной Армии, возможностью отравлений и даже похищений и убийств. Хотя, вообще, ни одного такого случая у нас в батальоне не было. Нам также было сказано, что в горах около 30 тысяч вооруженных дагестанцев ожидают прихода немецких войск, что в сентябре 1942 года, когда шли бои под Моздоком, было вполне возможно. И мы, выходя на тактические занятия в горы, всегда берем полный запас мин и ручных фанат, ну а винтовочные патроны у нас постоянно в карманах — патронных подсумков нам не выдали. Нападений на нас никаких не было, но стрельба в горах иногда слышалась. И случалось, что наши посты задерживали женщин, которые пытались носить в горы продукты, а бывало, и патроны.

В нашем батальоне четыре роты: наша минометная, пулеметная с «максимами» и две стрелковых. В минометной роте два взвода: первый — из трех расчетов 82 мм минометов и наш второй — из четырех расчетов 50 мм минометов. Командир роты, младший лейтенант Хабибулин, летчик, который до сих пор носит пилотку с голубым кантом, но после того, как был сбит и ранен, от полетов его отстранили и перевели в пехоту. В минометном деле разбирается хорошо. Командир первого взвода, лейтенант, только что выпущенный из артиллерийского училища с сокращенным сроком обучения, в минометах ничего не смыслит и учится по сути дела вместе с нами. Но взвод свой держит в страхе боем, строго по уставу: «Смирно!», «Прекратить разговоры!» и «Объявляю перерыв. Стоять вольно, можно курить, из строя не выходить». Если учесть, что мы за-

нимаемся по 12 часов в сутки, то такое обращение — чистое издевательство.

Наш взводный младший лейтенант Сагателов, молодой армянин, человек совсем другого склада. Он зря не дергает и не изводит нас, и, самое главное, если учеба, например, сегодня прошла успешно (а это почти каждый день) он позволяет нам попасть в окружающем лесу. Дело в том, что мы все постоянно и непрерывно голодные, а в окружающих дагестанских лесах в это время полным-полно фецких орехов. По приказу взводного командира мы выставляем пару часовых, чтобы не нафянул кто-нибудь из начальства и где-то полчаса собираем орехи и набиваем ими вещмешки. За этим занятием никто нас ни разу не изловил.

А потом вечером после занятий мы с Виктором Чековым, вторым моим заядлым приятелем по школе в станице Ярославской, зовем Каретникова (он в первом взводе) и втроем колотим орехи бульжниками на берегу речки, частенько в полной темноте попадая себе по пальцам. А всему первому взводу такое удовольствие абсолютно не доступно. С тех пор прошло 60 лет, а я до сих пор испытываю великую благодарность нашему взводному командиру, не зная, жив ли он еще. Он был потом тяжело ранен, и об этом я еще расскажу в свое время.

Кормили нас плохо. Очень плохо. Конечно, как всякие живые люди, мы испытывали разные чувства: и веселье и грусть, и радость и уныние, но одно чувство не покидало нас ни на одну минуту, ни днем, ни ночью — это чувство голода. Уже не помню, какая была в то время тыловая норма хлеба для военнослужащих, но эти куски хлеба казались нам такими маленькими, такими ничтожными. А приварок был только в виде почти чистой воды, в которой плавало пять-шесть макаронин, которые было очень трудно поделить поровну, потому что нам наливали один котелок на троих. И сами котелки, эти большие круглые неуклюжие котелки времен первой мировой войны, были выданы по недостатку их, тоже только по одному на трех курсантов. Мне, например, котелка не досталось. Единственное достоинство такой кормежки заключалось в том, что котелки можно было не мыть после еды, они и так были чистыми.

Спали мы под открытым небом, выбирая себе кусты по вкусу и закутавшись в шинели. Сентябрь в Дагестане — месяц еще не холодный, дождички перепали совсем небольшие, и это было не очень

страшно: спасала шинель. Тут я должен сказать великое спасибо нашей серой, русской солдатской шинели, спасавшей нас и от холода, и от дождя.

Порядки же армейские соблюдались строго. В 6 часов подъем, и нужно, раздевшись, голым до пояса, бежать к речке умываться холодной (очень холодной) водой, а потом делать зарядку, дрожа от холода, и только потом разрешалось одеться и идти завтракать в столовую (так именовался небольшой навес на тоненьких столбиках, крытый какой-то корой). А потом — занятия. На занятиях надевать шинели не позволялось, и мы все время с тоской оглядывались на высокую гору за речкой с восточной стороны нашего лагеря, откуда с таким запозданием выплзало, наконец, не очень горячее осеннее солнце. Сразу становилось теплее.

На территории нашего батальона был еще один навес, большой, но недостроенный: был бетонный пол, были столбы, но не было крыши. Какие-то умельцы из наших курсантов соорудили крышу из камыша, и нас, наконец-то, разместили в должном порядке, по ротам и взводам. На бетонный пол были положены сплетенные из тонких прутьев лежаки, чтобы не лежать на голом бетоне, и жизнь стала чуточку упорядоченной. Спали мы, по-прежнему, завернувшись в шинель, положив под голову противогаз и крепко обняв свою неразлучную трехлинейку образца 1891/30 года. И так же по утрам быстро сбрасывали шинели, гимнастерки и нательные рубахи, бежали на умывание и зарядку, хотя становилось все холоднее и холоднее.

Вскоре привезли другую обувь, красные американские ботинки, всем босым и нам двоим обутым заменили английские, и шаг роты при марше стал ровным и четким. Теперь рота стала даже песни петь. Когда половина роты была босой, команды «Запевай» что-то не было слышно.

Занимались мы много и изучали мы многое. Стрелковое оружие: мосинскую винтовку, СВТ, ППД, ППШ, пистолет ТТ, а также противотанковое ружье, все виды ручных фанат и бутылки с зажигательной смесью, сначала с большими спичками, привязанными к бутылке, а потом с самовоспламеняющейся жидкостью КС. Почти из всех видов оружия проводились стрельбы, и тут я здорово отличался. Я еще школьником очень хорошо стрелял, постоянно был чемпионом школы (из малокалиберки) и уже в седьмом классе имел взрослый значок Ворошиловский стрелок II

ступени. С фанатами у меня было куда хуже, ведь было мне всего 17, да и силушкой я никогда не отличался.

Больше всего времени у нас, конечно, затрачивалось на минометы. Мы изучали оба миномета, и время от времени менялись: отдаем свои 50 мм в первый взвод, а получаем от них 82 мм. Я — наводчик, первый номер. Если у нас 50 мм миномет, я таскаю весь миномет (он не разбирается) и в отдельной коробочке прицел к нему, а если 82 мм, то ствол, длинную такую трубу, и опять же прицел. Плюс к этому — винтовку, противогаз, лопатку, патроны и фанаты. Вес большой, и мне, по моему малолетству и невеликой грузоподъемности, пригодится туго. Правда, по уставу не разрешается переносить минометы на спине более 5 километров, но кто этот устав выполняет. А из транспорта в нашем батальоне в качестве единственной единицы — это знаменитая потрепанная полуторка.

Так что за все отвечают наши спины.

В нашей роте 66 человек, а по национальному составу в ней три примерно равные части: армяне, азербайджанцы и мы, кубанские мальчишки 1924 и 1925 года рождения. Вообще-то нас, которые 1925 года, вроде бы в армию еще брать нельзя, но нас об этом никто и не спрашивал, а уже на фронте мы с удивлением узнали, что мы, оказывается, добровольцы.

Армяне и азербайджанцы все без исключения с высшим образованием, главным образом учителя, а наш помкомвзвода Хайдаров — директор школы. Видимо, мобилизацией в Закавказье подчищали уже всех. Из русских, кроме нас, мальчишек, есть еще человека три взрослых, в том числе командир нашего расчета Дикин, тоже учитель. Есть еще один русский, не знаю, как попавший в нашу роту, парень не очень образованный, но из кадровых частей 1941 года, прошел, что называется, сквозь огонь, воду и медные трубы. Кое-что про фронт рассказывает, мы слушаем, развесив уши.

Никакой национальной напряженности в роте нет. Есть некая, если можно так выразиться, возрастная напряженность. И понятно, почему. Сорокалетние преподаватели смотрят на нас, вчерашних девяти- и десятиклассников, как на учеников, а нам это обидно, мы, дескать, такие же курсанты, как и вы. Добавляет обиды и еще одно обстоятельство: мы учимся с большим старанием и, естественно, знаем все: и уставы, и материальную часть, и тактику лучше взрослых,

а в то же время, если где-то нужно назначить старшего, то обязательно назначают старшего по возрасту, а не лучшего по учебе. Наверно, это было правильно, но нас это обижало.

Впрочем, никаких особых конфликтов в роте не было.

Получив замечательные американские ботинки, я сразу же решил избавиться от лишнего веса в своем вещмешке, от своих сапог, ведь солдату в походе и лишняя иголка тяжела. Да и немножко подкрепиться тоже бы не помешало. Дело это было непростое, но Витька Чеков, бывший еще в станице известным прохиндеем по части налетов на чужие сады, взялся за это дело. Операцию описывать не буду, она закончилась успешно и принесла нам две фляжки верблюжьего масла, десять больших кукурузных лепешек и противогазную сумку вареных каштанов. И мы втроем праздновали (тайком, конечно) целых три дня, добавляя к скудному государственному пайку всего понемногу.

В нашу роту прибыл помкомроты. Лейтенант, длинноногий, по выговору белорус, по выражениям — не шибко грамотный, по делам — знающий и опытный минометчик. Взялся он нас гонять по горам и долинам с секундомером в руках, только и слышим: «Взвод, ориентир — левое дерево на правом склоне левой горы. Минометы к бою!» А потом самолично проверяет уровни, прицелы, дальность на каждом миномете. После этого: «Минометы на выюки!» — и все сначала. Все это мы и так неплохо умели, но он нас так выдрессировал, что у нас все уже получалось автоматически. Но грамотешки у него не хватало. Как-то раз, объясняя нам правила построения параллельного веера, он так запутался в углах, что я, круглый отличник и лучший математик средней школы № 1 станицы Ярославской, не смог стерпеть такого измывательства над тригонометрией, и уже открыл рот и начал подыматься с места, но Чеков резко дернул меня за рукав и посадил на бревно. А рот закрылся сам.

Политзанятия проводил у нас, естественно, политрук. По должности политрук роты, по званию — младший политрук (два кубика на петлицах), по знаниям — почти ничего не знающий, по уму — тупой, по партийному стажу — старый коммунист. Он был обыкновенным, не очень квалифицированным ростовским рабочим, но по причине большого партийного стажа его и сделали политработником. Он на занятиях сплошь и рядом городил сплошную чушь собачью, путая

страны, города, разных политических деятелей и вообще всяческие политические понятия. Взрослые курсанты все это видят и понимают, но помалкивает, а мы, мальчишки, обязательно высказываем, стараемся поправить его. Уж очень хочется ум свой показать.

В конце концов, он в нашей роте стал проводить свои занятия по такой методе: «Сейчас мы проведем занятия по такой-то теме. Курсант Каретников (или Кравцов), расскажи, что ты знаешь об этом. А мы стараемся. Мы его немного опасались, человек он был мстительный, но в отличниках боевой и политической подготовки мы числились постоянно.

К середине октября мы провели учебные стрельбы из обоих типов минометов. Наш расчет получил две отличных оценки, таких расчетов было всего два из семи. Нам объявили благодарность.

Собственно, учеба наша уже была закончена. Мы все с нетерпением ожидали присвоения званий и распределения по стрелковым полкам дивизии. Уж очень надоело таскать минометы.

И вот мы идем пешком к станции Дагестанские Огни, где нас грузят в эшелон.

Едем! Куда?

2. ПЕРВЫЙ ОСКОЛОК

Нас выгрузили ночью на станции Шамхал недалеко от Махачкалы в сторону Грозного и повели прямо в горы. И вот мы теперь здесь. Кругом голые скалы, ни кустика, ни деревца, только кое-где проглядывается жухлая сухая осенняя трава. И никакого укрытия от пронизывающего ветра второй половины октября. И каждый начал устраиваться по своему усмотрению.

У меня отличная нора, любой барсук позавидует. Я нашел небольшое углубление под высокой, почти вертикальной скалой, углубил и расширил его своей пехотной лопаточкой, прикрыл сверху камышом, — и жилище, теплое и уютное, готово. Сплю я как убитый, выставив наружу штык своей винтовки для того, видимо, чтобы устроить вероятных немецких десантников, да и целиком винтовка в моей норе не помещается.

Занятия наши продолжают. Так же в 6.60 «Минометная рота, подъем!». Только тепгр зарядку мы не делаем и не умываемся. В первых, холодно, а во-вторых — все равно воды нет. То есть, вода есть, но только для питья, в небольшом бачке. Если еще бы и для питья воды не было, тогда совсем дело пропащее. Утром нам привозят хлеб, селедку и сахар, то есть

все то, что требует воды. Помкомвзвода Хайдаров делит все это на порции, раскладывает на огромном камне, а потом производится наше знаменитое советское «Кому!» Если кто из молодых читателей не знает, что это такое, объясняю. Это — лотерея. Несколько буханок хлеба и несколько рыбин разделить на идеально равноценные порции невозможно, обязательно, будут недовольные. А лотерея — дело святое. Один из участников этого «действия» отворачивается, Хайдаров показывает пальцем на какую-нибудь порцию и громко вопрошает: «Кому?» Тот отвечает «Иванову» и т. д. Если кому-то попадает порция, которой он недоволен, то это не чьи-то козни, а судьба. Впрочем, Хайдаров в этом деле честен и старателен, к нему никаких претензий.

«Тяжело в ученье — легко в бою». Не знаю, было ли известно это изречение великого Суворова нашим командирам, но первую его половину они выполняли усердно, даже, считаю, с перевыполнением.

Зачем нас так гоняют до полного изнеможения, до потери остающихся жалких сил, понять невозможно. Ведь мы уже все знаем, все умеем. Продолжительность занятий, по-прежнему, 12 часов, но теперь они только тактические, то есть ходьба и беготня по горам. Уставы все давно изучены, переизучены, политзанятия, в которых можно было хоть немного отдохнуть, стали редкостью. Снова сказывается некоторая разница между взводами, наш Сагатовлов хоть изредка, заведя взвод куда-нибудь подальше, дает нам полчасика передохнуть. В первом взводе такого нет.

Иногда нам в этом деле помогают немцы. Когда немецкие Юнкерсы-88 идут на Махачкалу, команда «Воздух» дает нам возможность сколько-то полежать. Возможности замаскироваться у нас никакой нет, но немцы нас так ни разу не бомбили и не обстреливали. Внизу, возле Шамхала, был устроен ложный аэродром, хорошо нам видный, но немцы и на него ни разу не польстились.

У нас выявились вши. И как-то у всех сразу. Может, и правы были те средневековые ученые, которые, до Пастера, считали, что вши заводятся от грязи, а мы ведь уже почти два месяца не купались. Выручила нас случайность. Кто-то обнаружил недалеко, километрах в трех, горячий серный источник, и тут же выяснилось, что он прямо-таки губительно действует на этих паразитов. Нас стали группами человек по 15-20 водить туда, так сказать, на обработку. Дошла

и наша очередь. Разделись мы до гола, вода горячая, а там, где она вытекает из-под скалы, даже вытерпеть невозможно. Провели эксперимент. Действительно, сунешь кальсоны в самое горячее место, она, вошка, сразу скрутится в дугу, и готово, откинула попытку. Обработка таким образом брюки, гимнастерки и нижнее белье и расстелив все это на камнях под холодным осенним солнцем, сидим в горячей воде, ждем, когда все высохнет. Сменного белья у нас нет, не выдали, полотенец тоже нет, не выдали.

Права пословица, что нет худа без добра. У меня лет с пятнадцати стали побаливать коленные суставы, что-то вроде ревматизма. А после двух процедур по уничтожению вшей, когда мне пришлось часа по два сидеть в этой вонючей яме, все вроде бы и прошло. По этой ли причине, или какой другой, только до сих пор никаких неприятностей с коленками у меня нет.

Пока все по Маяковскому: «Дни летят, недели тают». Дни становятся все холодней, беготня с минометами все мучительней, кормежка все хуже. Только и разговоров у нас, когда же нас раздадут по полкам. Командиры наши в этом нас поддерживают: вот-вот, скоро, скоро.

Два раза у нас брали от батальона по два представителя на расстрел дезертиров: первый раз — двух, второй — одного. Все трое — азербайджанцы. На политзанятиях они рассказывали нам, как это делается.

В нашем батальоне случаев дезертирства не было. Пока.

И вот нас снова грузят в эшелон в том же Шамхале. Но теперь мы едем совсем в других условиях. Перед погрузкой нас предупреждают: едем мы в товарных вагонах, двери которых будут постоянно закрыты и закручены снаружи толстой проволокой; при остановках на станциях не разрешается смотреть в окна, в противном случае охрана из станционных комендатур имеет приказ стрелять по окнам без предупреждения; на станциях запрещается отправлять естественные надобности через отверстия в полу вагона, нарушители будут всем вагоном направляться в штрафные батальоны. Смотреть в окна и отправлять эти самые надобности разрешается только на ходу за пределами станций. Там же эшелон будет останавливаться на несколько минут для задачи питания. Все эти невероятности нам объясняют наличием на всех станциях немецких агентов и стремлением такими строгостями уберечь нас от бомбежек. Пусть

так, но остается один вопрос: а если все-таки немцы будут бомбить наш эшелон, то кто будет под бомбами раскручивать эту самую проволоку, или так и гореть нам в вагонах заживо, обманывая тем самым немецких агентов?

Все это мы, конечно, горячо обсуждаем, быть заживо изжаренным никому не хочется, но больше нас занимает сейчас другой вопрос: куда нас везут? Мы уже видим по названиям станций (приспособили зеркальце), что везут нас на запад, но куда именно? По сводкам Советского Информбюро бои идут в районе Моздока, значит, все станет ясно в Гудермесе: направо — значит под Моздок, то есть на фронт; налево — значит на Грозный, и будем продолжать обучение и ожидать присвоения званий.

Нам, мальчишкам, больше хочется на фронт, там вроде бы кормят лучше, хлеба то ли по 800 г дают, то ли еще больше. Взрослые помалкивают, но ясно, что наших желаний они не разделяют.

Вот и Гудермес. Едем на Грозный, значит, не на фронт. Мы ведь не знаем, что немцы начали наступление, уже захватили Нальчик, загнали остатки 37-й армии, лишившейся всего транспорта и тяжелой техники и оставшейся только со стрелковым оружием, в горы и рвутся танковыми колоннами на Орджоникидзе (теперь Владикавказ), откуда начинается Военно-Грузинская дорога, то есть путь в Закавказье, на Тбилиси.

А мы себе спокойненько едем. Проезжаем Грозный, и вот наш эшелон подходит к Беслану. Здесь нас было начали выгружать, но быстро прекратили выгрузку и повезли на Орджоникидзе, теперь уже, правда, не заматывая проволокой. Тут, видимо, немецких агентов не было. На станции Орджоникидзе нас уже окончательно выгрузили, и эшелон ушел.

Город имел грозный вид. Повсюду воинские отряды, кругом баррикады, противотанковые ежи, в нижних и полуподвальных этажах каменных зданий пробиты амбразуры, откуда торчат стволы пулеметов. Настоящая крепость.

Нас это удивляет, ведь по сводкам информбюро фронт еще далеко отсюда.

Долго нам рассматривать город не пришлось. Часа через два пришел другой эшелон, нас погрузили в него, и едем назад, в Беслан, где уже окончательно выгрузились и двинулись пешим маршем на запад, дошли до аула Фарн, где и разместились в школе. Хорошо, тепло и сухо.

С утра нас подняли на обычные

Советские минометчики на боевой позиции

занятия, но заниматься нам, к нашему удовольствию, практически не пришлось целый день. На Орджоникидзе через каждые 20-30 минут идут прямо над нами мелкими группами по 4 самолета ромбиком немецкие Ю-88, мы только и слышим «Воздух» да «Воздух». Так что мы почти все время лежим под заборами. К тому же здесь на огородах полно капустных кочерыжек, оставшихся после срезки кочанов, и оказалось, что в них есть еще немало съедобного. Чем мы и пользуемся.

Это все продолжается и следующий день, а ночью мы выступили в поход. Куда-то идем в кромешной тьме, ничего не видим, только часа через полтора-два замечаем темные силуэты зданий. Заходим в какой-то населенный пункт и размещаемся в огородах. Никаких особых команд не получаем, кучкуемся группами для спасения от холода и благополучно спим. Все до одного. Но недолго. Громкие команды: «Подъем!», «Минометы на выюки!», «Шагом марш!», и мы двигаемся. Но уже не шагом. Беспорывно: «Шире шаг!», «Подтянись!», «Не отставать!», двигаемся почти бегом, уже без дорог, по кукурузным полям, перебегаем какие-то ручейки и речки, и все время: «Быстрее! Быстрее!».

Где-то впереди, на темном горизонте, появляются огненные мотыльки, летящие вверх: один, два ... много. И вдруг совсем недалеко от нас, сзади появляется целое море огня. «Катюша, катюша, катюша!» Не знаем, действительно ли это «Катюша», но подстегнула она

нас, почти падающих от усталости, здорово.

К рассвету входим в большой населенный пункт. Станица Архонская. Буквально набита войсками, кругом пехота, артиллерийские орудия, английские танки, небольшие и какие-то кургузые. Мы снова располагаемся в огороде, опять с капустными кочерыжками. По этой части вам везет.

Над станицей появляется Фокке-Вульф-190, знаменитая немецкая «рама». Но не бомбит, не обстреливает, а сбрасывает листовки. Весь воздух заполнен бесчисленными белыми листочками. Многие стреляют по «раме» из винтовок, стреляю и я. Но не потому, что надеюсь сбить его, проклятого, а совсем по другой причине. Дело в том, что когда нам выдавали еще в Маджалисе винтовочные патроны, то предупреждали, что за каждый потерянный патрон потерявший получит до 5 лет тюрьмы. Патронных подсумков у нас не было, от долгого таскания патронов в карманах они стали совсем дырявыми, и я, недавно подсчитав свои патроны, обнаружил, что 5 патронов у меня недостает. Так что — пятью пять двадцать пять. А теперь я веду огонь, следовательно, боезапас у меня уменьшается по боевой необходимости.

Появляется политрук (теперь уже не политрук, а лейтенант; недавно в Красной Армии ликвидированы политические воинские звания, и теперь бывшие политруки стали лейтенантами) и отдает приказ отбирать листовки у местного населения. Начинается веселая су-

матаха: местные жители бегают, ловят или собирают листовки и читают их, мы бегаем и отбираем листовки у них и тоже читаем, политрук-лейтенант бегает и отбирает листовки у нас. Многие из наших листовки прячут — махорку нам выдают, а бумагу нет. Я — человек некурящий, и мне бумага не нужна, но листовки, а их две, я все-таки прочитал.

На одной из них такое обращение: «Бойцы и командиры 37-й армии. Мы загнали вас в горы, у вас нет продовольствия. Мы уничтожим вас... и т.д.». Одним словом, сдавайтесь. На второй показано, с какой радостью население Кубани встретило немцев, фотография: немецкий офицер окружен веселыми и радостными кубанскими девушками, они щелкают семечки, на губах налипла шелуха.

Я не стал прятать листовки, как это сделали некоторые для курева. При обнаружении у кого-либо такой листовки (а она одновременно служила пропуском при сдаче в плен) он неминуемо попадал под трибунал, а на передовой могли шлепнуть и без всякого трибунала.

Мы сидим по краям какого-то странного сооружения. Это глубокая, выше человеческого роста прямоугольная яма, ограниченная толстыми стенами из дикого камня. Похоже на недостроенный погреб, но нет ступеней и непонятно, как туда спускаться.

Слышим крики: «Ребята, ребята! Катюша, катюша!» Подбегаем к плетню, действительно «Катюша», на американском Студебеккере, рельсы — направляющие, подвешенные ракеты, все как надо. И вдруг... как загремело, загрохотало, засверкало огнем, покрылось дымом. А потом развернулась на дороге, взревела двигателем и исчезла.

Мы стоим — оглушенные, ослепленные, задыхающиеся. Но почти сразу — свист, разрыв, свист, разрыв, и пошло, поехало. Немцы засекли «Катюшу» и по месту, откуда она дала свой залп, обрушили массивный артиллерийский огонь. Мы все посыпались горохом в свою каменную яму, сидим плотной толпой, снаряды рвутся часто и густо. Свист снарядов, грохот разрывов, чьи-то крики. В нашу каменную яму (хорошо, если не общую могилу) залетают комья земли и даже осколки, уже обесиленные. Я один из осколков, еще горячий, кладу себе в карман. Какникак, а первый осколок на войне.

Все стихло. Выбираемся из нашей спасительницы-ямы с большим трудом, ступеней-то нет. Да, картина! Дымящиеся воронки, повален-

ные деревья, разбитые заборы, вместо дома нашего хозяина (то есть, хозяина огорода, где мы, как это лучше сказать, базировались или дислоцировались) гряда дымящихся кирпичей. Не знаю, был ли кто в доме.

Мы, минометчики, вроде все целые. Но стрелкам досталось. Прямо на плетне нашего огорода, под которым лежало много курсантов-стрелков, разорвалось два снаряда. Есть и убитые, и раненые, и просто разорванные на куски. Мы было намереваемся бежать туда, как-то помогать, но появившийся Сагателов запрещает нам это. Команда — быть всем вместе, никуда не отлучаться, можем получить какой-то приказ.

Смотрим, как стрелки носят убитых и раненых, которые были под тем самым плетнем. Интересно, что эти самые плетни обладают какой-то странной притягательной силой. Вроде всем ясно, что плетень не защищает ни от пуль, ни от осколков, но как только начинается или бомбежка, или артиллерийский обстрел, или обыкновенная пулеметно-автоматная свинцовая метель, так тебя прямо неудержимо тянет под ближайший плетень.

Сидим с Витькой Чековым опять же под плетнем и шушукаемся. Вот такая картина. Значит, мы на фронте. Значат, и в эту прошедшую ночь нас привели в том ауле на фронт, на передовую. И никто об этом не знал: ни мы, курсанты, ни наши средние командиры. Если кто не знает, сообщая, что слова «средние командиры» я употребляю не в каком-то ироническом смысле, а это был официальный армейский термин. В то время в Красной Армии не было офицеров, а были командиры, которые делились по числам на несколько групп: от младшего лейтенанта до старшего лейтенанта именовались средним составом, от капитана до полковника — старшим составом и так далее. Так и в приказах писалось: средним командирам делать то-то и то-то. И команды такие были: «Внимание, средним командирам собраться под таким-то деревом!».

Можно как-то понять, что ничего не знали мы, рядовые курсанты. Но почему о нашем прибытии на передовую не знали командиры? А что они действительно не знали, это бесспорно. Иначе наш батальон принял бы какой-нибудь боевой порядок, пригодный для обороны, было бы известно, с какой стороны ожидать противника, были бы выставлены посты, выдвинуто боевое охранение. А ничего этого не было. Мы все, если по Рылееву, «беспечно спали средь

дубравы» в этом самом ауле Нарт (теперь мы знаем, как он называется), а в это время немецкие мотоциклисты заходят в этот же аул с другого конца.

Еще, слава Богу, что эти мотоциклисты были вовремя обнаружены, и мы тоже вовремя рванули из Нарта. Хотя вопрос, нужно ли было нам бежать оттуда, остается вопросом. Много лет спустя я прочел в одной книге об обороне Кавказа такую фразу: «Немцы рвались к Орджоникидзе танковыми колоннами, отбрасывая прибывавшие полки 319 стрелковой дивизии».

Насчет отбрасывания все верно. И насчет полков тоже. Вслед за нами из Нарта так же бежал один из стрелковых полков дивизии, и именно по «хвосту» этого полка ударила ночью наша реактивная артиллерия. Но никаких танковых колонн на нашем участке не было. Так надо ли было бежать?

У нас с Витькой мнения по этим вопросам высшей стратегии разделились. Я считал, что все эти безобразия вызвана издержками всей нашей идиотской сверхсекретности и припомнил, как мы ехали в вагонах с дверями, заматанными проволокой. Витька утверждал, что все это — обыкновенная русская расхлябанность и безответственность: кто-то кому-то не сообщил, кто-то чего-то забыл, кто-то не послал разведку или послал не туда и т.д.

Все это вслух не скажешь. Нам уже два раза читали приказ Сталина № 227, тот самый, который «Ни шагу назад!». Вернее, один раз читали перед строем, а второй — наш замполит проводил занятия по его изучению, на которых втолковывал нам, что теперь любой командир имеет право застрелить любого труса и паникера, а любой старший командир имеет такое же право по отношению к младшему. Причем, паникер — это не только тот, который в страхе бежит и кричит: «Спасайся, кто может!», но и тот, кто ведет разговоры, которые способствуют созданию панических настроений, то есть, если попростому, те, которые говорят, что у нас в армии что-то плохо, а у немцев много танков. Так что, с этой точки зрения мы с Витькой — явные паникеры.

Поэтому, шу-шу-шу, шу-шу-шу.

Я достал из кармана уже оставший осколок и посмотрел на него. Вот такая мелкая железная пакость, а сколько бед она может принести: и искалечить человека, и жизнь у него отнять, и принести невыносимое горе многим далеким людям.

3. ВПЕРЕД? НА ЗАПАД?

Чуть стемнело, и мы снова двинулись в поход. Куда? Да в тот же злосчастный Нарт. Оказывается, немцы не заняли этот аул, а те мотоциклисты были скорее всего или разведкой, или же небольшим передовым отрядом, который не считал необходимым удерживать Нарт за собой.

Входим в Нарт, рассредоточиваемся в огородах. Теперь мы соображаем: это там, где в темноте изредка взлетают осветительные ракеты, и засел жестокий враг. Но это не близко, с километр-полтора.

Забегали, засуетились командиры — мы идем в наступление. Задача — выбить немцев с их позиций и продолжать движение к Ардону. Нам выдают фанаты: кому РГД, а кому и противотанковые, тяжелые и неуклюжие. Наводчикам противотанковых не дают, я засоваваю РГД в карман шинели.

В нашем расчете восемь человек: командир Дикин, я — первый номер, наводчик; второй номер — Григорян, вдвое старше, на голову выше и в десять раз сильнее; третий номер — Мишка (мы все, курсанты, называем друг друга по фамилии, но его почему-то вся рота зовет Мишкой, хотя он совсем не мальчик, а лет под сорок); четвертый номер — Аванесов, такой невысокий и весь какой-то круглый. Остальных троих я не запомнил, они очень быстро выбыли из строя: один был убит на наших глазах, один не вернулся из очередной ночной атаки, а третий был тяжело ранен в правое бедро крупным осколком, и мы дотащили его до медпункта.

Нам приказ идти метрах в двадцати-тридцати за стрелковой цепью и быть готовыми к открытию огня. Идти — понятно, открытие огня — непонятно. Что я могу разглядеть на скалах и уровнях прицела в крошечной тьме? Фонариков никаких у нас нет, спичек тоже. У курящих имеются карманные «катушки» — кресала с нужными причиндалами, но для меня, наводчика, это не тот инструмент.

Начинаем движение. Перебираемся через плетни и заборы, переходим вброд какую-то речушку и идем по кукурузному полю. Здесь множество кукурузных полей, все они не убраны, тяжелые кукурузные початки свешиваются со стеблей, иногда больно бьют по ногам.

Конечно, у немцев было какое-то передовое охранение, осветительные ракеты замелькали все чаще и чаще. И вдруг в их белую завесу втесалось несколько цветных. Мы не сразу поняли значение

этой церемонии, но это неведение продолжалось не более минуты. На нас обрушился шквальный пулеметный огонь. Наверно, ни у одной снежной пурги не было столько снежинок, сколько цветных огоньков мчалось нам навстречу.

Что тут началось. Крики, стоны, беготня, кто бежит вправо, кто влево, кто назад, но никто вперед. Я сразу обнаружил, что возле меня уже нет никого из моего расчета, и бросился туда, направо, где вроде было понижение, и куда направлялось большинство бежавших, желая укрыться от бесчисленных смертельных огоньков. Добрался, сбросил миномет на землю, чтобы отдышаться. Что делать дальше, не знаю. Помоги немцы. Точно так же, как внезапно и массивно они обрушили на нас пулеметный огонь, теперь то же самое они сделали с минометами. Сразу, без пристрелки, и часто-густо. Вой мин, хлопанье разрывов, свист и щелканье разлетающихся осколков — под эту музыку мы все бросились только в одном направлении — назад, к своим огородам. Конечно, не все, а только живые.

Я перебрался через речку, вот и плетни, а за ними уже собравшиеся в кучки курсанты, слышны крики командиров, собирающих свои взводы. Если бы кому-нибудь из высокого начальства пришла в голову мысль применить на практике указание приказа № 227, наш батальон безоговорочно пригоден был для этого и весь без единого исключения подлежал к расстрелу, как трусы и паникеры. Начальства близко не было.

Слышу крики: «Минометчики!» Перебираюсь через три-четыре плетня, и вот они, наши. Собираемся по расчетам, наш расчет потерь не имеет, материальная часть вся цела.

Повторяться не буду. Часа через полтора мы снова пошли в наступление точно таким же образом и точно с таким же результатом, если не считать, конечно, тех, кто навек остался на том кукурузном поле.

Думаю, что командование наше намеревалось направить нас и в третью атаку, но это было невозможно по той простой причине, что после второй нас уже не удалось собрать и как-то организовать.

Вторая и третья ночи прошли точно так же, только во вторую ночь не вернулся из боя один курсант из нашего расчета, а под утро, после шестой за трое суток атаки, нам было приказано закрепиться на чистом поле за рекой.

Закрепиться, легко сказать! Под огнем, правда, не очень сильным, уже перед самым рассветом,

неумело окапываемся своими несчастными лопаточками, стараясь только в одном — как можно глубже зарыться в землю, благо земля на пахоте мягкая. О минометах все забыли.

Место, где нам приказано «закрепиться», нельзя назвать удачным. Ровное, голое, вся наша позиция для немцев, как на ладони. И нет воды. Почему я так серьезно говорю о воде? Нам было сказано, что наши дивизионные продовольственные склады были разбиты немецкой авиацией, и все трое суток, что мы были на «закрепленной» позиции, нас кормили только сухарями и селедкой. К счастью (моему) у меня обнаружилось очень полезное для стойкого бойца Рабоче-крестьянской Красной Армии качество — я оказался совершенно нечувствительным к недостатку воды, даже после сухаря с селедкой. А большинство мучились страшно. Но до воды, до речки — четыреста метров, и днем туда мог отправиться только самоубийца. А у немцев уже и снайперы объявились, и были жертвы. Запасались водой ночью, хотя и это было небезопасно. Но сколько можно было взять воды в наши стеклянные фляжки, к тому времени у некоторых уже разбившихся. Набирали и в котелки, но их мало.

Я спросил у Сагателова, зачем мы бегали вместе со стрелками в атаки, если мы все равно не делали ни одного выстрела, да и не могли этого сделать, хотя к последним атакам мы уже держались более или менее вместе своим расчетом, по крайней мере, Дикин, Григорян и я. Он ответил — для отражения возможной немецкой контратаки. Вот так. Если контратака была бы только пехотой, то мы бы отбивались минометным огнем, а если с танками, то противотанковыми гранатами. И бутылками. Нам выдали бутылки с КС, жидкостью, которая загоралась сама при контакте с воздухом. У нас один курсант чуть не сгорел, когда бутылка разбилась у него в кармане шинели. На нас ведь навешано много всякого разного, и шинель быстро не снимешь. Так что обгорел он здорово, его отправили в тыл.

Применение бутылкам мы нашли быстро. Утолять голод помогала кукуруза, которой везде поливаешь из бутылки в уголке окопчика на землю и поджариваешь кукурузу. Правда, потом эта жарено-горелая кукуруза выходила почти невредимой этим самым естественным путем, хоть промой и ешь ее еще раз. Я не пробовал.

Я уже стал мародером. У меня не было котелка, а что это за солдат на передовой, если он без котелка. Я уже видел убитых с котелками, привязанными к вещмешку за спиной, но у меня долго не хватало храбрости, да и отвязывать котелок в темноте, под огнем, конечно, не дело. Потом я положил в карман осколок оконного стекла и в последнюю нашу «атаковую» ночь срезал все-таки себе котелок у одного погибшего. Надеюсь, он меня простил.

Наконец кто-то из начальства сообразил всю глупость нашего пребывания на «закрепленной» позиции, и мы перебрались непосредственно в Нарт, на крайние огороды, которые выходят своими тылами в сторону немцев. И опять, конечно, закрепиться.

Здесь к нам присоединился один из наших курсантов, по имени Николай. Он пришел, а точнее, приполз, так как был крайне слаб и уже еле-еле ходил. У него была явная дизентерия, он уже фактически ничего не ел, а только исходил кровавым поносом. Он уже несколько раз вот так следовал за нами, а мы ему устраивали небольшой окопчик, где он и лежал. Но в тыл его не отправляли. У нас у всех было такое безалаберное питание, часто единственной пищей служила горелая полусырая кукуруза, и расстройство пищеварения было очень частым явлением. Но обычно, как началось, так и закончилось. И претензий у нас никаких не было. А с ним совсем другое. Но он так и ходил, и ползал за нами.

У нас произошли некоторые организационные перемены. Нас, два расчета под командованием Хайдарова придали стрелковой роте и указали место расположения с приказом оборудовать минометные позиции по всем правилам военной науки. Стрелки расположились прямо под плетнем, прорезав дыры для винтовок и пулеметов. Мы подальше, на вспаханном огороде. Чтобы сделать все по-человечески, нужно много копать, что сделать нашими лопаточками невозможно. Наши попытки разыскать лопаты и кирки в сараях брошенных жителями домов ничего не дали. С собой они их увезли, что ли?

Мы с Хайдаровым пошли в соседний двор, где жила еще не уехавшая большая осетинская семья, чтобы попросить какой-нибудь инструмент. Глава семьи, старый седобородый осетин, сразу заговорил со мной по-осетински, на что я, конечно, ни бум-бум. К слову, когда мы были в Нарте, со мной пытались заговорить по-осетински раз пять-шесть. Что ж, вне-

шность у меня была, в некотором роде, «кавказской национальности», хотя происхождение мое чистейшее хохлацко-великорусское, если, конечно, не заглядывать в глубь веков, где у нас, кубанцев, кого только не было.

Хозяин дал нам две лопаты и кирку, и дело у нас закипело. Конечно, мы не рыли окопы полного профиля, а только траншейки для спанья, но для минометов все сделали правильно. А вот как стрелять? С нашей позиции ничего не видно. Вроде бы так и должно быть, ведь минометы это оружие, предназначенное для стрельбы с закрытых позиций. Но, как говорил Шель-менко-денщик: «Оно, конечно, так, да немножечко и не так». Для того, чтобы вести огонь, нужен наблюдательный пункт (а у нас даже бинокля нет), при переносе огня и в других случаях отсчета углов нужна буссоль (а у нас ее нет), все данные нужно передавать на огневую позицию по телефону (а у нас его нет). Куда ни кинь, всюду клин.

Никаких приказных порядков у нас в полувзводе нет, мы принимаем решения «общим собранием трудового коллектива». Стали искать выходы. Из окопов стрелков возле плетня тоже ничего не видно. Если стать во весь рост, что-то видно, но недостаточно. Я забрался на чердак «нашего» дома, разбил две черепицы (тогда они еще были), вот отсюда все видно отлично. Если бы еще бинокль, я бы и немцев обнаружил. Но как отсюда руководить огнем? Далеко, как ни кричи, не слышно. Хорошо видно с верха копна сена, и она ближе к минометам, но охотников стоять на копне во весь рост и подавать команды не нашлось. Короче, как это ни покажется глупым, но первую свою стрельбу мы начали именно таким идиотским способом: Хайдаров смотрел с чердака, человека три-четыре лежали внизу и передавали команды по цепочке. Случалось, и перевирали, как при игре в «испорченный телефон». Много стрелять не приходилось, нам приказали беречь мины.

С семьей, которая давала нам лопаты, у нас сложились хорошие отношения, хотя к здесь контакты с населением не одобрялись. Но таких строгостей, как в Маджалисе, не было, да и проконтролировать это было просто невозможно. Семья была большая: дед с бабкой, две молодых женщины, не знаю, дочери или невестки, и пять-шесть детей. Особенно заружились мы после стычки, почти вооруженной, с гвардейцами.

Вместе с нами действовали две гвардейских стрелковых бригады,

номеров уже не помню. Гвардейцев мы недолюбливали, и это еще мягко сказано. Причиной этого, по моему, была обыкновенная зависть. Была середина ноября, уже изредка и снежок с неба срывался, а у нас из зимнего обмундирования ничего. А гвардейцы щеголяли в сапогах, ватных брюках, ватных телогрейках под шинелями и в шапках со звездочками. А мы в пилотках, и те без звездочек.

Мы впятером копались на «своем» дворе, отбирая жерди для блиндажа, который мы тогда уже начали строить. И вдруг слышим женские крики, даже не крики, а какие-то дикие вопли и визг. Так может кричать женщина, если ее режут тупым ножом на мелкие кусочки.

Бросаемся в соседний двор и видим такую картину. Дед молча стоит на крыльце, сцепив руки на груди, а обе молодницы, издавая те самые звуки, стараются вырвать большой мешок у двух гвардейцев. А в мешке что-то живое.

Тут у нас начался разговор на великом могучем русском. Чтобы его яснее представить, приведу один анекдот.

«Мать спрашивает сына-подростка, который поехал кататься на мотоцикле и привел его назад разбитым:

— Что тебе отец говорил целых полчаса?

— Ругательства пропустить?

— Конечно.

— Тогда ничего!»

Так что, если из нашего разговора с гвардейцами исключить ругательства, то и разговора вообще не было. Мы же четверо обошли их и стали сзади, направив на них винтовки. Автоматы у них были за спиной, но я не думаю, чтобы дело дошло до стрельбы.

Не дошло. Ясно, что человек, которому почти воткнули в задницу два штыка, становится миролюбивее. И они, бросив мешок, пошли из двора, продолжая громко тот разговор, которого не было.

Молодницы вытряхнули из мешка трех или четырех здоровенных индюков, а Хайдаров сказал деду, что мы находимся в соседнем огороде, и если еще кто-нибудь попытается их обидеть, чтоб сообщали нам. Больше их никто не беспокоил, а они каждую ночь готовили для нас кипяток, заваривая его сухой мятой, пучки которой висят под крышей каждого осетинского дома. Днем это делать было нельзя, немцы на каждый, самый пустяковый, дымок отвечали мощным артиллерийским налетом.

Судьба этой доброй семьи была трагической. Примерно через неделю немцы, как делали много раз

до этого, ночью дали залп из своей шестиствольной реактивной установки, и одна из ракет, пробив перекрытия, разорвалась в подвале, где спала вся семья. Стрелки, которые их вытаскивали, рассказали нам, что почти все дети погибли, тяжело раненного деда увезли, а о судьбе женщин мы ничего не узнали.

На следующее утро мы бродили по разрушенному подворью, где среди пыли и кусков глины были разбросаны злополучные индюки. Кто-то из нас проявил инициативу, и мы определяли, какие из индюков живы, простейшим способом: тронешь его штыком, если глазом хлопает, значит, жив. Таких набралось пять штук, и Хайдаров, собственноручно ощипав их, ночью устроил нам всем великолепный пир с вареной индюшатиной.

Рассказывая об этой осетинской семье, я несколько нарушил хронологию событий.

Мы пробыли в Нарте дней десять. Стрелковым оружием немцы нас не доставали, но артиллерийские и минометные обстрелы были частыми и ночью, и днем. Налеты были мощными, по 40-50 снарядов или мин. А всю ночь, кроме таких внезапных налетов, немцы вели редкий орудийный обстрел одиночными выстрелами, желая, видимо, не давать нам спать. Но мы быстро к этому привыкли и уже не реагировали на свист и разрыв одного снаряда. Интересно, как человеческая натура приспосабливается к таким чрезвычайным условиям существования, спишь в окопе, недалеко от тебя рвутся снаряды, а ты не просыпаешься, но чуть-чуть зашелестит трава под шагами приближающегося человека, и ты мгновенно вскочил и схватился за оружие.

Нас все время донимал холод. Одно время мы даже решили по очереди спать в «нашем» доме, который был еще цел и невредим. Мы натаскали сена, и стало в нем вполне сносно, особенно когда принесешь туда шесть-семь котелков с горячей кашей.

Затяя наша потерпела неудачу. В первую же ночь, сразу после полуночи начался артиллерийский обстрел, и ровнехонько вокруг нашего дома легли шесть ракет из этого самого шестиствольного. Весь дом содрогнулся, все стекла вылетели, черепицы не осталось ни единой. Мы выскочили из дома, бросились к своим окопам, но снаряды продолжали рваться, и не всем удалось до них добраться. Здесь мы потеряли еще одного курсанта из нашего расчета, он был убит, не добрав до спасительного (относительно, конечно) окопа.

Мы решили строить блиндаж. И построили, натаскавши толстых брусьев от разрушенной колхозной конюшни, кое-что подобрали из оставленных жителями дворов. Конечно, это был не такой блиндаж, который показывают в современных кинофильмах: высоких, выше человека на метр, просторных, хоть танцы устраивай. Наш блиндаж был высотой всего в один метр, влезали мы в него на четвереньках, а размещались в нем человек семь-восемь, если лежать тесно и поворачиваться с боку на бок по команде. Но в нем было тепло, слабые дожди не проходили через полуметровую засыпку, и от простой мины была защита. Мы спали в нем по очереди, по расчету. Один расчет в окопах, один в блиндаже.

Вот в этом блиндаже, оставшись наедине с Хайдаровым, я и затеял разговор о том, как мы воюем. Почему у нас нет ни того, ни другого, ни третьего, почему у Сагателова на поясе кобура, но в ней нет пистолета, кончик кобуры по причине пустоты загнулся, и мы хихикаем: дескать, у него специальный пистолет для стрельбы из-за угла. Почему мы ходим в эти бессмысленные атаки, уже потеряли столько людей, а немцам не причинили никакого вреда. У нас уже выбыли из строя и комбат, и наш ротный Хабибулин. В газетах, которые к нам изредка попадают, читаем постоянно: «Вперед, на Запад», где же тот «Вперед!» и где тот «Запад»? Нас же всех перебьют здесь, на Востоке.

Хайдаров начал мне говорить, что наш батальон — учебный и не предназначался для ведения боевых действий, поэтому, дескать, у нас и нет многого, и так далее. Все это, конечно, было неубедительно, да и в голосе его уверенности не было. Под конец он сказал мне, чтобы я не затевал подобных разговоров ни с кем.

Я не знал тогда, что Хайдаров был парторгом батальона, а то я и с ним не говорил бы об этом. Мы не знали тогда еще слова «стукач», оно вошло в русский язык уже после войны из ГУЛАГа. Тогда говорили «сексот». Так вот, Хайдаров не был ни стукачом, ни сексотом.

У меня появился первый военный трофей. Мы вдвоем отвели раненого на медпункт и возвращались на позиции. Идем по улице, они широкая и профилированная, то есть с цветами, но земляная, и по времени года грязная, а кюветы вообще — тяжелая, липкая грязь. Идем, навстречу нам старик-осетин на одноконной арбе. Мы почти поравнялись, когда немцы

открыли беглый минометный огонь, то ли заметив арбу и приняв ее за что-то военное, то ли просто выполняя очередной налет. Мы, перепрыгнув через заборчик, легли под стену кирпичного дома, а осетин резко повернул влево, и арба крепко засела в кювете. Лошадь прямо рвется, но вытащить арбу не может. А мины рвутся. Тогда осетин вскочил на лошадь, что-то там обрезал и галопом помчался от этого места. Разорвалось еще с десяток мин, все затихло, и мы подошли к арбе, а в ней семь-восемь мешков с каким-то зерном. Мой напарник говорит мне: «Ты посиди здесь, покарауль, а я смоюсь за старшиной». Он побежал, а я остался. Ворочаю от безделья мешки, и вдруг в самом низу в соломе нахожу кинжал, старинный осетинский кинжал, весь отделанный чеканным серебром, просто, чудо какое-то. Я, конечно, сразу нацепил его на пояс. Он мне немало помогал в нашей фронтовой жизни, а позже, я считаю, он вообще спас мне жизнь и позволил писать вот эти строки.

Подъехал старшина, мы перегрузили мешки, и каждый отправился по своим делам. Несколько слов о старшине. Когда мы прибыли на фронт, у нас в роте был нормальный старшина с четырьмя треугольниками. К тому времени у нас в батальоне не было никакого транспорта, нашу полторку забрали на формирование какой-то моторизованной части, хотя трудно представить, чтобы эта наша полудохлая машина могла хоть что-то моторизовать. Но факт есть факт.

Фронт только что установился, и по полям бродило немало брошенных лошадей и старшина быстро подобрал пару с подводой. Однако на третий ли четвертый день нашего пребывания в Нарте прямо во двор, где расположилось наше ротное хозяйство, попал крупный снаряд, повар был убит, старшина тяжело ранен. Старшиной назначили из курсантов того самого бывалого, о котором я уже писал. Он оказался старшиной необыкновенным. Он быстро подобрал новую пару коней и заново устроил кухню. И в любую погоду, в любой боевой обстановке, сам, иногда ползком, доставлял нам на передовую горячую пищу, чаще всего, кукурузную кашу. Один раз немецкий трофейный термос, с которым он полз к нам, пробило пулями, и он явился в окопы, весь облепленный дымящейся кашей. А когда нам начали выдавать «наркомовские» 100 грамм, не было случая, чтобы он не заявился к нам со своей жестяной баклагой, чаще всего ночью. Если учесть, что наша

минометная рота почти всегда была разбросана по нескольким местам, я считаю, что его служба была просто героической. И еще я скажу нечто, во что, пожалуй, никто не поверит. Нам начали выдавать шапки, небольшими партиями по 5-6 штук. Так вот, наш старшина-курсант взял себе шапку последним в роте.

День, в который я получил шапку, запомнился мне навеки несколько по другой причине: впервые буквально в нескольких шагах от меня убивали человека. Мы лениво окапывались в каком-то садочке в полукилometре от передовой, а метрах в десяти от нас стоял новый комбат, капитан, и еще несколько человек. Пришел старшина с шестью шапками, одна досталась мне. В это время другой старшина, из штаба батальона приводит какого-то курсанта, и комбат начинает на него кричать. Потом вдруг слышим громкий крик: «Ой, товарищ капитан, не стреляйте!». И видим: капитан два раза стреляет из пистолета тому прямо в грудь, а потом приведший его старшина снимает с плеча автомат и добивает уже лежащего короткой очередью.

Потом мы узнали: это был дезертир. Он ушел с передовой дней десять назад и за это время не смог уйти в тыл, везде наткаясь на заградотряды. Его где-то увидел старшина и привел к комбату. Он был наш, кубанский.

Однажды и нам довелось иметь дело с заградотрядом. Мин не было, делать нам было нечего, и старшина попросил нас накопать для роты картошки. Мы отправились на это боевое задание вшестером, с подводой, проехали полтора километра, нашли картофельное поле и принялись за работу, ругая ездового: у него была нормальная человеческая лопата, а у нас наши пехотные, и приходилось копать, стоя на коленях. Накопали три мешка, начали четвертый, и видим: приближаются к нам трое в белых полушубках. Подходят к нам вплотную, лейтенант и двое рядовых с автоматами, направленными на нас, что нам сразу не понравилось.

Хайдаров на требование лейтенанта показал ему свою красноармейскую книжку, но тот потребовал еще какую-то бумагу, теперь уже не помню, какую, увольнительную, открепительную, объяснительную. У Хайдарова ее не было, и лейтенант начал кричать на нас, что дезертиры, что он нас ответит сейчас куда следует, и хорошо, если нас отправят в штрафбат, а могут и к стенке. Хайдаров, уловив момент, когда тот остановился, что-

бы передохнуть, объясняет ему, что он получил приказ от вышестоящего командира и обязан его выполнить, и что на передовой мы получаем много разных приказов, но никому и в голову не приходит требовать от вышестоящих каких-то бумажек. Что же, из-за этого не нужно выполнять приказы? То есть, вполне разумное объяснение.

Убедило это лейтенанта или он и сам понял, что никакие мы не дезертиры, но он перестал кричать, а мы продолжили свое дело. Заполнили четыре мешка для роты и полмешочка для себя, Хайдаров, подойдя к лейтенанту, подчеркнуто лихо откозырял и сказал: «Товарищ лейтенант, разрешите следовать в часть». Тот только махнул рукой, и мы двинулись, а они, «в белых одеждах» отправились дальше ловить других.

Не обошлось без приключений и с кинжалом. На следующий день после того, как он стал моим, к нам на позицию пришел замполит и, увидев кинжал, сказал: «А ну, дай посмотреть». Я снял его с пояса и дал замполиту, а он сразу прицепил себе, немного походил туда-сюда, видимо, отработывая джигитскую походку, повернулся и... пошел. Я за ним: «Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант!», но он прикрикнул: «Прекратить разговоры!», и я остался ни с чем. Дня через три он снова пришел к нам, и как-то боком, не глядя на меня, сунул кинжал мне в руки и сказал: «На, тоже мне еще!», вроде с упреком. Его слова быстро объяснились. Оказывается, Хайдаров, парторг батальона (я только теперь это узнал), рассказал об этой истории комиссару батальона, тот вызвал нашего замполита, снял с него стружку и приказал немедленно вернуть кинжал. А тот, естественно, считал, что пожаловался я.

«У войны не женское лицо». Это, конечно, справедливо. Но женщины в Красной Армии были, и на фронте тоже. Я считаю, что пребывание женщины на фронте в любом качестве — это уже подвиг, но когда я читаю в каких-нибудь фронтовых воспоминаниях, что санитарка Люся Иванова вынесла из боя тридцать раненных красноармейцев с оружием, меня охватывает гнев и возмущение. Ни одна женщина физически не может вынести откуда бы то ни было взрослого мужчину. Нам приходилось выносить раненных из боя и после боя, мы делали это вчетвером, на шинели или плащ-палатке. Можно было сделать это и вдвоем, если бы у нас были носилки. Носилок у нас не было. Я однажды тащил раненного волоком по земле метров двадцать, начисто выбился из сил и, пристроив его в небольшом углублении, вернулся к своему

любимому миномету. Считаю, что в нашей роте вынести человека в одиночку мог только Григорян, человек сложения богатырского.

У нас в батальоне было три женщины. Все они были медицинскими работниками и постоянно находились в батальонном медпункте, куда или приходили сами, или приводились, приносились раненные, которым там и оказывалась первая помощь.

Первая была батальонным врачом, женщина уже пожилая на мой семнадцатилетний взгляд. Пребывание ее в батальоне закончилось трагикомической историей. Мы привели раненного и видим во дворе, где находится медпункт, такую картину. Врач стоит навтыжку, а командир дивизии, комбриг, размахивая перед собой ее носом пистолетом, кричит:

— Я тебя сейчас, сука, расстреляю, мать, мать, мать...

— Так, товарищ комбриг, ведь «мандавошки»...

— Сама ты «мандавошка», мать, мать... Полбатальона вывела из строя, сука, мать, мать...

А дело произошло такое. У одного курсанта были обнаружены лобковые вши, по-солдатски «мандавошки». Это считалось очень опасным, врач раздала старшинам по банке мази и приказа обработать всех курсантов без исключения. А дальше уже каждый старшина действовал по своему разумению. Наш, например, пришел к нам на позицию и спросил, есть ли у кого эти самые лобковые. Мы ответили, что таковых не имеется, а если нужны обыкновенные нашенские, то мы двумя расчетами можем обеспечить количественно пару дивизий, что вполне соответствовало истине. Он повернулся и ушел со своей банкой. Не знаю, как было в пулеметной роте, а в стрелковых ротах старшины действовали просто: построют человек десять, прикажут опустить брюки и кальсоны, и собственноручно мажут от души, кому как придется. А мазило это злое и ядовитое, у многих появились язвы, а у некоторых так разъело, что, извиняюсь, главное мужское достоинство, болталось как на какой-то красной веревочке. И когда появилась необходимость перебросить стрелковые роты на другое место, обнаружилось, что сделать это невозможно: многие курсанты ходили враскорячку, а некоторые вообще ходить не могли. Вот такая, и смешная, и грустная история. Комдив ее, конечно, не расстрелял, ее отправили куда-то, а на ее место прибыл врач-мужчина, тоже пожилой.

Вторая имела звание «санинструктор» и носила в петлицах четыре треугольника. Была она немолода, под тридцать, сложением низенькая

и толстая. А особенно на фронте, в обмотках, ватных брюках и ватной телогрейке она и на женщину не была похожа. Постоянное место ее было в медпункте, но она бывала и у нас на передовой, и однажды приползла через мокрую пахоту вся в грязи с головы до ног. Спрашивала, что кого беспокоит, кому-то давала таблетки, а мне, когда у меня загноился большой палец правой ноги и стало трудно ходить, она прямо в окопе намазала его вонючей мазью, перевязала и велела через два дня прийти на медпункт. Медичкой она была умелой и опытной, с ранеными обращалась заботливо и ласково, и в батальоне пользовалась полным и безоговорочным уважением. Но и она в атаке с нами не бегала и раненных из боя не выносила.

Третья была самой младшей по чину, рядовой санитаркой, но выглядела по меньшей мере артисткой: высокая эффектная блондинка с тонкой талией и высокой грудью. На фронте я ее ни разу не видел, хотя она тоже постоянно была на медпункте, но в Маджалисе она щеголяла в новенькой гимнастике, коротенькой юбочке из синего комсомовского сукна и в изящных сапожках на стройных ногах, что совсем не соответствовало ее статусу рядовой санитарки. Поговаривали, что она была ППЖ комбата. Точно я этого не знаю, но уже по грязи она бы не поползла.

После Нарта мы еще несколько раз принимали участие в таких же ночных атаках и всегда с таким же успехом, то есть без всякого успеха. Только однажды нам удалось значительно продвинуться вперед.

Нас, как обычно, подняли ночью, и мы пошли на немецкие позиции. Встречный огонь был слабый, и стрелки продвигались, по-моему, без потерь, тоже отвечая огнем. Продвигались и мы, с остановками: выпустим три-четыре мины и вперед. Мы уже приспособились вести огонь в темноте, без установки прицела, наводя приблизительно и по направлению, и по дальности. Стрелковый ротный хвалил нас, говоря, что наши мины рвались именно там, откуда стреляли немцы.

Метров за пятьдесят до предполагаемой немецкой позиции ротный командует: «Вперед, за Родину, за Сталина!» Рота бросается вперед, готовая переколоть всех немцев. «Пуля дура, штык молодец», но колоть некого, немцы уже ушли. Идем дальше.

Идем уже довольно долго, и начали испытывать беспокойство. Конечно, хорошо, что идем «вперед, на запад», но ни слева, ни справа не слышно стрельбы, и что это значит? Выходит, наша рота в одиночку гонит немцев?

Наконец, ротный дает приказ окапываться. Мы прошли километра полтора, много это или мало? Не знаю, как этот наш успех был отражен в военных сводках, но только на следующую ночь мы отошли назад и закрепились на брошенной немцами позиции. Немецкую позицию мы видели в первый раз и, естественно, это вызвало у нас большое любопытство. Чего только там не было: стреляные гильзы, длинные немецкие гранаты с деревянной ручкой, пачки из-под сигарет, консервные банки, разные бумажки и тряпки и, что меня особенно заинтересовало, обрывки немецких газет. Я подобрал два крупных, в пол-листа и попытался их почитать. К большому моему удивлению, я понимал почти все. Конечно, попадалось много незнакомых слов, но общий смысл я понимал полностью. Стрелки приспособляли немецкие окопы для себя, а нас выпроводили назад, где мы и должны были окапываться. Я отобрал еще несколько кусков газет, чтобы там по безделью основательно вникнуть в их содержание, но Хайдаров, увидев эти мои действия, подошел ко мне.

— Ты что, знаешь немецкий?

— Знаю, не знаю, но в школе имел отличные оценки, а в десятом классе, уже во время войны, мы изучали на немецком исключительно военную тематику и военную терминологию. Вот посижу со словарем и все разберу.

— У тебя, что, и словарь есть?

— Есть.

— Брось сейчас же газеты, и словарь при случае выбрось. Ты знаешь, чем это тебе может обернуться?

Мне очень хотелось как следует почитать немецкие газеты, но совет парторга Хайдарова я выполнил. Частично. Словарь не выбросил.

Вот так мы однажды все-таки выполнили «Вперед, на Запад!». Туда и обратно. Другие и этого не смогли.

4. ЛИСТ ФАНЕРЫ

Дней десять назад я едва не похоронил Витьку Чекова.

Под утро нас привели в небольшую лоцинку и приказали занять боевую позицию, указав направление на противника. Место было хорошее, мы были защищены от пулеметного огня и, поднявшись всего метров на десять могли видеть те места, куда скорее всего вести огонь, то есть Хайдаров имел возможность видеть разрывы наших мин и по необходимости корректировать огонь, подавая команды голосом.

Мы с Григорьяном быстренько устанавливаем миномет и принимаемся за окопы для себя. Тут дело идет хуже: после слоя чернозема

сантиметров в 30, начинается крупный гравий, плохо поддающийся нашим малым лопаткам.

Уже светло, мы продолжаем вяло действовать лопатками; как вдруг совершенно неожиданно начинают густо рваться мины, и мы видим бегущих к нам бойцов, а Витька из них первый. Я вскакиваю, машу руками, кричу: «Витька, Витька, сюда, сюда!», хотя, если разобраться, то куда «сюда»? Я вырыл небольшую ямку, при очередном свисте близкой мины, я прячу туда только голову и плечи, оставляя зад и ноги на произвол свистящим осколкам.

Витька тоже уже увидел меня, махнул рукой, остается метров пятнадцать, близкий разрыв мины, и Витька падает. Плохо падает. Я подбегаю к нему, он лежит вполоборота на правом боку, уткнувшись лицом в траву, и неподвижен. Я действую лихорадочно, быстро, и поэтому у меня все получается. Снимаю с левого плеча выюки миномета и вижу: на шинели, на четверть выше ремня и на том месте, которое с равным правом может быть названо и спиной, и боком, огромную, в полладони дыру, с черными обгорелыми дымящимися краями. Ого!

Поворачиваю Витьку на правый бок, вижу его лицо. Глаза закрыты, губы сжаты, белый как мел, ни кровинки. Но стонет. Значит, жив! Раздеть бойца на фронте зимой — дело нелегкое. Закидываю лямки противогАЗа за голову, вытаскиваю из-за ремня гранату, расстегиваю и откладываю его с лопаткой в сторону. С шинелью совсем плохо: пальцы замерзли, руки дрожат, проклятые крючки никак не поддаются. Наконец, все-таки расстегиваю шинель, снимаю с Витьки ее левый рукав и вижу на гимнастерке тоже черную дыру, гораздо меньшую.

Задираю гимнастерку и смотрю на нижнюю рубаху, которую никак нельзя назвать белой, ибо мы купались три месяца назад, а сменного белья нам так и не выдали. На рубахе вижу только большое черное пятно, но дыры как будто нет. Я осторожно прикасаюсь к этому пятну, материал под пальцами рассыпается, а Витька вздрагивает.

Вытаскиваю из-под тугого брючного ремня рубаху, и что я вижу? Синяк!

Огромный черно-сине-багровый синяк! И все! Крови нет! Подает, наконец, голос и Витька. Поворачивает голову.

— Здорово там меня, а, Юр? — дрожащим голосом спрашивает он.

— Здорово, — отвечаю я, стараясь вложить в голос максимум ехидства, — очень здорово! Вставай, симулянт! Нет там ничего! Си-

няк!

— Как синяк!

— Очень просто, синяк и все. Крови нет. Не веришь, убедись сам.

Он, еще не совсем доверяя моим словам, нерешительно протягивает руку, осторожно прикасается к синяку, морщится, внимательно рассматривает руку, потом проделывает всю процедуру еще раз.

— Что, — спрашиваю, — помочь одеться или ты сам? А с дырой как? Зашивать придется. От полы отрежешь или будешь ждать, когда убьют кого?

Он оставил мои ехидства без ответа, а теперь, пожалуйста, и ходит, и бегаёт как миленький.

А сейчас мы с Витькой Чековым лежим на сырой осенней траве и смотрим в небо. По небу тяжело плывут темные, мрачные облака.

— А погодка-то сегодня мировая, — говорит Витька.

— Угу, — соглашаюсь я.

По нашим теперешним оценкам, хорошая погода, это, когда не будет дождя, но нас и не будет донимать немецкая авиация.

— Слушай, — приподнимается Витька на локте, — а зачем нас сюда притащили? Вопрос интересный. Я сам уже об этом попытался поразмыслить, но

ничего не придумал. Нас сняли с передовой в полночь, часа полтора водили по всяким разным местам, и вот мы, два минометных расчета под командованием Хайдарова здесь. И больше никого.

— А ты спроси у Хайдарова, — предлагает Витька.

Мы уже больше месяца на фронте, и наш расчет все время в подчинении у Хайдарова, поэтому Витька считает, что у меня больше прав обращаться к тому.

— Не положено по субординации, — отвечаю, — сначала надо обратиться к командиру расчета.

Дикин сидит в нескольких шагах от меня на деревянном ящике с минами и на мой вопрос не реагирует, считая, видимо, такой вопрос идиотским, что вполне справедливо. Да и сидение на ящике не способствует его благодушию. Эти ящики — наш тяжкий крест и несчастье. Когда мы только прибыли на фронт, начальство строжайше контролировало расходование мин и нещадно ругало нас за ненужную, по их мнению, стрельбу.

Сейчас положение другое. Мин у нас сколько хочешь, и в бой мы идем с таким запасом мин, который сможем нести на себе. Но стандартных лотков по десять мин в каждом, у нас в расчете только два, у Григорьяна и Михаила. А Дикин и Аванесов идут в наступление с ящиками, в каждом из которых тоже по десять мин. Вот и представьте себе,

что значит идти в цепи с ящиком на плече, приходится и ползком, и короткими перебежками, и окапываться, старясь в первую очередь врыть в землю этот проклятый ящик, от греха подальше. Вот такой интересный вопрос: если наша промышленность сумела наладить выпуск мин по принципу «сколько хочешь», то неужели нельзя было решить вопрос и с лотками? Скорее всего, о людях в то время никто не думал.

Хайдаров ответил коротко: «Ждем приказа».

Ждать, это понятно, но что делать — непонятно. То ли мы далеко от передовой, то ли на передовой, а если так, то с какой стороны от нас противник. Подготовить бы позицию, не мудрствуя лукаво, просто на запад, но у нас нет компаса, а из нашей небольшой ложины вообще никуда и ничего не видно. Выйти на пригорок и осмотреться Хайдаров не разрешает — такой приказ.

Где-то в середине дня по этой же ложине к нам приближается какой-то отряд. Мы быстро определили, что это наши, и они направляются к нам.

— Господи, Рыжий! — восклицает Витька.

Действительно, Рыжий. Это — лейтенант и командир второй стрелковой роты нашего батальона, той самой роты, с которой мы чаще всего бегаем по ночам в эти дурные атаки.

Значит, наступаем.

Рыжий действует быстро. Расставляет посты и наблюдателей (теперь мы знаем, с какой стороны немцы) и сообщает Хайдарову, что наши два расчета приданы его роте. Тут же отдает распоряжение без его приказа огонь не открывать. Мы скептически ухмыляемся, он всегда отдает такие распоряжения, но я ни разу не слышал, чтобы он нам в бою отдавал какие-нибудь приказы. Что делает солдат, когда ничего не делает? Ясно — спит.

Мы с Витькой быстренько организуем небольшую ямочку на двоих и тесно укладываемся в нее, завернувшись в шинели. Но заснуть нам не удастся. Чуть правее от нас, совсем недалеко разгорелась стрельба, сначала только из стрелкового оружия, потом заушали минометы. И все жарче, и жарче.

Видим зеленую ракету. Нам? Нам. Громкие команды Рыжего, наша цепь выходит на пригорок и движется в сторону немцев. Вот теперь нам все видно. Мы идем по полю с небольшим уклоном, дальше примерно через один километр полоска кустарника, видимо, какой-то ручеек, а потом такой же подъем и поле, заросшее кукурузой. Что происходит справа, нам не видно, кроме дымков от разрывов мин да

звуков жестокой стрельбы.

Идем по пахоте, идти трудно. Метров через триста пересекаем брошенную стрелковую позицию, явно немецкую: окопы полного профиля, откосы защищены плетеными из хвороста матами, хорошо оборудованные стрелковые ячейки и пулеметные гнезда, крытые блиндажи. У нас такого не делают. Воронки, воронки, разрушения — видно, здесь были бои нешуточные. Перепрыгиваю через траншею, вижу полузасыпанный лист фанеры.

Вот бы здесь приказ закричать! Но идем дальше. Пахота заканчивается, начинается поле необранной кукурузы. Идти легче.

Немцы пока никак себя не обнаруживают. Может, их здесь и совсем нет? У немцев на этом участке не было сплошной обороны, но было размещено много пулеметных гнезд, хорошо оборудованных и замаскированных. И именно эти пулеметы доставляли нам главные беды.

Мы уже прошли метров семьсот, но немцы молчат. Неужели дойдем до ручья? Нет, не дойдем. Из кукурузы за ручьем с правой стороны протягивается длинная цепочка разноцветных огоньков. Высоко. Следующая — ниже. Команда: «Бегом, марш!» Это к нам не относится, мы с минометами и ящиками не бегаем. Стрелкам много бежать тоже не пришлось. Огонь ведут уже три пулемета, и разноцветные смертельные светлячки так и носятся среди кукурузы. Вот упал один стрелок, вот — второй, вот — третий. «Ложись, окопаться!»

Подтягиваемся поближе к стрелкам, сбрасываем с плеч весь груз и лихорадочно работаем лопатками. Когда мы залегли, немцам нас, конечно, не видно, но они хорошо пристреляли местность, и рои пуль густо летят один за другим.

Наконец я врылся в землю, теперь можно перевести дух и осмотреться. Григорян к тому времени уже устроил себе приличный окоп, соорудил небольшое гнездо для миномета и затащил его туда. Минометы мы бережем. Как-то замполит заявил нам, что если у кого миномет выйдет из строя, весь расчет будет отправлен в стрелковую роту, чего нам, естественно, не хочется.

Пора приниматься за работу. Мы считаем себя уже опытными минометчиками. Как только вражеский пулемет открывает огонь, мы стараемся определить, где же он находится. И первый немецкий пулемет более-менее вычислили. Хотя это случай для нас трудный. Если пулемет стреляет нам прямо в лоб, мы можем для себя точно определить направление, но трудно определить расстояние. Если же пулемет ведет огонь параллельно фронту, то лег-

ко определить расстояние, но трудно направление, так как невозможно понять, где пули вылетают из кукурузы.

А если огонь ведется наискось, как сейчас, то трудно и то, и другое. Но соображаем. Еще когда первый пулемет только открыл огонь, я уже заметил кое-какие ориентиры. А сейчас у нас короткое совещание с Дикиным, и начинаем. Для корректировки Дикину нужно при каждом выстреле вставать во весь рост и наблюдать за разрывами мин. Нехорошо, но другого варианта нет. После трех таких вставаний он с облегчением командует: «Беглый, до конца лотка!» и укладывается в свой окоп. Нащупали мы пулемет или нет, мы не знаем, но жизнь, конечно, ему подпортили. Другой расчет точно так же пытался нащупать другой пулемет и с таким же результатом.

Понемногу интенсивность пулеметного огня снижается. Немецкие пулеметчики продолжают огонь очень длинными очередями, но теперь удлиняются интервалы между очередями, и мы начинаем осваиваться на новой позиции более основательно.

Все роют, все копают. Мы с Григоряном опускаем миномет глубже, устанавливаем палочки для наводки, и дальше каждый начинает обустроить свое жилище, чтобы оно как-то защищало и чтобы спать было возможно.

Темнеет, и начинает накрапывать дождик. Нам недавно выдали плащпалатки, одну на расчет, и носим мы ее по очереди. Сегодня не моя очередь.

Дождик хотя и небольшой, но довольно противный. И вдруг у меня прямо-таки молнией промелькнула мысль: ведь у меня же есть лист фанеры. Действую немедленно: два слова Дикину, и я отправляюсь за фанерой. Вырезал замечательным кинжалом дыру в углу листа, привязал обмоткой (обмотка — вещь универсальная) и волоком назад. На обратном пути пришлось два раза лечь, те самые светящиеся рои летели прямо в меня, но обошлось.

Накрывая окопчик фанерой с небольшим уклоном, подгребаю землю по торцам. Для полного комфорта нарубил кинжалом две охапки кукурузных стеблей с листьями: мне и Григорьяну. Почти всегда большую часть физической работы по установке миномета делает Григорян, и я стараюсь каким-то образом это компенсировать: то охапку соломы поднесу, то вот как сейчас, стебельков кукурузных подброшу. С Григоряном у нас полное взаимопонимание.

Мой окоп вполне устроен, но через полчаса я понимаю, что нужного комфорта нет. Я не могу вытя-

нуть ноги, он слишком короткий, и не могу повернуться на бок — некуда колени девать. Дождик продолжается, но я решаю кое-что доделать. Снимаю фанеру, кладу ее в сторону и расширяю в нужном месте свой окопчик.

Вот все готово. Ищу фанеру — нет фанеры. Прохожу дальше, вглядываясь в темноте. Вот светлое пятно — моя фанера. Я поднимаю лист за угол и вдруг слышу: «Отставить!» Замполит. Откуда он взялся? Когда мы наступали, его не было. Я попытался возразить, но: «Прекратить разговоры! Кругом, марш!» Я чуть не заплакал, но приказ выполнил: повернулся кругом и зашагал. Иду, страшно огорченный такой великой несправедливостью, но, слегка успокоившись, соображаю: когда я шарил по разбитой немецкой позиции, там попадались разные деревьяшки. Может быть, найдутся и пригодные для моих фортификационных работ?

И я нашел дверь, настоящую дверь из толстых досок, и даже с железной ручкой, за которую я снова привязал обмотку и дотащил ее до своего окопа.

Теперь уж я устроился солидно: укрытие не только от дождя, но даже, пожалуй, и от осколочной мины невеликого калибра.

Я сплю и вижу сон. Этот сон я вижу уже в третий или четвертый раз. Несколько дней назад нас, пять человек, взяли с передовой для разгрузки снарядов на одну артиллерийскую позицию, мы пробыли там две ночи и один день, и артиллеристы кормили нас пшенной кашей, жареной луком и кусочками свиного сала. Такой восхитительно вкусной еды я не пробовал уже много дней, и она, видимо, где-то, по Фрейду, засела у меня в подсознании. И еще. В седьмом-восьмом классе мы были очень дружны с одной девочкой-одноклассницей. Ее звали Оля, и моя мама говорила о ней: «Смотри, татарочка, а какая симпатичная!» Ничего такого у нас с ней не было, мы даже не поцеловались ни разу, но вся школа знала о нас, и частенько можно было слышать от кого-нибудь: «Гляди, вон твоя симпатия идет!»

И вот сон: Оля протягивает мне котелок, полный ароматной, дымящейся «артиллерийской» каши, и так жалостливо на меня смотрит.

Утром главная мысль — долго ли мы здесь будем находиться? Ведь у нас как: приказ — продвигаться на сто метров вперед и закрепиться! Значит, прощай, мое великолепное удобное сооружение. И какой, интересно, прок от этих самых ста метров? А такое уже бывало, и вперед, и назад.

Утро светлое, облака высоко, и

немецкие самолеты, конечно же, появятся. Хотя положение с авиацией теперь здесь совершенно иное, чем раньше. После 19 ноября, когда началось наступление Красной Армии под Сталинградом, много авиации немцы направили отсюда под Сталинград, и здесь полностью исчезли немецкие бомбардировщики, мы больше не видим Юнкерсов. Мессершмитты по-прежнему крепко хулиганят каждый день, но это уже совсем другой коленкор по сравнению со Штуками, или, как мы их называли «лаптежниками» из-за неубирающегося шасси. Стала действовать наша авиация, но ее действия, кроме как бестолковыми и даже позорными, назвать нельзя. Немецкие мессершмитты-109 сбивают наши самолеты пачками и кучками, сами почти не имея потерь. Кстати, именно здесь начинал свою боевую деятельность самый знаменитый, как считают многие, летчик-истребитель Второй Мировой войны Эрих Хартман, который сбил за время войны 352 самолета, почти все советские. Здесь, под Орджоникидзе, он сбил свой первый ИЛ-2. Было это в начале ноября, так что я мог видеть это своими собственными глазами.

У нашей авиации я здесь что-то не видел успехов. Приведу один пример, наиболее запомнившийся. Несколько дней назад нам снова объявили, уже который раз, приказ о наступлении на Ардон с поддержкой артиллерией и авиацией. Видим, пошли наши самолеты бомбить Ардон, главный опорный пункт немцев в этом районе: тринадцать ИЛ-2 в сопровождении десяти истребителей, МИГов или ЯКов, мы их тогда плохо различали, видели только, что это не И-16 (ишаки). И вот появляется одна пара мессершмиттов, потом вторая, третья. Началась какая-то бойня, которую шесть немецких истребителей устроили такой армаде наших, строй которых сразу рассыпался, штурмовики сбрасывали бомбы куда попало и поворачивали назад, из истребителей только один или два пытались что-то сделать, а все остальные бессовестно драпали низко над землей. Только подымались там и там дымные факелы. В этом бою немцы сбили 8 или 9 наших самолетов, не потеряв ни одного. Мы просто бесились внизу, видя эту картину, что вы, дескать, «сталинские соколы», туды вашу, растуды? Ведь все мы были воспитаны на восхищении нашими летчиками, нашей авиацией, нашими рекордами, Чкалов, Байдуков, Беляков и так далее. А тут такое! Интересно, есть ли в нашей военной истории хоть какая-нибудь статистика о том, сколько военных самолетов было сбито в этой войне наших, а сколько немецких. Только конечно, не по

сводкам Советского Информбюро, ибо по этим сводкам наши «сталинские соколы» уничтожили самолетов самое малое раз в двадцать больше, чем их вообще изготовила немецкая промышленность.

А тогда мы наших летчиков просто презирали. Неужели везде было такое?

Совсем другое отношение у нас было к «кукурузникам» У-2, или, как их стали называть в войну ПО-2. Каждый день, чуть стемнеет, слышим: у-у-у, у-у-у. Это они, наши «кукурузники», пошли на немецкую сторону. Немцы почти все находились в населенных пунктах, и вот наши самолетчики там их и доставали. Конечно, существенного вреда они причинить немцам не могли, сбрасывая руками мелкие бомбы или по слухам, даже ручные гранаты, или нашенские мины. Но представьте самочувствие немца, когда он хочет спать, а над ним всю ночь висит какое-то тряпочно-фанерное сооружение и бросает вниз какие-то штучки, которые, между прочим, взрываются. И вот мечутся по небу лучи прожекторов, а когда они засекут серебристую точку, то с земли поднимается в небо множество разноцветных огненных трас. А мы за них искренне переживаем. К нашей радости, ни один «кукурузник» на наших глазах сбил не был. Как-то раз один из них после вот такого обстрела резко снизился и, приближаясь к передовой с каким-то странным звуком, все-таки дотянул до своей территории и сел метрах в четырехстах прямо за нами. Мы потом бегали смотреть на него и удивлялись, как это самолет с таким количеством дыр во всех своих частях еще может лететь. Летчиков мы не видели, а то бы узнали, что это был женский полк, тот самый, который стал потом таким знаменитым.

Одним словом, девки — орлы, хотя я и не уверен, что так можно говорить по правилам грамматики.

Существует Бог, или нет, но ему спасибо. Мы пробыли на этой позиции целых четыре дня, во время которых никаких особенных событий не произошло. Была взаимная стрельба из пулеметов, и один раз немцы устроили нам такой минометный сабантуй, что всю кукурузу посекали подчистую, прямо как после уборки. Мы тоже в долгу не оставались, мин не жалели, но устроить им такую же «уборку» мощностей у нас не хватало.

Замполит на второй день ушел с нашей позиции, и я великодушно вручил фанерный лист Григоряну. Никто, зная мои великие труды по фанерной части, не возражал.

5. ПРОРЫВ

10 декабря весь наш батальон, впервые после первых атак из Нарта, был собран вместе, в километре от передовой. Все бросились искать знакомых, друзей. Ведь с многими мы уже давно не виделись, не имели о них никаких вестей и не знали, жив ли, нет ли. Слышу громкий хохот, подхожу, вижу: Витька Чеков и Витька Каретников стоят друг перед другом без шапок и дико хохочут. Подхожу ближе, они и меня заставляют снять шапку, и я тоже включаюсь в их почти истерическую потеху. Нас остригли в первых числах сентября, почти три с половиной месяца назад, волосы отросли, и немывые, нечесанные, свалившиеся под не снимаемой шапкой, превратились в настоящий войлок, хоть прямо на месте среза и делай из него валенки.

Вид очень непрезентабельный, просто дикий.

Поредевший батальон построили. Осталось нас, пожалуй, только половина, не больше. Это еще при том, что командование нас приберегало, в откровенные мясорубки не бросало. Мы же кадры, и Иосиф Виссарионович сказал: «Кадры решают все».

Комбат произнес речь, в которой сообщил, что завтра или послезавтра будет оглашен приказ о присвоении нам званий, причем изменен порядок присвоения. Раньше нам было известно, что помкомвзводам, командирам расчетов и отличникам боевой и политической подготовки будет присваиваться звание сержанта, а остальным — младшего сержанта. Теперь же, с учетом полученного боевого опыта, все станут сержантами.

Нам, минометчикам, также было сказано, что 50-миллиметровые минометы с вооружения снимаются, будут только 82 мм. Это тоже к радости — не придется бегать в атаке вместе с пехотой. Еще новость, у нас в роте появился новый замкомроты, невысокий чернявый лейтенант.

Человек предполагает, а Бог располагает, и нашей радости не сужено было продолжаться долго. Уже стемнело, когда батальон построили снова, и комбат сообщил нам другие новости. Один из стрелковых батальонов нашей дивизии выбил немцев из крупной колхозной фермы по направлению к аулу Кадгорон, закрепился там и должен был развивать успех, но немцы отрезали его от основных сил. Резервов у дивизии вблизи нет, и наш батальон получил приказ прорвать немецкую линию (она не должна быть крепкой), соединиться с окруженным батальоном и удерживать ферму, пока не подойдет подкрепления.

Построились, пошли. Через полчаса дошли до жиденькой цепочки красноармейцев, окопавшихся в кукурузе. Развернулись всем батальоном, двинулись в сторону, где недалеке взлетали осветительные ракеты. Идем, никто нас не трогает. Уже вроде совсем близко просматриваются темные контуры приземистых зданий, наверняка, эта самая ферма. Неужели произошла какая-то ошибка, и нам ничего не придется прорывать, а просто благополучно доберемся до этого якобы окруженного батальона.

Прорывать пришлось. Где-то на левом фланге раздалось несколько взрывов, скорее всего, ручных гранат, не знаю, чьих. И сразу — стрельба, да такая густая, что весь батальон лег. Навстречу летело столько трассирующих, что, казалось, не должно было остаться на этом поле ничего живого. А мы лежали в этой свинцовой метели и соображали, что же можно сделать. Мы было наладили свой миномет, но нас смущало, что пули летели откуда-то сверху, а что это означало, понять не могли. Нашлись люди, которые поняли. Совсем близко слева загрохотал пулемет (мы сразу определили «максим»), затем второй, третий. Уже полтора месяца мы на фронте, действовали все время со стрелковыми ротами, а с пулеметной еще ни разу не приходилось.

Пришлось. Пулемет «максим», конечно же, оружие устаревшее, неуклюжее и неудобное, но при умении может быть еще каким грозным. Я объясняю сразу, что вообще такого полного окружения того батальона не было, но группы немецких автоматчиков засели на чердаках зданий фермы, таких длинных кирпичных коровников или свинарников, не знаю. Они-то и беспокоили постоянно окруженных бойцов, да и нас встретили таким дружным убийственным огнем.

А «максимы» их сразу образумили. Огонь этих автоматчиков стал слабеть, а потом и совсем прекратился. Раздавались еще редкие короткие очереди уже снизу (видно, автоматчики убрались с чердаков), но мы уже двинулись быстрым шагом вперед.

Вот и коровники. Стрелки бегут впереди, раздаются частые разрывы ручных гранат, это стрелки бросают их в ворота и оконные проемы на случай, если кто-нибудь еще там остался. Мы быстро проходим мимо здания, двигаемся дальше. Уже начинает светать, а мы толком не знаем, что же нам делать дальше.

И вот тут, за коровниками, нас встретила уже настоящая немецкая оборона и встретила таким пулеметным огнем, что те автоматчики показались нам детской забавой. Бе-

жим вперед, и вот — окоп. Настоящий окоп, круглый, глубокий на средний человеческий рост, и ... пустой. Мы все впятером впрыгиваем в него, но, ясное дело, в нем помещаются только наши ноги, а тела размещаются этой звездочкой, прижатые к земле. Сбрасываем миномет, лотки, ящики и — за лопатки. Тут обнаруживается еще одна напасть, с фланга бьет длинными очередями немецкий пулемет прямо вдоль линии наших окопов. К нам подбегает один курсант-стрелок: «Ребята, у вас тут негде пристроиться?» И тут длинная очередь, и он, уже мертвый свалился нам на голову. Мы откатили его, беднягу, за бруствер и продолжаем работать лопатами.

Нельзя сказать, что нам не повезло. Во-первых, нам попался пустой окоп, во-вторых, недалеко, метрах в пяти от нас в сторону немцев находится большая воронка, видимо, от авиабомбы, а поперек воронки лежит поваленный огромный тополь, и его ствол, сантиметров сорок в диаметре, защищает нас от огня немецких пулеметов. Пули чуть ниже попадают в ствол тополя, а чуть выше, уже летят над нашими головами. И скатертью дорога.

Этот же, с фланга, не знаю, сколько бед он принес. А мы сжавшись, как селедки в бочке, просто ничего не можем сделать ни для ведения огня, ни просто что-нибудь для себя, для своего укрытия.

Но вот, наконец, мы малость осмотрелись, убедились, что с фронта нам ничего не угрожает, и Дикин начинает командовать. Для начала мы попытались связаться с соседями, если таковые окажутся. Справа метрах в пяти оказался такой же окоп, и в нем три курсанта-стрелка. Мы решили пробиваться окопчиками навстречу друг другу, чтобы было, во-первых, где спать, а во-вторых, если придется, то и оказать друг другу помощь. Слева ближайший окоп был далековато, и мы до него не докричались.

Решения были приняты, и через полчаса положение было таким: Аване-сов со своим ящиком не без возражений с его стороны перебрался в ту воронку и активно приспособивал ее для жития-бытия, Михаил прорыл неглубокую траншею по направлению к стрелкам и забрался в нее, а Дикин отрыл нишу для своего ящика. В окопе стало просторней, так что я стоял ногами на земле, да и Дикин, чуть пригнувшись, уже был в безопасности. Только Григорян, хотя и принимал своим телом какие-то спиралевидные формы, никак при своем росте не мог полностью себя обезопасить.

Еще через полчаса мы установили миномет для стрельбы по это-

му вредоносному пулемету. Я два раза подпрыгнул, чтобы над бруствером получше определить направление огня, воткнул в землю две щепочки, отколотые кинжалом от дикинского ящика, и все готово.

Григоряну было неудобно помогать мне при стрельбе, и мы открыли огонь вдвоем с Дикиным минами из григоряновского лотка. Нужно было стрелять быстро, чтобы не дать пулеметчикам переменить позицию, и мы выпустили десять мин за три минуты. Мы, конечно, не очень рассчитывали на результат, но, если пулеметчики были не в нормальном окопе, а просто лежали в кукурузе, то мы могли и уничтожить их, а если они в окопе, то, по меньшей мере, повредить пулемет.

А результат был — пулемет, этот или какой другой из этого же места больше не стрелял. Наш новый замкомроты через полчаса, подбежав к нам, спросил:

— Вы пулемет подавили?

— Мы.

— Представлю к награде.

И убежал, а нам было приятно. В таких случаях, когда толк был, а особенного героизма не было, награждали командира расчета и наблюдчика.

Мы были, можно сказать, в полной безопасности, несмотря на сильный огонь с немецкой стороны, и начали устраиваться посерьезнее. Дикин отозвал Аванесова обратно в наш окоп, хотя тот долго отнекивался и утверждал, что за ним охотится снайпер, чему мы все никак не поверили, зная, что храбрец из него невеликий. Наконец, он все-таки воссоединился с нами, оставив свой ящик в воронке, и мы все занялись земляными работами: Михаил добрался до встречного окопа со стороны стрелков и начал углубляться, Аванесов устроил себе подходящую траншею в другую сторону, Дикин превратил в окоп свою нишу из-под ящика, а мы с Григоряном устроили место для миномета, теперь уже для стрельбы в другом направлении.

Вот тут мне и приспичило. Дело в том, что у меня разладился желудок, нет, не во время атаки, а на день раньше, и, скорее всего, от этой сырой кукурузы. Но наступило дело, которое никак отложить нельзя. Я пополз к аванесовской воронке, в какую-то долю секунды перемахнул через тополь и попал, на дно. И в то же мгновение в древесину тополя щелкнула пуля. Смотри, действительно, снайпер. Я сделал, все, что надо, а результат, смешав с землей, лопаткой выбросил подальше. Теперь надо возвращаться, а охоты это делать что-то не было. Я решил по-другому, переставил ящик на другое место и начал подкапываться

под дерево, чтобы не перелезть через него.

Дикин, видя, что я долго не возвращаюсь, забеспокоился и начал кричать, но я объяснил ему, чем я занят, и он это одобрил.

Я возвратился в свой родимый окоп в целостности и сохранности, а туда в свою очередь перебрался Дикин, чтобы, по его словам, осмотреться и что-нибудь сообразить по части ведения огня. Но он сразу же сообразил, что и соображать-то нечего. Из окопа-воронки не выснешься, сильный огонь, да и о снайпере нужно помнить. Он нам все-таки какие-то команды выдал, и мы с Григоряном шесть мин выпустили. И решили — хватит.

Дикин вернулся, и мы устроили совещание. Положение в смысле безопасности у нас было отличное, никаких команд от начальства мы не получали, значит, надо решать самим. Если мы здесь будем ночевать или даже зимовать, то в той воронке устроим ночной сменный пост, а здесь у нас уже достаточно лежащих мест. Жаль только, что нигде не видно сена-соломы.

А вообще мы не знали, выполнил наш батальон свою боевую задачу или нет. Если выполнил, то нас здесь должны быстренько сменить, и мы отправимся за званиями. А если нет? И что от нас слева и справа? Мы не знали еще тогда, что судьба уже разделила нас, говоря словами Симонова, на живых и мертвых, и вторых будет, пожалуй, много больше.

К нам спрыгнул Сагателов. Мы были обрадовались, надеясь на какие-нибудь новости, но он сам ничего не знал, в том числе и о том, долго ли нам тут находиться. Приказал зря огонь не открывать, только в случае немецкой контратаки. Неизвестно, когда нам смогут подбросить мин.

Он выпрыгнул из окопа, пробежал несколько шагов и вдруг, взмахнув руками, свалился на землю так, как падают только мертвые, мы это уже знали и видели много раз. Григорян мгновенно метнулся из окопа, схватил Сагателова на руки и спрыгнул с ним к нам. Живые, и тот, и другой. Расстегнули одежду, я вижу — маленькая такая дырочка чуть пониже левых ребер и ближе к краю, крови почти нет. Меня выпроводили на наш охранно-наблюдательно-туалетный пост, а Сагателова перевязали и уложили в одну из наших «спальных» траншей. Там он и лежит. Григорян сказал, что кишки не повреждены.

Между тем, положение наше ухудшилось. Немцы прекратили огонь из стрелкового оружия, в дело вступила артиллерия, сначала, судя во разрывам, одна четырехорудий-

ная батарея, потом такая же вторая. Бьют, бьют и бьют. Где же наша артиллерия или штурмовая авиация, которой в это время у нас было много? Где же те самые знаменитые ИЛы, о которых так много пишут наши фронтовые газеты, как они здорово действуют и как их боятся немцы.

Подбежал Мозговой, курсант из нашего взвода: «Ребята, можно к вам?» Говорит, что весь его расчет погиб от прямого попадания в большую воронку, которую их расчет приспособил под огневую позицию. А он был в другой воронке. Он не знал точно, весь ли расчет погиб, может и еще кто был в другом месте. Но миномет был точно разбит, и он решил присоединиться к нам. Дикин отправил его под тополь, и он взялся там энергично за лопату, потому что Аванесов был невысокий и круглый, а Мозговой длинный и худой.

Незадолго до наступления темноты наше положение стало хуже некуда: появились немецкие танки. Их было штук пять-шесть. Не знаю, что было бы, если бы они двинулись прямо на наши позиции, но они этого не сделали, а остановились метрах в ста пятидесяти от нас и добавили нам огня из своих орудий. В наших стрелковых ротах были бронбойщики с ПТР, но они почему-то не стреляли, оказалось, у них не было патронов, да и сомнительно, что они смогли бы причинить танкам какой-либо вред.

Мы своим расчетом приготовили все свое противотанковое оружие — сделали земляную полочку, положили на нее свои две противотанковых гранаты и вставили в них запалы. Бутылок у нас не было. У меня были винтовочные бронбойно-зажигательные патроны с черно-красными головками, и я захотел пострелять ими по танкам, но Дикин живого меня утихомирил. А хотелось очень: за подбитый или подожженный танк давали орден Отечественной войны, только недавно учрежденный.

Начало темнеть. Танки развернулись и ушли, ослабевать начал и артиллерийский огонь, сначала замолчала одна батарея, а другая, хотя совсем и не прекратила огонь, но стреляла все реже и реже.

Надо сказать, что тому участку нашей обороны, где находился наш расчет, от артиллерийского огня досталось много меньше. Я не знаю, как и в какой форме были расположены позиции двух наших батальонов, но мы были где-то в правой их части, а основные силы того, первого батальона находились гораздо левее, где виднелись какие-то постройки. Туда и досталась основная масса артиллерийских снарядов. Знали что-то немцы или это была

простая случайность, сказать не могу.

Наступающая ночь потребовала некоторых решений по жилищному вопросу: в нашем «укрепрайоне» появилось два новых жильца, а «жилплощадь» не увеличилась. Решили соединить наш главный окоп с топиной воронкой, но с земляными работами решили повременить, пока артиллерийский огонь или совсем не прекратится, или перейдет в простой беспokoящий.

Вызвала немалую тревогу стрельба с той стороны, откуда мы пришли: неужели и нас отрезали? Вскоре это подтвердил наш замкомроты, явившийся к нам прямо в угнетенном настроении. Он сказал нам также, что остался единственным средним командиром. Я не понял, каким именно: на оба батальона или только на нашем участке, но спросить его об этом не решился.

Через полчаса он пришел к нам снова, видимо, обходя всю линию обороны, и сказал, что будем прорываться обратно, иначе завтра за день немцы не оставят здесь ни одного живого человека. Видно было, как трудно ему было говорить нам это, ведь все мы знали приказ № 227, а он прямо открыто искал нашего сочувствия, ведь мы были для него в некотором роде свои.

Конечно, мы ему сочувствовали, но стало ли ему от этого легче?

По окопам прошел замполит, отбирая от нас красноармейские книжки и комсомольские билеты. Кстати, комсомольские билеты он вручил всем нам, молодым, недели две назад, прямо на передовой, хотя никто никаких заявлений не писал и никто ни у кого ничего не спрашивал. Но когда уже дают, ведь не откажешься, могли запросто решить, что ты собираешься бежать к немцам.

У нас в расчете произошли некоторые изменения. Григорян и еще один курсант-армянин решили вывести или выносить (как придется) Сагателова, и вторым номером у меня стал Михаил. И, естественно, в расчет включился Мозговой. Хуже всего было Аванесову: у него в ящике оставалось четыре мины, а свободного лотка не было. В конце концов он всунул их в вещмешок.

Зеленая ракета, наш сигнал. Это впервые, до этого у нас никаких ракет не было. Выбрались из окопов (очень жаль было такой хорошей позиции) и двинулись. Уже через несколько минут где-то впереди завязалась жаркая перестрелка, видимо, наши стрелки уже столкнулись с немцами. И сразу — множество освещенных ракет, и сразу — снова артиллерийский огонь из многих орудий во всей ферме, и где мы были, и где уже нас не было. Где-то там, спереди, раздалось жидкое «Ура!» и сразу заглохло. В свете ракет видим, несколько танков с автоматчиками на броне идут туда, где стрельба. Решаем начать и мы.

Устанавливаем миномет прямо в воротах полуразрушенного коровника и принимаемся за работу. Дикин стоит, прижавшись к откосу ворот, а мы с Михаилом — мину за миной, мину за миной. По танкам. Танку мы сделать ничего не можем, но Дикин кричит: «Хорошо, хорошо!» Говорит, что наши мины рвутся удачно, немцы с танков так и посыпались горохом. А мы свои мины туда же, в кукурузу.

А снаряды рвутся все чаще и чаще, и многие достаются нашему коровнику. Вот вскрикнул Мозговой, к нему добежал Аванесов, вернулся, собрал у нас все индивидуальные перевязочные пакеты, говорит, что у Мозгового прямо-таки разворотило все левое плечо. Даже, говорит, невозможно такое сделать осколком, может, целый снаряд попал, да не разорвался? Кто его знает, на войне все возможно.

У нас заканчиваются мины. А ружейно-пулеметная стрельба впереди как-то перемещается, видно, наши стрелки все-таки продвигаются куда-то. А мы — можем так и остаться здесь. Можем и навеки, так как огонь орудий и танков по нашим коровникам превратился в какой-то шквал, причем нам кажется, что вообще все снаряды достаются только нам.

Дикин говорит: «Выпускаем последние мины, и бегом к стрелкам». — А я? — жалобно вырывается у меня.

Им-то хорошо належке, а с минометом не очень-то побегу. Был бы Григорян, он бы этот миномет одной рукой и с какой угодно скоростью на край света утащил, а я совсем не Григорян.

Дикин раздумывает несколько секунд: «Взорвем миномет!» Последние мины улетают туда, в прикрытое небольшим снежком кукурузное поле, мы уже поднимаемся, но Дикин вдруг говорит мне: «А ну-ка, сбегай, посмотри, что там с Мозговым». Я бегу, а снаряды рвутся, пришлось два раза лечь. Добираюсь туда, где в углу коровника лежал Мозговой, а угла нет, весь он обрушился, и я только ощущал груду битого кирпича.

А Мозговой был родом из того самого Ардона, на который мы все

это время наступали, там жили его родители.

Я вскочил, чтобы бежать назад, к своим, и в это время прямо в воротах, где стоял наш миномет, разорвался снаряд. Думаю, спастись ни у кого из наших не было никаких шансов.

И тут меня охватил страх. Я уже немало был на войне, видел многое, видел смерть, но как-то никакого страха не испытывал. Впрочем, психологи утверждают, что это нормально для детского возраста, значит, у меня была еще детская психология. А тут прямо какой-то ужас. Все-таки одному человеку на войне плохо.

Я рванулся бежать к воротам. А снаряды рвутся. Мы различали, когда летит один снаряд, а когда летят сразу два, звук совсем другой, мы называли его «гармошкой».

И вот слышу, «гармошка». Ложусь, один разрыв, другой.

Я вскакиваю и...

Значит, был третий. Взрыва я не услышал. Удара по подбородку не почувствовал. Ощущение было одно — на меня, на мою грудь навалилась огромная, невероятной тяжести стена. Я сделал два шага, вырвал винтовку, попытался оттолкнуть эту стену руками, закричал (или только открыл рот) и... перестал существовать.

Вот так, просто и легко умирают люди на войне. Несколько секунд страха, и тебя нет. И заботы твои все закончились. Не надо бегать с осточертевшим минометом на спине, прислушиваться к щелканью пуль по кукурузным стеблям, постоянно опасаться, что каким-нибудь шальным снарядом оторвет руку или ногу, жалеть, что до сих пор в вещмешке еще лежат две банки рыбных консервов из неприкосновенного запаса (сухари я давно съел), думать, как решить проблему с начисто сгнившей правой портянкой.

Как пел Высоцкий много лет спустя: «А на кладбище все покойненько, исключительная благодать».

Однако Смерть, собирая обильную жатву на этом заснеженном поле, посмотрела на мое пацанье безусое лицо и нецелованные губы, только задела меня своим черным крылом и сказала: «Ладно, живи».

Правда, она не сказала, как мне предстоит прожить последующие годы, а то я мог бы и отказаться от ее милости.

Но со Смертью не спорят.

Продолжение следует

Илья БРАЖНИКОВ

ИСТОЧНИК ЗЛА

1. Антиимперия

В консервативных кругах принято любить Британскую империю и даже ставить ее в пример — в том числе нам. За десятилетия Холодной войны мы привыкли к тому, что главный враг — за океаном, а за последние годы — научились по-европейски презирать Америку, забывая о том, что США стали субъектом мировой истории только после 1-й, а в значительной степени даже после 2-й Мировой войны, и что за их спиной всегда стояла Британия. С определенной точки зрения, Британия осталась для США метрополией, США продолжает ее политическую волю — осуществляет интересы, которые А. Дугин соотарищи называют атлантистскими. Теракт в Беслане, с точки зрения Дугина, очередное проявление атлантистской геополитики. При этом, сосредоточившись на критике США, Дугин лишь мимоходом обмолвился о Британии, увидев «почерк англо-саксонской игры, той, которую они вели веками». «Веками» — это, конечно, не про США. Более развернуто против Британии высказался М. Леонтьев: «Холодная война» не началась Фултонской речью Черчилля и не кончилась прелестями перестройки и новым мышлением. Ей 200 лет без малого, и не мы ее начали. И нынешняя западная публицистика на российские и кавказские темы — жалкий плагиат. Читайте британскую прессу полуторавековой давности».

Однако, можно сказать, что Холодной войне даже не 200 лет, а гораздо больше. В XVI в. две империи — истинная и мнимая — сталкиваются впервые. Результат: британским «историком» оклеветан лучший русский Царь и с ним — на столетия! — идея Русского Царства. Антиимперия сразу почуяла своего главного конкурента и попыталась его устранить.

В следующий раз, когда Россию возглавил Государь, потенциально способный (особенно в союзе с преклонявшимся перед ним Наполеоном) свести роль Англии в мире к нулю, он был устранен моментально, с непосредственным участием Англии, но ловко, как всегда, затушеванным. Затем этот русский Царь был оклеветан еще хуже, чем Грозный. Таким образом, два самых выдающихся русских монарха сознательно очернены англичанами. Я уже не говорю об английском предательстве Царской семьи в 1918 году. Зато весь мир превозносит английских королей — которые, правда, не пра-

вят, зато как это красиво и консервативно!

Британии принадлежит сомнительное первенство во многих вещах: это родина политэкономии, первое государство, официально провозгласившее своей доктриной богатство народа — т. е. царство мамоны, сиречь диавола; Лондон — ад уже в XIX веке: почитайте об этом у Достоевского; в Британии зародилось современное производство (индустрия), концлагеря, нацизм. Мощнейшим ударом была и остается английская рок и поп-музыка, столь же обольстительная, сколь и разрушительная. О чудачках, типа Кроули можно и не упоминать, ибо каждый второй англичанин сегодня — Кроули. Британия — Родина современной политической системы, которая обеспечила процветание самой стране и погубила, будучи заимствованной, все остальные. В случае с англо-масонским конституционализмом мы имеем дело с системой, которая сводит другие страны к фактическому подчинению англо-саксонскому миру. М. Леонтьев цитировал Эдмонда Спенсера, британского путешественника, по совместительству разведчика и провокатора: «Цивилизаторская миссия здесь (на Кавказе) принадлежит Англии, законному лидеру конституционной свободы во всем мире, могучему оплоту против деспотизма».

И бесконечно, невыносимо мерзкий, как чёрт, Чёрчилль. Фамилия коего с английского переводится вполне благочестиво, но не будем обольщаться! Русский — точнее! Английское слово «Церковь» и производная от нее фамилия известного консервативного деятеля созвучны русскому наименованию лукавого. Зато этот жирный профиль украшает издания и клубы, позиционирующие себя «правыми» и «консервативными»! Достоевский немного ошибся: чёрт оказался не либералом, но скорее английским консервативатором.

Теперь уже ясно, что Вторая мировая война — это война Англии против России, ведущаяся руками Германи. Что ясно показал, собственно, сам Чёрчилль своей Фултонской речью. В столкновении Чёрчилля со Сталиным произошло очередное столкновение двух империй, точнее Империи и Антиимперии. Сталин победил — и был обоглан английскими историками точно так же, как его предшественники — Иоанн Грозный и Павел I. Отметим, что в этом стол-

кновении США в лице Рузвельта скорее поддерживало Сталина и СССР.

Зададимся несколькими вопросами. Случайно ли, что Путина, пока вся Европа задавалась сакраментальным ху ис? — первой признала Британия? Случайно ли, что о Тони Блэре впервые прозвучало слово «друг»? Случайно ли английская королева принимает у себя лидера России — впервые, как нам участливо напомнили журналисты, после Николая I — за несколько лет до Крымской войны? Не королевский ли подарок готовят сегодня из России и не близка ли Британия сейчас как никогда к своей вековой мечте — безраздельному мировому господству, на морях и на континенте? И найдется ли сегодня другая страна, способная поставить в Иерусалиме своего правителя, как не англо-саксонская Антиимперия — создатель современного государства Израиль? Ведь даже на роль очередного антихриста ставят сегодня британского фокусника-еврея.

2. Белая длань Британии

Хотя орки и появились на свет в Британии, как известно, там они больше не живут. Они давно, став урукхаями, вышли из подвалов Изенгарда. Об их британском происхождении напоминает только белая длань на челе, а воюют они преимущественно с детьми, женщинами, пассажирами авиалайнеров и просто прохожими на территории России-Рохана.

Когда-то белая длань была чем-то вроде знака качества, ее ставили на туземцев несущие бремя белого человека. Решение стать на сторону силы, власти и зла — на сторону Властелина Кольца — у Британии довольно отчетливо прослеживается с XVI века. Однако, пока последнее кольцо в руках русских хоббитов, Властелин Колец не может найти себе места. Это кольцо, называемое также Золотым Кольцом России, называемое ещё Heartland, нужно завоевать, и по мере приближения к цели, урукхאי все больше звереют.

Однако, не надо говорить нам, что это урукхאי по собственной воле воюют с Роханом. Им эта война и это Кольцо ни к чему, они существа подневольные. Война с Роханом и Кольцо нужны их хозяевам. И об этом урукхאי удивительным образом проговариваются.

Исламское духовное лицо Омар Бакри Мохаммед заявил в Лондоне корреспонденту «Дейли телеграф»: «Если бы иракские мусульмане про-

вели подобную акцию в Великобритании, это было бы оправданно, поскольку сами британцы в Ираке осуществляли террористические акты». Странное заявление, поданное в новости ещё и в тенденциозной обработке: дескать, какой ужас: духовные лица мусульман призывают совершать теракты, подобные Бесланскому, по всему миру!

Между тем, этого в заявлении Омара Бакри нет и близко. В действительности, если вчитаться в его слова, он выражает недоумение — почему такой теракт совершен в России, которая ведь не воевала и не воюет с исламским миром. Если бы сделать такое в Лондоне — это другое дело, поскольку это было бы адекватно тому, что британцы делали в Ираке (и, добавим, в 20-40-е годы в Палестине). Тем самым косвенно названы сторонники и организаторы политики террора и наиболее вероятные заказчики Бесланского теракта.

Тем временем наш престол по-прежнему занят спящим. Во сне, который внушает королю советник Павловский — интеллектурал №1, социогуманитарный доминант Русского пространства, как свидетельствуют последние опросы, — невозможно разобравшись, что есть опасность, кто враг. Вот главный военачальник России намечает врага — и тут же оттуда в спешке отступают наши войска. Сам же спящий правитель упорно врагов по имени не называет. Масштабы грозящей опасности тоже не озвучивает. А если и проговорится, то не спящая пресса, ведомая Советником, его сразу поправит. Правитель скажет: к сожалению, наша великая держава распадается, а его поправят — к счастью! Причем Советник тут же выступит с интервью и заметит это! Он знает, что интервью его прочтут несколько тысяч, а речь правителя в исправленном виде — десятки миллионов. Словно наши СМИ вовсе и не подконтрольны ему. Словно он и сам не рад, что великой державы больше нет. Словно не его СМИ навевают всем нам этот сладкий сон. И по-настоящему боится Советник только одного: «ветхозаветных князей»! Они придут, и вся современная политика станет неактуальна.

Пока же ветхозаветные князья не пришли, Правителя всячески продолжают усыплять. Дважды за 3 года Правитель собирался на Афон, и дважды какие-то силы не пустили его. На Валаам — пустили, и в Тихвин — пустили, и на Соловки — пустили. Потому что там неизвестна вся тай-

на. Быть может, именно на Афоне находятся те, кто бы мог открыть ему глаза? Кто назвал бы прямо имена врагов?

Впрочем, ведь они давно уже названы — и афонскими, и иными старцами. Но Правитель не внимает их голосам, несмотря на все усилия архимандрита Тихона. Чтобы правитель проснулся, мало слов святых, мало крови. Мало смерти детей — как ни горько это сознавать. Нужно, по видимому, явление Пророка. И вот, преподобный Серафим Саровский явился в Питере женщине и обещал не только пророка, но и Царя в недалеком будущем. Учитывая, что Глеб Павловский предвещает ветхозаветных князей, отнесемся к этому явлению со вниманием. Даже если решающее событие нашей истории по каким-то причинам вновь будет отложено, будем ждать Царя, как некогда древние иудеи ждали Мессию. Только бы не обмануться, как они.

3. Правильная эсхатологическая перспектива

В коммунизме часто видят разновидность хилиазма, однако, хилиазм — скорее одна из его интерпретаций. В зрелом русском социализме, сталинизме (а не в троцкизме или австро-марксизме) хилиазма нет: сначала Армагеддон (последняя битва с капиталом), потом, уже как инобытие, новый мир — коммунизм. Хрущев, грозивший похоронить капитализм и именно из этой перспективы обещавший коммунизм к 80-му году, не был хилиастом и тем паче не стебался, когда это говорил. Он, действительно, планировал последнюю битву — Карибский кризис едва не стал ей. Когда Хрущев был отстранен от власти, новое правительство, ветераны, уставшие от войны, хотели только мира во всем мире, и упустили важнейший момент: в 1963-1972 гг. западный мир переживал самый сильный кризис, победить его было делом техники, в которой к тому моменту у СССР было очевидное превосходство.

Была искажена правильная русская эсхатологическая перспектива: Последняя Битва — Новая Земля и Новое Небо. Пришлось писать книгу под названием «Малая Земля» — чтобы оправдать прошлой войной отсутствие настоящей, заменить идеал Новой Земли — Малой. Без битвы коммунистический идеал и впрямь стал вяло-хилиастическим, либерально-иудаистическим, 1980 год стал годом не победы коммунизма, а первым ударом по СССР окрепшего и

укрепившегося Запада. Даже воевать в Афганистане тогда было уже поздно: время битвы было упущено, сформировалось конформистско-хилиастическое поколение, ориентированное на Запад, опираясь на которое революционно настроенные шестидесятники вместо мировой революции и Армагеддона устроили революцию в собственной стране.

Спасибо Леониду Ильичу за наше счастливое детство. Мы могли быть детьми войны, а стали баловнями мира — самого лучшего и светлого мира во всем XX веке. Мира 70-х.

И сегодня русские умирают по миллиону в год не потому, что живет бедно, а потому, что эсхатологическая перспектива продолжает оставаться искаженной. Мы живем для того, чтобы удвоить ВВП и достичь хилиастической комфортной безопасности. Можно ведь и гари старообрядцев объяснить социальными проблемами и стесненными материальными условиями — только за чем?

Итак, необходима правильная историческая и эсхатологическая цель. В самом деле: Холодная война — которую трудно признать 3-й мировой, как трудно признать и мнимое «поражение» в ней СССР — так ведь и не привела к настоящей войне, в которой Советский Союз победил бы наверняка (если бы вообще были победители). Холодная война началась очень давно, и пока существует Россия, пусть под видом РФ, Холодная война будет продолжаться. Мы завершили ее, но с нами ее не завершили. Победители в войне так не поступают. Провозглашение победы — не более чем тактическая уловка. Они ещё не победители. Они победят, только если России не станет.

Не будем строить иллюзий: идея расчленения России сохраняет всю свою привлекательность не только для стран Запада, но и для их новых ревностных слуг — мнимых государств Восточной Европы и некоторых «стран» СНГ. С ними не будут, конечно, ни особенно церемониться, ни делиться, но их агрессивная русофобия, можно не сомневаться, будет использована сполна.

Но мы верим, что этого не случится до Последнего Дня.

Вот почему Горячая Война не состоялась — она просто отложена. Но она всё ближе. Мы должны вновь обрести горизонт Последней Битвы, как наши футболисты в прошлом году. И начать ее — по всему миру. Начать с тех, кто пытается досрочно закончить Холодную войну.

НАШИ КНИГИ

Г. Л. БЕЛЬСКИЙ
В. Ю. ПОПОВ

ПУТИН И ЕГО КОМАНДА

МОСКВА

Г. Л. Бельский, В.Ю.Попов. «ПУТИН И ЕГО КОМАНДА». Сборник статей. Спецвыпуск журнала «Наследие предков» №1/2002. 32 стр., — 25 руб.

В сборник вошли статьи, опубликованные в газете «Эра России» в 2001 году и получившие широкий резонанс: «Нострадамус о Путине», «Перепись населения России закончится «Страшным Судом»», «Паутина Путина», «Тайная причина терактов в Америке» написанные В.Поповым и «Чекистский ренессанс», «Антихрист-style», «Банкет в кругу крыс» Г.Бельского. Сборник раскрывает оккультные и политические корни такого явления, как «путинomanия» среди политической верхушки России. Показана связь режима РФ с международными криминальными сектами.

В.Ю.Попов. ВОЗВРАЩЕНИЕ РУСИ (На пути к русскому государству). «Наследие предков». Москва. 2003. 320 стр. — 150 руб.

Книга Верховного правителя Русской республики, председателя Временного правительства Русской республики, редактора газеты «Эра России» и журнала «Наследие предков» Владимира Юрьевича Попова рассказывает о становлении русского национально-освободительного движения в России 1990-2002 гг. Рекомендуются

для всех политически активных русских людей, интересующихся современностью, каковой её видят непосредственные участники важнейших событий. Книга носит автобиографический характер и несёт в себе важнейшее качество — искренность.

«РУССКАЯ РЕСПУБЛИКА. Сборник документов и статей». Спецвыпуск журнала «Наследие предков» №2/2003. 44 стр., 25 руб.

Брошюра посвящена организационным документам Русской республики и публицистическим статьям В.Попова, А.Широпаева, Е.Рогачева, В.Кривова.

РУССКАЯ РЕСПУБЛИКА

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ
И СТАТЕЙ

МОСКВА

В сборнике публикуются документы: Манифест о восстановлении русской государственности, Постановление №1, Постановление №2, Постановление №3, Обращение к русскому народу, краткая биография председателя КОМУЧ В.Ю.Попова, и статьи: «Нам нужна Русская республика», «Как нам обустроить Россию и покончить с внутренним врагом?», «Где кончается Россия и начинается Русь», «Создадим Русское государство», «Власть в Русской республике», «Кто против Русской республики?», «Русская республика или смерть!», «За свободу и независимость Русского народа!», «1 декабря — решающий день!», «РОССИЯ: ПЕРЕЗАГРУЗКА. Круг-

лый стол по проблеме создания Русской республики».

А.А.Широпаев. «ТЮРЬМА НАРОДА». М.: «НАСЛЕДИЕ ПРЕДКОВ», 160 стр., 70 руб.

Эта книга — продолжение векового спора о происхождении древних русов, основателей русского государства, об истории противостояния русского, нордического, норманнского начала основателей династии рюриковичей с азиатским, византийским, хазарским влиянием на территории России. С принятием христианства на Русь хлынули греческие миссионеры, уже давно породнившиеся

с азиатами. Татаро-монгольское нашествие серьёзно повлияло на расовый состав Руси. Большая часть потомков нордических русов полегла в битвах с азиатскими ордами. Московское государство уже не было однородным по расовому составу. Азиатский элемент постоянно усиливался и во время Ивана Грозного стал доминирующим.

Деятельность Ивана Грозного вообще ещё не оценена по заслугам. Именно при нём нордическая Русь закончилась и появилась евразийская Россия, чему способствовали новые территориальные приобретения на востоке с преимущественно татарским населением и уничтожение древних русских аристократических родов. Впрочем на Иване Грозном династия рюриковичей прервалась и началась на Руси Смута. Вплоть до воцарения на российском престоле немецких по-крови государей Россия была азиатским государством и по форме правления и по расовому составу правящего слоя.

Казалось бы немецкое правление в России пресекло азиатское господство, но во время правления Екатерины II в России появилось новое опасное инородческое племя — евреи. Именно их деятельность изменила баланс сил к началу XX века. С большевистской революцией последовал реванш азиатчины, которому во многом способствовал братоубийственный конфликт между Россией, во главе которой была немецкая аристократия, и Германией. Первая мировая война ознаменовалась многочисленными немецкими погромами, которые разжигала многочисленная еврейская, азиатская по своему духу, пресса. Натравив русский народ на аристократию, азиаты захватили господство в России, которое продолжается и поныне. Обо всём этом вы прочитаете в книге Алексея Широпаева «Тюрма народа».

Мигель СЕРРАНО. «НАШЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ». 140 стр., 80 руб.

Уроженец Сантьяго де Чили, Мигель Серрано (Miguel Serrano) был послом в Индии в 1953-1962 гг.; послом в Югославии, аккредитованным одновременно в Румынии и Болгарии, в 1962-1964

МИГЕЛЬ СЕРРАНО

НАШЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

гг.; послом в Австрии и одновременно послом при МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии) и ЮНИДО (Агентство ООН по промышленному развитию) в Вене в 1964-1970 гг. С 1939 по 1945 гг. являлся редактором журнала «La Nueva Edad».

В 1947-48 гг. путешествовал в Антарктику в рамках государственной чилийской экспедиции с тайной миссией поисков оазиса теплых вод — событие, благодаря которому армия Чили назвала его именем одну из гор ледяного материка, так как он был единственным гражданским членом экспедиции.

Серрано знаком со многими индийскими йогами, а также лично знает Джавахарлала Неру, Индиру Ганди и Далай-ламу (став единственным иностранцем, которого Далай-лама принял в Гималаях, где укрывался после побега из Тибета).

Без усталости искал таинственные и заколдованные города Шамбала и Аггарта в Гималаях и до сих пор ищет Город Цезарей в Андах. Собирается предложить известной летчице-испытателью Третьего Райха Анне Райш (Ana Reisch) совершить полет на Южный Полюс, чтобы проникнуть через него в Полулю Землю. Следуя по стопам Отто Рана (Otto Rahn), посетил развалины Монсегиора и пещеры Сабарте. Из Сан-Хуан-де-ла-Пенья отправился дальше до Дороги на Компостелу, которая изначально вела на Кромлеш (Стоунхендж) в Великобритании.

Знает исследователя катаризма

Рене Нелли (Rene Nelli), профессора Университета Тулузы и Эзру Паунда, став впоследствии инициатором сооружения в Мединачели (Сория) единственного в мире памятника великому поэту, открытие которого также посетили жена Серрано Ольга Рудге (Olga Rudge) и венецианский князь Иванчичи (Ivancisci).

Сегодня Мигель Серрано по-прежнему живёт в Чили, продолжая свои мистические поиски в Андах. Его книги переведены на многие языки мира.

В сборник включены следующие работы: «ВОСКРЕШЕНИЕ ГЕРОЯ», «НАШЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ», «ГОЛЕМ», «ВОСКРЕСЕНИЕ БАЛЬДУРА В ВОДОЛЕЕ», «НИЦШЕ И ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ»,

Архив журнала
**НАСЛЕДИЕ
ПРЕДКОВ**

Владимир ПОПОВ

ОБЕЗЬЯНЫ ПУТИНА

(Хищники во власти)

Г. МОСКВА

«ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ».

Владимир ПОПОВ. «ОБЕЗЬЯНЫ ПУТИНА». 48 стр. Издание второе. Дополненное

Брошюра посвящена новой конспирологической теории о захвате власти в России человекообразными приматами.

Содержание работы: о теории Б.Ф.Поршнева, суперанималы — лысые обезьяны, хищники-вампиры, мавзолей-зиккурат — символ власти обезьян над людьми, о людях — нехищниках, как обезьяны управляют людьми? (По материалам книг М.П.Шерстнева) и краткий исторический обзор.

Стоимость брошюры с пересылкой — 30 руб.

Заказы направляйте по адресу: 111558, г.Москва, до востребования, Попову Владимиру Юрьевичу.